

801-85

НА ПРАВАХ РУКОПИСИ

10475-7

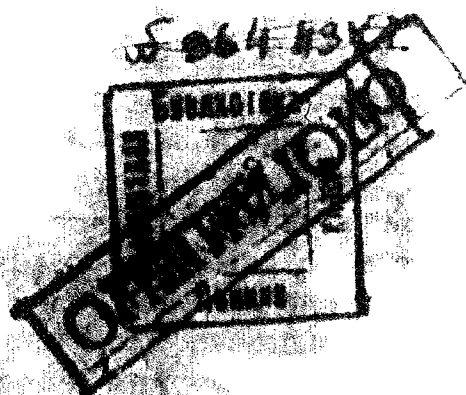
НО 676

Проф. Л. С. ВЫГОТСКИЙ. ЧОСТБ

44
77

ПЕДОЛОГИЯ ПОДРОСТКА

Задания №№ 1-8

СЛУЖБА ЗАШТИТЕ ИЛИ РАЗИПИСИ ОД НАСТАВНИКА

РЕПУБЛИКА СРБИЈА

НИКОЛИЊИ

УСТАВ
СТАВ 119
СТАВ 120
СТАВ 121
СТАВ 122
СТАВ 123
СТАВ 124
СТАВ 125
СТАВ 126
СТАВ 127
СТАВ 128
СТАВ 129
СТАВ 130
СТАВ 131
СТАВ 132
СТАВ 133
СТАВ 134
СТАВ 135
СТАВ 136
СТАВ 137
СТАВ 138
СТАВ 139
СТАВ 140
СТАВ 141
СТАВ 142
СТАВ 143
СТАВ 144
СТАВ 145
СТАВ 146
СТАВ 147
СТАВ 148
СТАВ 149
СТАВ 150
СТАВ 151
СТАВ 152
СТАВ 153
СТАВ 154
СТАВ 155
СТАВ 156
СТАВ 157
СТАВ 158
СТАВ 159
СТАВ 160
СТАВ 161
СТАВ 162
СТАВ 163
СТАВ 164
СТАВ 165
СТАВ 166
СТАВ 167
СТАВ 168
СТАВ 169
СТАВ 170
СТАВ 171
СТАВ 172
СТАВ 173
СТАВ 174
СТАВ 175
СТАВ 176
СТАВ 177
СТАВ 178
СТАВ 179
СТАВ 180
СТАВ 181
СТАВ 182
СТАВ 183
СТАВ 184
СТАВ 185
СТАВ 186
СТАВ 187
СТАВ 188
СТАВ 189
СТАВ 190
СТАВ 191
СТАВ 192
СТАВ 193
СТАВ 194
СТАВ 195
СТАВ 196
СТАВ 197
СТАВ 198
СТАВ 199
СТАВ 200

Број: М 45134

Закон: М 2515

Цена: 6000.

Централна издавачка кућа НРБМ, Београд, ул. Маршала Бугарског, 17.

ИИИ
ИИ

ИИ ДРВ

1942

Задание

семинария

ГЛАВА I.

ПОНЯТИЕ О ПЕДОЛОГИИ.

Содержание задания.

Понятие о развитии ребенка.—Важнейшие особенности детского развития.—Факторы, обуславливающие детское развитие.—Наследственность и среда.—Роль мозговой коры в развитии ребенка.—Взаимодействие биологических и социальных факторов.—Предмет педологии.

План проработки задания.

1. Внимательно прочтите текст этого задания, составьте конспект и план всей лекции.
2. Проанализируйте в каком-либо курсе или сочинении по географии одну главу (посвященную описанию какой-либо страны) и отметьте: 1) какие научные методы должны были быть употреблены для установления сообщаемых в ней научных данных; 2) какие разнородные точки зрения объединяет география при изучении той или иной части земной поверхности.
3. Подыщите конкретные примеры из личных наблюдений или из сведений, почерпнутых вами из книг и из других источников, каждому положению, выдвигаемому в тексте.

Педология есть наука о ребенке. Основной факт, с которым мы встречаемся, подходя к ребенку, это—развитие. Ребенок находится в постоянном процессе изменения и роста, и поэтому прежде всего следует выяснить основные моменты, характеризующие тот процесс, который мы называем процессом детского развития.

С внешней стороны раньше всего бросается в глаза тот факт, что процесс детского развития в основе своей сводится к росту, т.-е. к чисто количественному изменению и нарастанию материальной массы тела ребенка. Если мы сравним зародышевую клетку, из которой получает начало развитие ребенка, с новорожденным младенцем, нас прежде всего поразит огромное увеличение материальной массы этой живой клетки, т.-е. на первый план как будто выступают явления роста сами по себе. Тот же самый результат получится, если мы сравним новорожденного ребенка с взрослым человеком.

Первое и самое наглядное различие, которое сразу бросится нам в глаза, будет заключаться в том, что перед нами маленькое

существо, которое в процессе своего развития превращается в большой организм, хотя это увеличение и является крайне замедленным по сравнению с ростом в утробный период развития. И наши внешние наблюдения не обманут нас.

Действительно, в основе процессов детского развития лежат явления роста, т. е. количественное увеличение и нарастание массы организма. До сих пор мы еще не имеем исчерпывающей и сколько-нибудь общепринятой биологической теории роста. Однако, сами по себе факты и особенности, характеризующие этот процесс, довольно широко и основательно уже известны.

Было бы, однако, большой ошибкой сводить все развитие и связанные с ним изменения исключительно к факту роста или количественному увеличению организма. Такая точка зрения в свое время держалась в учении о зародышном развитии организмов, это так называемая теория преформизма или предобразования.

Сущность этой теории заключается в том, что зародыш представляет собой уже наперед сложившийся совершенно организм той же самой формы и структуры, что и зрелый, но только в микроскопически уменьшенных размерах. С этой точки зрения, например, в семени дуба заключен уже наперед весь будущий дуб с его ветвями, корнями и листьями, и весь процесс прорастания семени, а затем и роста дерева сводится исключительно к количественному увеличению этого микроскопического маленького организма.

Даже в семени человека, предполагали некоторые авторы, заключается в микроскопически уменьшенных размерах весь будущий человек, со всеми его органами, частями тела, и весь процесс развития в данном случае сводится исключительно к количественному увеличению, к росту. Эта теория была давно составлена в эмбриологии, т. е. в науке о зародышном развитии организмов.

Наблюдения показали, что эта теория совершенно неверно представляет историю развития зародыша и превращения его в зрелый организм. Эта история никогда не сводится к простому и исключительно количественному нарастанию, но включает в себе целый ряд метаморфоз, т. е. качественных превращений одной формы в другую, изменения самой структуры зародыша и организма, и эти качественные изменения не менее важны для полной характеристики процессов развития, чем процессы количественного роста.

Превращение яйца в цыпленка, превращение яичка в гусеницу, гусеницы в куколку, куколки в бабочку могут служить примерами такого метаморфоза. Но и утробное развитие человека, как мы увидим это ниже, состоит из целой цепи метаморфоз, путем которых постепенно создается и развивается человеческий организм. Если эта точка зрения была давно оставлена в эмбриологии, то в педологии она оказалась более живучей, и легко понять почему.

Действительно, дело в том, что новорожденный ребенок с в яду прежде всего отличается от взрослого организма своими размерами. Легко может показаться, с первого взгляда на новорожденного, что перед нами действительно уже совершенно сформированный

организм, обладающий всеми органами, присущими и взрослому, и что процессы развития в данном случае действительно истощаются чисто количественными изменениями. Так представляла себе дело долго и педология, исходя из ложной предпосылки, что ребенок это — маленький взрослый, и что развитие это только рост.

Тщательные наблюдения показывают, что и процессы внеутробного развития ребенка не исчерпываются одними количественными изменениями, что и здесь перед нами очень сложная цепь качественных изменений, без учета которых мы не можем прийти к правильному пониманию этого процесса.

Итак, первое положение, которое выдвигает научная педология, заключается в том, что ребенок это не маленький взрослый, что это организм и качественно отличающийся от взрослого, и что процесс развития всего организма в целом и отдельных его функций является гораздо более сложным процессом, чем простое количественное увеличение того, что дано с самого начала.

Это положение оказывается верным и по отношению к организму в целом, и по отношению к каждой отдельной его функции и стороне. Так же, как ребенок не есть маленький взрослый, так точно и память ребенка или его мышление не есть просто уменьшенное, ослабленное, более смутное выражение тех же самых функций у взрослого человека.

Было бы, однако, большой ошибкой противопоставлять эти качественные изменения количественным, рассматривать их как особый независимый ряд изменений, происходящих в организме. Преодоление одной и другой точки зрения мы находим только в диалектическом понимании самого процесса развития, которое учит нас рассматривать количественные и качественные изменения, как две неразрывно связанные между собой стороны единого процесса, как изменения, которые исследователь должен не противопоставлять друг другу, а стараться связать и понять в их внутренней зависимости, стремясь показать, как качественные различия возникают на основе количественных.

Первое положение, с которым мы встречаемся в этой области, заключается в том, что и сам по себе рост не исчерпывается чисто количественными изменениями в организме. Рост ребенка не совершается прямолинейно и равномерно, так что за каждый определенный промежуток времени рост увеличивается на строго одинаковую величину. Напротив сам рост совершается циклически или ритмически. Периоды усиленного роста сменяются периодами задержки, остановки, затухания его.

Если мы захотели бы вычертить кривую, которая символически указывала бы рост ребенка в различные периоды его жизни, то мы получили бы сложную, своеобразную кривую, подъемы и падения которой соответствовали бы периодам усиления и затухания роста. Таким образом, только учет этого одного обстоятельства сразу показал бы нам, что, взятое только со стороны роста, детское развитие распадается на ряд циклов, периодов, и одни и те же количествен-

ные изменения приобретают совершенно различное значение в зависимости от того, к какому циклу или периоду они относятся. Поэтому различия не ограничиваются особенностями роста.

Еще одной особенностью является диспропорция роста отдельных частей тела. Сущность этого явления заключается в том, что отдельные органы, функции и ткани тела растут неравномерно и в разном темпе.

Профессор Холл говорит, что различие пропорций у ребенка и взрослого настолько велико, „их пропорции так различны, что из них можно было бы вывести уроки, если бы голова, тело и члены продолжали расти в их первоначальных отношениях, пока не достигли бы размеров взрослого человека“. Это значит, что если бы процесс развития заключался просто в увеличении масштаба тела ребенка без изменений отношения органов между собой и пропорций тела, то, благодаря такому равномерному увеличению, младенец, возникло бы уродливое существо, глубоко отличное от нормального типа взрослого человека.

На самом деле, органы и функции растут не пропорционально; на каждой данной ступени развития одни органы и функции растут быстрее, другие медленнее; вследствие этого получается изменение пропорций между органами, отношение частей тела между собой изменяется, и перестраивается сама структура организма.

В следующем периоде развития происходит смена быстро и медленно растущих сторон организма, и в результате этой диспропорциональности на каждой новой возрастной ступени происходит качественное изменение структуры организма ребенка.

Оба эти положения о цикличности и диспропорции детского развития приводят нас к установлению третьего и едва ли не наиболее важного принципа детского развития, именно, принципа метаморфоз или качественных изменений, возникающих на основе количественных. Этот принцип метаморфоз говорит, что развитие организма ребенка или отдельных его функций часто напоминает не просто количественное увеличение, а превращение одной формы в другую, аналогичное превращению гусеницы в куколку и куколки в бабочку. Это положение относится так же к организму в целом, как и к отдельным его функциям.

Ярким примером метаморфоза в развитии ребенка может служить та эпоха полового созревания, изучением которой мы все время будем заняты. Эта эпоха показывает, что с наступлением полового созревания происходит всестороннее и глубокое изменение организма ребенка. Ребенок вступает как бы в новую фазу своего существования — появляется новый, прежде находившийся в латентном или скрытом виде, фактор, как пол. Примером метаморфоз в развитии отдельных функций могут служить, например: развитие ходьбы у ребенка, которое сменяет ползание, и является качественно иной формой передвижения в пространстве, или развитие речи у ребенка, которое сменяет у него лепет, т. е. язык животных и птиц.

При таком способе развития сами процессы развития приобретают сложный и двойственный характер. Дело в том, что процессы развития при метаморфозе идут в двойном направлении. С одной стороны, происходит отмирание старой формы, ее свертывание или обратное развитие; с другой стороны, происходит нарастание новой формы, которая сменяет прежнюю. Процесс развития таким образом оказывается сложным.

Всякая эволюция в развитии ребенка, как говорит Болдуин, заключает в себе и моменты инволюции, т.-е. обратного развития или отмирания старой формы. Ребенок, который овладевает вертикальной походкой, перестает ползать; с научением человеческой речи, ребенок перестает лепетать; с нарастанием новых интересов, у ребенка свертываются и отмирают старые. С переходом, например, в эпоху полового созревания, подросток не только приобретает новые формы мышления и поведения, но и оставляет детскую игру. Эти примеры можно было бы умножить до бесконечности, но едва ли есть в этом надобность, настолько очевиден сам принцип инволюции или обратного развития у ребенка.

Наконец, было бы большой ошибкой представлять себе процесс развития, как зависящий исключительно от внутренних условий, которые автоматически вызывают, стимулируют, регулируют рост.

На деле процесс развития заключается в целостном приспособлении растущего и развивающегося организма к среде, и эта двойная обусловленность процессов развития, зависимость их от внутри-органических условий и от условий среды завершает то сложное представление о детском развитии, которое мы хотели в кратких чертах набросать выше.)

В науке относительно целого ряда сторон детского развития существуют две противоположные точки зрения, одну из них называют нативизмом, другую эмпиризмом. Сторонники первой точки зрения рассматривают ту или иную сторону развития ребенка, как наследственно обусловленную и самый процесс развития сводят к развертыванию известных наследственных врожденных данных.

Другая теория, наоборот, стремится объяснить возникновение какого-нибудь свойства или функции у ребенка не из развертывания врожденных данных, а из процессов опыта, который был у ребенка. Принцип конвергенции пытается подняться над крайностями обеих этих точек зрения и соединить оба эти утверждения в одно.

Согласно этому принципу, всякий процесс детского развития, как говорит Штерн, „не есть просто выступление природяных свойств, но и не просто восприятие внешних воздействий, а результат конвергенции внутренних данных с внешними условиями развития“. Конвергенция и означает такое скрещивание, пересечение или совпадение внутренних особенностей, заложенных в организме, и внешних условий, в которых эти особенности проявляются. Только из совпадения этих двух причинных рядов может быть объяснено и понято детское развитие.

„Ни о какой функции, говорит Штерн, ни о каком свойстве нельзя спрашивать происходит ли оно извне или изнутри, а нужно спросить, что в нем происходит извне, и что изнутри, так как и то, и другое принимает участие—только не одинаковое в различных случаях—в его осуществлении“.

В последнее время принцип конвергенции получил свое блестящее подтверждение в области развития поведения в учении об условных рефлексах. Условный рефлекс, как известно, и есть особая форма развития основного наследственного рефлекса в зависимости от условий, в которых протекала его деятельность. При этом, этот условный рефлекс часто производит глубокую качественную перестройку всей данной формы наследственного поведения. На место прирожденных, наследственных связей со средой выступают новые связи, созданные условиями среды.

Как известно, первым и основным условием для образования условного рефлекса является совпадение, т. е. конвергенция какого-нибудь внешнего раздражения, например звука, запаха, цвета и возбуждения какого-нибудь рефлекса, происходящего в организме. При этом новый раздражитель начинает вызывать ту же реакцию, которую прежде вызывал старый.

Однако, экспериментальные исследования показывают, что не только индифферентные раздражители, но и сильные безусловные, т. е. наследственные раздражители превращаются в условные раздражители для других реакций, благодаря чему глубоко перестраиваются и наследственные связи.

Вот как рассказывает об этом ак. Павлов.—„Возьмем, говорит он, разрушительный раздражитель, сильный электрический ток, приложенный к коже, ранение и прижигание кожи; это есть, конечно, безусловный раздражитель оборонительного рефлекса. Организм отвечает на него сильнейшей двигательной реакцией, направленной или на удаление этого раздражителя, или на устранение от него. Однако, и на эти раздражители возможно образовать условный рефлекс другого рода.

Разрушительный раздражитель был превращен в условный возбудитель пищевого рефлекса. Когда на кожу действовал сильнейший электрический ток, оборонительной реакции не было следа, а вместо нее на лицо была пищевая реакция. Животное поворачивалось и тянулось в сторону, откуда подавалась еда, облизывалось, и у него обильно текла слюна. То же самое получалось у собаки, когда кожа ее подвергалась ряду уколов до крови или прижиганию.

Когда чувствительные души возмущались этим опытом, то мы могли показать, что они это делали по недоразумению. Конечно мы во внутренний мир собаки при этом не хотели проникнуть и доискиваться, что она чувствует, но мы имели совершенно точные доказательства того, что и тончайших и объективных явлений, сопровождающих состояние животных, когда они подвергаются сильному разрушительному раздражителю, в данном случае не было. У наших собак, у которых рефлексы были переданы описанным выше обра-

зом, не происходит при таком раздражении сколько-нибудь значительного изменения ни в пульсе, ни в дыхании, как это непременно было бы в сильной степени, если бы разрушительное раздражение предварительно не было связано с пищевой реакцией. Вот к чему ведет перевод нормального возбуждения с одного пути на другой".

Трудно подыскать более ясный пример, показывающий как действительно изменяется наследственный опыт, наследственное отношение к среде под влиянием воздействия этой самой среды, как глубоко среда видоизменяет сам процесс наследственного поведения.

Вместе с этим принципом конвергенции, мы вплотную подходим к вопросу о факторах, определяющих детское развитие. Такими факторами определяющими детское развитие являются наследственность и среда.)

Вопрос о наследственности выяснен в одном из специальных курсов, и мы на нем подробно останавливаться не станем.

Сущность этого явления заключается в том, что самая первичная клетка организма, из которой он развивается, является носителем определенных свойств, которые в известной комбинации передают известные свойства отцу и матери будущему организму.

Основные законы наследственности были установлены Менделем и, как известно, сводятся к трем основным положениям.

Мендель наблюдал явления наследственности при скрещивании растений, различающихся одним или несколькими наследственными признаками. Впоследствии опыты Менделя были проверены другими исследователями, и в основном нашли свое подтверждение.

Первый закон гласит что, если родители отличаются в каком-нибудь одном признаке, например, если скрестить горох с красными и белыми цветами, то один из этих признаков будет у потомков первого поколения заключаться в открытой форме, и его Мендель назвал доминирующим признаком, а другой в скрытом виде.

Второй закон называется законом расщепления. Этот закон гласит, что, если мы будем скрещивать дальше поколения, происшедшие от этих родителей, то в дальнейшем проявление обоих признаков расщепляется, при чем появление в потомстве доминирующих и рецессивных признаков постоянно совершается в отношении 3-х к единице. Дальнейшие скрещивания показывают, что те особи, которые отличаются рецессивным признаком, сохраняют его и ведут, так сказать, чистую линию. Из $\frac{3}{4}$ остальных, $\frac{1}{4}$ часть также ведет чисто доминирующую линию, а $\frac{1}{4}$ при дальнейшем скрещивании снова дает расщепление, повторяющееся в отношении 3-х к единице.

3-й закон Менделя, так называемый, закон независимости, гласит, что каждая пара признаков ведет себя при расщеплении так, как будто других признаков, кроме нее нет т.е. закон наследования для отдельных признаков сохраняет свою чистую форму и при рассмотрении наследования комбинации признаков.

Надо сказать, что исследование Менделя, хотя и установившее в основном законы, по которым происходит передача наследственных свойств, тем не менее нуждается в серьезных дополнениях

и поправках тогда, когда непосредственно переносится на человека. В основном положения Менделя подтверждались в при-исследованиях на людях, но при этих исследованиях часто получались и совершенно ложные результаты, которые объясняются тем, что сходство в признаках между родителями и детьми принимается часто за основу для суждения о наследственности.

Пирсон и определяет наследственность как корреляцию между степенью родства и степенью сходства. Нельзя не заметить, что это определение является в высшей степени широким в том смысле, что оно включает в себя не только биологическую наследственность в собственном смысле этого слова, но и то, что Блонский называет социальной наследственностью, т. е. наследственностью социальных условий жизни и существования. Смешением этих двух форм грешат очень и очень многие исследования человеческой наследственности, как это легко видеть из приводимых ниже примеров.

Так, обсуждая наследственность психологических свойств, К. Бюлер говорит о наследственности задатков, ведущих в тюрьму. «Они говорит он, о людях с тюремной наследственностью» во власти рокового наследия, передающегося вполне закономерно от поколения к поколению, как любое простое телесное свойство, и находящегося в подавленном (рецессивном) состоянии в отношении нормальных задатков». Эти «задатки, ведущие к явлениям, заканчивающимся тюрьмой», по мнению этого автора, повторяются с такой же правильностью, с какой этого требует теория Менделя.

Точно так же строится и известное исследование Петерса относительно наследственности умственных способностей. Петерс сравнивал школьные отметки детей, родителей и дедов и пришел к установлению факта наследственной передачи умственных способностей, сказывающихся в школьной успешности, несмотря на то, что школьная успешность является результатом многих факторов, и в первую очередь факторов социальных.

Петерс рассматривает задатки к хорошим школьным успехам, как доминирующее свойство, передающееся по законам Менделя. Аналогичное исследование было произведено Гольтоном над наследственностью человеческого гения.

Легко видеть, что все эти исследования смешивают наследственность в собственном смысле этого слова с социальной наследственностью, с наследственностью условий жизни, ибо сходство между родителями и детьми, сходство их судьбы объясняется, конечно, не только прямой передачей наследственных свойств, но и передачей жизненных условий.

«Наследственность, говорит Блонский, не есть простое биологическое явление: от проблемы наследственности мы должны отличить социальную наследственность, наследственность условий жизни и социального положения. На основе этой социальной, классовой наследственности и образуются династии. В высокопроизводительном, богатом классовом обществе, при большой материальной обе-

спешности и большой плодовитости этих династий, шансы их выдвинуть большое количество талантов повышаются. С другой стороны, тяжелая постоянная работа, физический труд и нищета не дают никаких возможностей проявиться наследственному гению трудящихся масс.

Только на почве самого грубого смешения биологической и социальной наследственности возможны такие научные недоразумения, как приведенные выше положения К. Бюлера о наследственности „тюремных задатков“, Петерса — о наследственности хороших баллов в школе и Галтона — о наследственности министерских, судебных должностей и ученых профессий. Взамен, напр., анализа социально-экономических факторов, обуславливающих преступность, это чисто социальное явление продукт социального неравенства и эксплуатации — выдается за наследственный биологический признак, передающийся от предков к потомкам с такой же закономерностью, как определенная окраска глаз.

Под знаком смешения социальной наследственности и биологической стоит и современная буржуазная евгеника, новая наука относительно улучшения и облагораживания человеческого рода путем попытки овладеть законами наследственности и подчинить их своей власти.

С теоретической и принципиальной стороны евгеника, как наука об улучшении человеческого рода через овладение механизмом наследственности, является совершенно бесспорным достижением современной научной мысли, располагающим многими экспериментальными данными, добытыми в процессе скрещивания животных и изучения у них различных явлений наследования.

Но если мы перейдем к практической евгенике, т. е. к практическим мероприятиям по улучшению человеческого рода, как они применяются и проповедуются, сейчас, главным образом в Америке, мы увидим, что здесь происходит смешение одного и другого вида наследственности. Так, на деле практическая евгеника сводится к двум основным мероприятиям: к стерилизации, т. е. обеспложиванию преступников, умалишенных и других людей „с дурной наследственностью“; с другой стороны — к докровительству бракам потомков хороших семейств, обеспечивающих хорошие качества будущего потомства. Обе эти формы практической евгеники в современном классовом обществе подпадают под влияние двух моментов, которые неизбежно приводят к полному призранию научной несостоятельности в той евгенике.

Первый момент заключается в недостатке наших современных знаний относительно самого механизма наследственности, в невозможности в настоящее время отделить совершенно точно биологические формы наследственности от социальных.

Другой момент заключается в том, что комплекс условий, определяющих социальную наследственность в классовом обществе оказывается более или менее устойчивым, постоянным, как в отношении отрицательных якобы „наследственных“ свойств и задатков,

приводящие в тюрьму, так и в отношении отбора „благородных“ человеческих черт, как они представлены в „лучших семьях“ буржуазного общества.

Как известно, в классовом обществе те и другие „задатки“, т. е. в сущности, обуславливающие их социальные условия существования, распределены неравномерно и выражают в гораздо большей степени социальную структуру самого общества, чем биологические особенности и свойства того или иного индивида.

Мы видим таким образом, что правильно расчлененный вопрос о наследственности сам приводит нас к признанию огромной роли социальной среды в развитии ребенка. Но то, что мы наместили сейчас в отношении вопроса о наследственности — именно, выделение роли социальной среды, как основного фактора детского развития, — составляет главное содержание и всего того пересмотра педологии, который производится сейчас. И если внутри проблемы наследственности этот пересмотр произвел расщепление биологической и социальной наследственности, то в вопросе о среде он, напротив, приводит нас к признанию приоритета среды в том сложном взаимосплетении биологических и социальных факторов, которое на деле реально обуславливает процесс детского развития.

Не останавливаясь сейчас на принципиально-философской стороне ревизии педологии во всей ее полноте, мы коснемся одного только пункта этой ревизии, но пункта, имеющего центральное и теоретическое и практическое значение. Этот пункт, несомненно, связан с преодолением и пересмотром биогенетического принципа. Это вопрос о влиянии среды на развитие ребенка.

Биогенетический принцип утверждает, что ребенок в своем развитии повторяет и воспроизводит в сжатом и сокращенном виде историю развития человеческого рода. Согласно этой теории, следовательно, детское развитие протекает по раз навсегда установленному типу, почти вне зависимости от окружающей ребенка среды в силу внутренних, наследственных влияний и все обращено к прошлому человечества, повторяя оставленную им позади историю. Древний биологический опыт, согласно этому принципу, является господствующим фактором детского развития. Несостоятельность этого принципа, о котором мы будем говорить ниже при рассмотрении и критическом анализе этой теории в ее применении к переходному возрасту, вскрыта в настоящее время целым рядом исследований — и со стороны фактической, и со стороны теоретической.

Вместо признания приоритета древнего биологического опыта, выдвигаемого биогенетическим принципом, марксистская педология выдвигает первостепенное значение в развитии ребенка роли мозговой коры человека, этого позднего приобретения человечества. „На вопросе об оценке значения коры и развернется решающий бой в антропобиологии“, говорит со всей справедливостью Залкинд. Нетрудно видеть, что это есть тот же вопрос об основных факторах детского развития — о наследственности и среде, но только взятый с другой стороны.

Кора, как продукт молодой истории человечества, кора, как источник бесконечной пластичности организма в целом, кора, как главный объект воспитательных влияний — выдвигается на первое место. Субъективная психология отрывает кору, как носительницу интеллекта, от всего организма. Марксистская педология видит в коре высший центральный орган, объединяющий деятельность всего организма и соотносящий эту деятельность с внешней средой.

Именно вмешательство мозговой коры перестраивает глубоко работу древних биологических функций. Кора есть орган формирования личности, накопления индивидуального опыта на основе родового. Кора есть орган замыкания условных рефлексов. Кора есть орган перестройки наследственного опыта под воздействием внешней среды. Кора есть орган, при помощи которого человек, как биотип, превращается в определенный социотип. Это первостепенное значение нового мозга у человека подтверждается целым рядом исследований.

Эдинггер и Фишер описали ребенка, родившегося без большого мозга и прожившего $3\frac{3}{4}$ года: они пытались сравнить его с собакой, лишенной головного мозга, оперированной Ротманном и прожившей тоже около трех лет. Собака оказалась в этом положении гораздо более приспособленной, чем ребенок. Она быстро снова научилась бегать, есть; сон сменялся у нее бодрствованием.

Ребенок, напротив, все время спал, он лежал почти недвижимо все $3\frac{3}{4}$ года, только со второго года было отмечено появление крика. Было невозможно, говорят эти авторы, — найти хоть какую-нибудь психологическую реакцию у него, вступить в связь с ребенком или научить его чему-либо. Но это удавалось у собаки до известной степени. У нее были настроения, припадки ярости, довольное спокойствие.

Из этого описания Кофка делает справедливый вывод, что человек неизмеримо более, чем собака, зависит от нового мозга; древние части мозга, напротив, у собаки оказались гораздо более самостоятельными и независимыми.

Сравним теперь эту собаку, все же так сильно пострадавшую от лишения нового мозга, с рыбой, которая обходится одним древним мозгом. Кофка видит прямую связь между этим фактом и фактом большей беспомощности ребенка по сравнению с животным детенышем. По его мнению, сравнение нормального ребенка со случаем Эдинггера показывает, что новый мозг „участвует в поведении“ уже с первого дня рождения. При рождении мозг хотя и созрел макроскопически, но микроскопическая структура его еще не сложилась; человек гораздо более всякого другого животного отличается преобладающим значением функций большого мозга.

Основная ошибка биогенетистов заключается в недооценке роли коры. „Она, — говорит Залкинд, — продукт влияния нового этапа истории человечества, протолкнувшего именно кору и новый биофонд вообще на авансцену человеческой физиологии“. Кора, как

орган воспитания условных рефлексов, есть орган, через который социальная среда формирует человеческую личность. Историческое развитие человеческого типа опирается на функции коры.

Все это развитие, обусловленное свыше, как и все психологическое и культурное развитие ребенка, также определяемое свыше социальной средой, совершается главным образом в коре и через кору. Растущая кортикальная обусловленность человеческой физиологии в конечном итоге окажется огромной важности прогнативным фактором.

История, изменяя человеческий тип, опирается на кору; новый социалистический человек будет создан через кору; воспитание есть, в самом главном, воздействие на кору. Залкинд создал блестящую формулу, выражающую это значение коры. „Коре по дороге с социализмом, и социализму по пути с корой“. Вот почему для марксистской педагогики, выдвигающей на первый план социальную обусловленность развития личности, вопрос о роли коры в развитии есть основной вопрос.

Если коре принадлежит центральная роль в развитии ребенка, то именно степень развития центральной нервной системы является тем признаком, по которому следует делить детство на отдельные периоды. „Центральная нервная система является основным фактором, продуцирующим из стимулов социальной среды будущее всего организма“, говорит Залкинд.

Этот признак имеет „не реставрационное, а прогнативное значение“. Он является истинным носителем, как бы специальным „органом развития“.

Уже из предыдущего рассмотрения, с одной стороны проблемы наследственности, а с другой — роли мозговой коры в развитии и формировании ребенка, как наиболее яркого проявления социального фактора в процессе детского развития, с полной ясностью выступают два основных положения, характеризующих все своеобразие детства и основные закономерности развития. Первое гласит, что процесс детского развития может быть научно понят и изучен только при условии учета и биологических, и социальных факторов. Второе гласит, что сложное взаимодействие, взаимосплетение обоих факторов является наиболее существенной особенностью, отличающей эпоху детства и обуславливающей специфическое своеобразие детского развития.

Развитие ребенка обуславливается многочисленными и разнообразными факторами. Все эти факторы объединяются обычно в две большие группы: в группу биологических и в группу социальных факторов. Под первыми имеют в виду такие процессы и явления, которые обусловлены или наследственностью, или внутриорганическими условиями, и могут быть сведены, в конечном счете, на известные биологические законы. Под вторыми разумеют всю ту группу условий, которые создаются социальной средой и отражаются так или иначе на процессе детского развития.

Действия биологических и социальных факторов тесно переплетаются между собой, в результате чего получается очень сложное сочетание отдельных конкретных причин в тесный узел, в котором подчас бывает невозможно расчленить и указать действие одного и другого фактора порознь. Правильно было бы сказать, что эти факторы находятся во взаимодействии. Нельзя себе дело представлять так, будто бы оба эти фактора действуют на подобие двух различных сил, так что в результате их обоюдного действия получится равнодействующая, или простая механическая сумма их совместного действия. На деле, одни причины существуют часто внутри других. Один ряд проникает в другой, и получается в высшей степени сложная причинная обусловленность детского развития.

Упрощенное представление относительно более или менее самостоятельного существования каждого из этих двух рядов фактов в организме человека приводит, по выражению Бухарина, к нелепому удвоению законов, которое встречается на каждом шагу даже в самых лучших марксистских работах: с одной стороны, законы биологии, физиологии и т. д., с другой стороны, законы общественного развития. На самом деле, одно есть „инобытие“ другого, одно и то же явление рассматривается с разных точек зрения“

И, в самом деле, мы с полным правом можем расчленять действие одного и другого фактора теоретически только до тех пор, пока мы рассматриваем каждый из них, как причины, лежащие вне самого ребенка. Как только мы начинаем рассматривать действие этих причин внутри самого детского организма, так сейчас механическое разделение на биологическое и социальное становится часто невозможным.

Здесь действительно биологическое и социальное оказываются подчас не двумя разными величинами, а одной и той же величиной, рассматриваемой с разных сторон: одно оказывается инобытием другого. В этом смысле нельзя представлять себе дело так, что реакции ребенка, скажем, или факты его развития делятся на биологические и на социальные. Одно существует не рядом с другим и не поверх другого, а одно в другом. Только генетическая точка зрения, применяемая педологией, позволяет произвести научный анализ влияния одного и другого фактора.

Все социальное, пройдя через организм ребенка и превратившись во внутреннее явление, становится тем самым биологическим. Ни одна мысль самого яркого социального происхождения, ни один поступок, носящий на себе явный след классового происхождения, не могут совершиться иначе, как преломившись сквозь биологические процессы, происходящие в ребенке, и ставши частью его биологии.

Верно и обратное положение, гласящее, что все биологическое в ребенке, поскольку оно проявляется и действует в социальной среде, оказывается насквозь проникнутым и пропитанным социальным влиянием. Ни одна, самая интимная функция организма не

избегает этой участи, не укрывается от влияния внешних воздействий и несет на себе отпечаток этих последних.

Было бы ошибочно, однако, полагать, что педологическое исследование поэтому должно отказаться от анализа того сложного взаимодействия, которое существует между обоими факторами.

Напротив, сложность этого взаимодействия объясняет недолгоию к вскрытию в каждом отдельном случае участия того и другого фактора в генезе изучаемого явления.

Однако, и тогда, когда действие обоих этих факторов рассматривается нами в качестве причины, лежащей вне самого ребенка, мы натываемся на сложную и несомненную связь и взаимную обусловленность обоих этих факторов. Для того, чтобы пояснить это, стоит только обратиться к любому примеру, показывающему влияние социальной среды на физическое развитие ребенка. В последнее время целый ряд исследований посвященных этому вопросу, установил с несомненностью огромную роль социальных факторов в процессе физического развития ребенка.

Если внутри организма биологическое и социальное может рассматриваться как сложная форма, в которой одно является инобытием другого, действие этих факторов вне организма явно обнаруживает подчиненность и зависимость биологического фактора от социального.

Простейшим примером можно пояснить это. Наиболее ясным выражением действий биологических законов является область наследственности. Здесь в наиболее чистом виде проявляются законы биологии. Эти процессы оказывают наибольшее сопротивление изменяющим их воздействиям социальной среды, и все же весь механизм наследственности в человеческом обществе насквозь и до конца обусловлен социальными причинами. Ибо основная форма брака, определяющая подбор родителей, и, следовательно, комбинацию наследственных свойств будущего ребенка, является формой исторической, социальной, определяемой опять-таки больше отношениями людей между собой, чем отношениями людей к природе.

Таким образом, и проявление самого активного биологического механизма, действующего в наиболее чистом виде, оказывается в важнейшем пункте подчиненным и обусловленным социальными факторами.

Таким образом, специальная установка на исследование и вскрытие связей, на установление отношений и зависимостей, первенствующее значение структуры целого и свойственных ей специфических и особых закономерностей — с необходимостью становится отличительной чертой нашей науки. Эта особенность ее, как мы стремились показать, вытекает из объективных свойств самого предмета ее изучения — процесса детского развития, направляемого сложным переплетением социальных и биологических факторов. И следует отметить с самого начала, что в этом отношении педология является глубоко словобразной, но не исключительной и не единственной наукой.

Среди различных научных дисциплин современная методология выделяет особую группу наук, которую она обозначает как науки о естественных целых. Существенным отличием таких наук является, то, что они посвящены изучению какого-нибудь естественного целого, т.-е. особенно важного в каком-нибудь отношении и единого объекта, который изучается данными науками со всех сторон, со всех точек зрения, из которых каждая свойственна какой-либо особой, отдельной, абстрактной науке.

Такова, например, астрономия, которая изучает мир со всех точек зрения, как единое целое; такова геология, изучающая прошлое нашей планеты; такова, наконец, география, изучающая поверхность нашей планеты со всех точек зрения. География, изучая какую-нибудь страну, интересуется ее растительным и животным миром, ее экономическими и политическими условиями, ее климатом, ее почвой и т. д.

Вот это соединение разнородных научных точек зрения на одном и том же научном целом и составляет отличительную черту этих наук. Профессор Ивановский полагает, что именно объект, особо важный для человечества, становится предметом изучения подобных дисциплин. В самом деле, животных изучает зоология, растения изучает ботаника, экономический и политический строй изучает политическая экономия и история, но география объединяет все эти научные точки зрения для того, чтобы получить всестороннее освещение того естественного целого, которое характеризуется именно соединением всех этих разнородных данных в одной и той же точке земной поверхности.

К таким наукам о естественных целых относится и педология. Педология есть наука о ребенке. Предметом ее изучения является ребенок, это естественное целое, которое помимо того, что является чрезвычайно важным объектом теоретического знания, как звездный мир и наша планета, является вместе с тем и объектом воздействия на него или воспитания, которое имеет дело именно ребенком, как целым. Вот почему педология является наукой о ребенке, как едином целом.

Помимо чисто теоретического значения изучения ребенка, как целого, помимо даже практического значения его для воспитания, есть еще один чрезвычайно важный мотив, благодаря которому педология является такой наукой о ребенке, как едином целом. Это мотив философский, который устанавливает правильное понимание природы изучаемых явлений, устанавливает, что изучение детского развития не может ограничиться исследованием только психологического развития ребенка без всякой связи со всеми остальными сторонами его развития.

Напротив, исследования на каждом шагу показывают, что это психологическое развитие ребенка является не самостоятельным, а подчиненным и обусловленным общим органическим развитием

ребенка. Таким образом, и правильное философское понимание природы детского развития не позволяет ограничиться при изучении ребенка одной детской психологией, но обязывает нас понимать это развитие, как единый материальный по своей природе процесс.

Самая детская психология при этом становится только одной ветвью педологии, одной из педологических дисциплин. Возраст ребенка, т.-е. отдельный этап его развития, представляет собой реальное единство, т.-е. такое объединение отдельных сторон, в котором целое представляет целый ряд таких свойств и закономерностей, которые не могут быть получены из простого сложения отдельных частей и сторон. Возраст, т.-е. состояние ребенка в каждый данный момент развития, представляет собою соединение различных черт, напоминающее химическое соединение.

Вода состоящая из водорода и кислорода, обладает целым рядом свойств, которых мы не находим в составляющих ее элементах, и не проявляет других свойств, которыми обладают ее элементы. Так точно и возраст есть реальное единство замкнутого в себе целого, имеющее свои свойства, проявляющиеся в этом целом, и требующее для своего понимания и изучения именно учета этого целого.

По известному правилу, если мы хотим изучить растение, мы должны взять это растение вместе с корнями, которыми оно прикреплено к почве. Ботаники советуют взять корни вместе с землей, в которой росло это растение. Так и всякое явление в развитии ребенка надо брать вместе с корнями, на которых оно выросло, а эти корни надо брать вместе с землей, в которой они были вкоренены. Это значит, что каждое явление в развитии ребенка может быть понято не иначе, как на основании первичных процессов, вызвавших его к жизни, и не иначе как во взаимодействии с окружающей его средой.

Таким образом, педология изучает не только ребенка, как целое, но еще шире ребенка его взаимодействии с окружающей средой.

Необязательная литература для углубленно проработки вопроса.

1. А. П. Николаев. Влияние социальных факторов на физическое развитие детей. Госиздат Украины. 1925 г.

2. Отто Рюль. Пролетарское дитя. Издательство „Красная Новь“ Москва. 1923 г.

3. А. Б. Залкинд. Основные вопросы педологии. Изд. „Работник Просвещения“ Москва 1927 г. (Ц. 75 коп.).

4. К. Н. Коринков. Биогенетический принцип. Статья в сборнике „Основные вопросы педологии в избранных статьях“ Составил проф. С. М. Васильевский. Госиздат, 1926. Ц. 2 р. 25 к. Стр. 57—64.

5. М. Я. Басов. Общие основы педологии. ГИЗ. 1928. Ц. 9 р. Введение и отдел первый.

Г Л А В А II

МЕТОДЫ ПЕДОЛОГИИ.

Содержание задания.

Принципиальный пересмотр педологии. Применение диалектического метода к педологии. Идеалистическая и материалистическая педология. Педологическое наблюдение, эксперимент, естественный эксперимент, тесты. Антропометрия, соматоскопия, изучение среды, соби́рание документов, педагогическое исследование. Реальный и паспортный возраст. Понятие о стандартах. Изучение массового ребенка. Собственные методы педологии.

План проработки задания.

1. Внимательно прочтите текст этого задания и составьте конспект его.

2. Подыщите конкретные примеры расхождения реального и паспортного возраста ребенка, известных вам стандартов детского развития и закономерностей, открываемых при изучении массовых влений.

Педология в настоящее время, особенно в нашей стране, переживает серьезнейший кризис. На наших глазах производится глубокая ревизия всей науки о ребенке, пересмотр всей педологии, как в ее принципиальных основах, так и во всем ее фактическом содержании. Этот кризис педологии связан, главным образом, с тремя основными моментами.

Во-первых, он объясняется состоянием самой науки, ее возрастом. Педология является в высшей степени молодой, еще окончательно не сложившейся, еще окончательно не оформившейся не выработавшей еще своего окончательного философского лица наукой. Правда, отдельные исследования по развитию ребенка, которые легли в основу педологии, соби́рание фактического материала для нее простирается очень далеко назад, но оформление самой педологии, как науки, точно осознавшей свой предмет, свой метод, свою философскую основу, до сих пор еще не закончено. Вернее, этот процесс оформления начался но еще не закончился и едва ли уже близок к концу.

„Еще в начале 20 века, говорит Блонский, педологию отождествляли с детской психологией. С развитием материалистических взглядов, содержание педологии расширилось; ее стали отождествлять с детской антропологией. Надо сказать правду, и сейчас часто курс педологии фактически представляет собой винегрет из самых разнообразных отраслей знания, простой набор сведений из различных наук всего того, что относится к ребенку. Но разве подобный винегрет есть самостоятельная наука? Конечно нет“

Далее идут, как предшественники педологии, исследования по экспериментальной педагогике, исследования роста и физического развития детей и т. п.; все это служило накоплению фактического материала для будущей педологии.

Мы видели уже в предыдущей главе, что педология представляет собой глубоко своеобразную дисциплину, которая отличается во многом от других частных дисциплин, изучающих отдельные стороны в развитии ребенка. Это своеобразие педологии, как мы видели, сводится к тому, что она изучает ребенка, как единое целое, задавая целью представить синтез разных научных данных, изучающих ребенка с разных сторон, представить структуру каждого данного возраста или вернее сказать, — ребенка на каждой данной возрастной ступени, как единое целое. Мы видели, что в этом смысле педология с методологической стороны принадлежит к особой группе наук, которую в классификации наук обозначают обычно, как науки об естественных целых.

„Наука о ребенке, говорит по этому поводу Стенли Холл, не подходит ни под какую классификацию и в некотором смысле не имеет себе подобной, будучи частью психологией, частью антропологией, частью медициной и гигиеной. Врач взвешивает и измеряет, осматривает уши и глаза и т. д., филолог изучает на языке ребенка развитие языка человечества, и оба не желают знать один о другом или о развитии чувства „я“, о страхе, гневе, суеверии, о разных периодах различных интересов, о развитии памяти у детей и т. п.

Своеобразие заключается именно в новом направлении в сосредоточении многих научных дисциплин и методов на одном предмете. Из них многие, или по крайней мере некоторые не знали до сих пор такого соединения”

В предыдущей главе мы привели теоретическое, практическое и философское обоснование подобного положения нашей науки. Мы старались показать там, что мнение Холла, будто педология не имеет себе подобных в среде наук, не является вполне верным, так как подобные науки о естественных целых все же существуют.

Сейчас для нас важно только напомнить об этом характере педологии и об этом своеобразном отношении ее к другим наукам, для того, чтобы указать на то, что самим ходом своего развития педология сейчас приведена к необходимости выработать методологическую, философскую основу для построения своей системы и для всех своих исследований.

Педология, накопившая огромный фактический материал опирающаяся на в высшей степени разветвленное исследование в самых разнообразных областях изучения ребенка, не предвела еще основной работы по оформлению в обобщенный вид всего этого материала в единую систему научного знания. Именно глубокое своеобразие и методологическая трудность этой задачи не позволили педологии, строившейся в Европе и в Америке на чисто эмпирической и эклек-

тической основе, продолжать грандиозную работу синтеза и охватить в научной системе ребенка, как целое.

Второй момент, обуславливающий современный кризис, заключается в том, что педология всегда была теснейшим образом связана с практикой воспитания. В огромной степени она у таких авторов, как Мейман, просто целиком превращалась в экспериментальную педагогику. И это вполне понятно если принять во внимание, что проблема воспитания в эту эпоху на 0,9 сводилась к школьному обучению. Педология, таким образом, всегда оказывалась в теснейшей зависимости от господствующей системы воспитания. Эта теснейшая связь между педологией и педагогикой, выдвигающей цели и задачи и разрабатывающей основные формы воспитания, продолжает существовать и до сих пор.

Педология, во первых, всегда изучает конкретного ребенка, т.е. ребенка, не только развивающегося, но и воспитуемого, ребенка растущего в определенной среде, а так как с научной точки зрения среда и является в основе воспитывающим фактором, то фактически на долю педологии приходится изучение всегда определенным образом воспитываемого данной средой ребенка. С другой стороны, и сама педология изучая законы детского развития, вырабатывает известные научные правила и принципы, которые в свою очередь должны послужить для научного обоснования педагогического процесса.

В значительной мере педология, как наука о ребенке, являлась во все время своего развития, как и частные исследования и научные дисциплины, подготовившие для нее почву, теоретическим обобщением воспитательской практики. Основным источником знания о ребенке и основным двигателем развивающейся науки о нем была всегда педагогическая практика. Вот почему историк нашей науки на всем протяжении ее исторического и „доисторического“ пути легко может проследить и вскрыть теснейшую связь между теорией детского развития и практикой детского воспитания.

Вот эта тесная связь педологии и педагогики, науки о ребенке и науки о воспитании его, и обусловила пересмотр педологии в нашей стране. Революция принесла с собой коренное изменение во всем строе воспитания.

„Одной из первых проблем социалистического рабочего плана явился вопрос о создании нового социалистического человека“, говорит Залкинд. Педология этим самым была поставлена перед задачей теоретически обосновать новую систему воспитания; практика выдвинула, таким образом, перед наукой ряд проблем первостепенной важности.

С другой стороны, практика же проверяет в конечном счете истинность научных теорий. „Вопрос о биологической структуре человека, о психофизиологии человека в основном проверяется практикой социального воспитания, говорит Залкинд. Пролетарской педагогике, говорит он дальше, пришлось первой столкнуться,

при этом на практике сталкиваясь с реакционными уклонами в области воспитания человеческой психологии".

Подобно тому, как старая педагогическая практика отсталась в старой системе науки о ребенке, новая революционная педагогика требует новой системы педологии, толкает к пересмотру старой и сама содействует процессу кристаллизации основных черт новой педологии. Новое воспитание рождает новое учение о ребенке. Но глубочайшее основание связи педологии с педагогикой заключается в том, что новое воспитание на деле создает нового человека и тем самым открывает в ребенке новые стороны, о которых прежде наука и не подозревала, которые и „не снились нашим мудрецам“.

И наконец, третьим моментом, который лежит в основе современного пересмотра педологии, является момент философский. Педология, как она развивалась на Западе и в Америке, связана неразрывно со всей системой буржуазного воспитания, с его теорией и практикой. Воспитание же, как известно, в классовом обществе есть одно из основных средств классовой борьбы. Связанная с идеалистической философией, находящаяся под давлением требований предъявляемых к ней теорией и практикой буржуазного воспитания, педология впитала в себя много ненаучных элементов. Этим последним моментом и обусловлена необходимость пересмотра педологии, впитавшей в себя много элементов до научного идеалистического мышления и педифически буржуазных педагогических установок.

Выход на научную дорогу и самая возможность педологии, как науки, обуславливается возможностью применения в ней диалектического метода познания. Основные и принципиальные моменты, характеризующие применение этого метода в педологии те же самые, что и во всех остальных науках. Только материалистическая диалектика, как методологическая основа, может сделать педологию, разрабатываемую диалектическим методом, наукой в собственном смысле этого слова. И действительно, только овладев этим основным методом познания, педология сможет разработать на философской основе систему частных научных методов и раньше всего основные принципиальные установки, которые смогут обеспечить ее развитие и существование, как науки в собственном смысле этого слова.

Самый спор о том, возможна ли педология, как самостоятельная наука, в сущности порожден тем обстоятельством, что педология как самостоятельная наука не на диалектической основе действительно оказывается невозможной. Она неизбежно превращается в конгломерат разнородных знаний, внутренне не объединенных между собой. Основной диалектический закон перехода количества в качество, обратной стороной которого является признание несводимости качественного своеобразия высших форм движения, возникающих в процессе развития, к механическому движению, приводит всякую науку, опирающуюся на диалектический

метод познания, к изучению новых качеств, новых закономерностей, специфических связей, которые возникают на каждом новом этапе развития и характеризуют новое целое, возникающее на данной ступени. Дуалистическое воззрение идеалистической психологии и атомистическое воззрение механического естествознания не могут привести к познанию ребенка на каждом возрастном этапе его развития, как целого, подчиненного специфическим закономерностям, не выводимым чисто суммативным путем из свойств и закономерностей, отличающих отдельные стороны детского развития.

Первым принципом диалектического метода является изучение всех явлений в их динамике, в процессе развития и изменения, во взаимной связанности всех отдельных явлений, в их единстве в отличие от метафизического способа рассмотрения, который рассматривает вещи как всегда равные сами себе, в их статике. Этим создается для педологии возможность изучения детского развития во всей его реальной сложности и всех тех сложных изменений, которые сопровождают этот основной процесс. Вне диалектического понимания научное изучение развития, вообще, оказывается невозможным, так как самое понятие развития непременно заключает в себе ту всеобщую изменяемость явлений, без которой само развитие превращается только в механический процесс роста.

Далее, самая возможность педологии, как науки об едином целом, возможна только в том случае, если мы будем изучать отдельные стороны развития ребенка, как тесно связанные между собой, при этом связанные не механически, а диалектически. Это единственный путь, который может застраховать нас от того, чтобы не получился набор из разных областей знания, чтобы получилось то разрозненное на части человеческое существо, которое анатом, физиолог и психолог знали каждый со своей стороны и которое, как целое, было науке совершенно не известно.

Итак, изучение развития и целостный подход к ребенку являются непременным следствием применения диалектического метода педологии. Но этот метод предполагает еще и установление единства всех изучаемых явлений, всех отдельных сторон и процессов ибо иначе не возможно было бы между ними установить никакой связи.

Эта монистическая тенденция глубоко характерна для современной педологии в отличие от дуалистической тенденции прежней науки о ребенке, которая рассматривала развитие тела и души, как развитие двух особых сущностей, непосредственно друг с другом не связанных, лежащих в разных совершенно мирах, между которыми можно установить только одно соотношение, именно временное совпадение.

Лучшей иллюстрацией этого может служить приводимое нами ниже учение Шпрангера относительно чисто временного совпадения физических и психических изменений в эпоху полового созревания. Между одним и другим этот автор не устанавливает

никакой связи, изучая то и другое, как самооднающиеся сущности и занимая тем самым метафизическую позицию.

Только на основе монистического понимания развития ребенка оказывается возможным тот подход к нему, который сейчас начинает становиться главенствующим в многих психологических и педологических направлениях, и который называют обычно структурным подходом.

Само понятие структуры, т. е. не механического и суммативного а оформленного, целостного, синтетического, об'единения отдельных частей, предполагает непременно единство образующих ее сторон и „существенную“ диалектическую связь между этими частями. Отсюда возникает и последнее требование диалектического метода, требование изучать конкретного ребенка, т. е. ребенка, растущего в определенной социальной среде

Это требование изучать ребенка вместе с окружающей его социальной средой и в зависимости от структуры и направленности этой среды ни в какой главе педологии не осознано сейчас так сильно, как в главе о подростке

Любопытно, что даже буржуазные педологи, как напр. наиболее известный в Германии Шпрангер, прямо говорят, что они изучают или во всяком случае стремятся изучать личность подростка, как носителя известной культуры, как известный конкретный тип, в котором отразился психологический облик эпохи, национальности т. д., Шпрангер об'являет, что задачей психологии подростка является изучение подростка известной эпохи, но не юности вообще.

В этом видим мы одно из величайших завоеваний современной педологии, именно внесение в нее исторической точки зрения, которая правда, у таких психологов, как Шпрангер, соединяется с их общим метафизически-идеалистическим воззрением. Но эти психологи правильно говорят, что нужно внести в психологию исторический момент.

В развитии ребенка и подростка мы можем различить две основные линии, по которым идет самый процесс развития и формирования личности и из сложного сплетения которых складывается все своеобразие каждой возрастной ступени. Одна — это линия органического роста и созревания, другая линия социально культурного развития и формирования ребенка. Ребенок в процессе своего развития формируется не только, как известный биологический тип, но и как определенный социальный тип личности, несущей на себе отпечаток всего своеобразия данной исторической эпохи. Как определенный социотип, ребенок и подросток могут быть поняты только исторически. Поэтому внесение исторической точки зрения в педологическое исследование является необходимым условием для полного и всестороннего изучения развития ребенка. Самая теория педологии превращается при этом в историю детского развития, на каждой ступени которой господствуют свои особые закономерности. К педологии в полной мере применимы слова Энгельса: „Вечные законы природы превращаются все более и более в исторические законы“

Своеобразие педологического исследования и заключается в том, чтобы проследить, как «вечные законы природы превращаются все более и более в исторические законы» — в области детского развития.

Если изучать подростка просто, как натуральное существо в его натуральной обстановке, то мы рискуем проглядеть самое важное в подростке, именно определенное социальное и историческое существо Правда. Шпрангер резко подчеркивает всегда, что наряду с физической средой существует духовная среда, которая для развития духовного существа имеет решающее значение. Это — придание самостоятельного значения духовной культурной среде и метафизическое противопоставление ее физической среде, как материальной, является прямым отражением современного воинствующего идеализма в психологии. Диалектический метод различает наряду с естественной средой — социальную, и самую духовную культуру рассматривает, как надстройку над основным материальным базисом социальной жизни.

Совершенно правильно все же говорит Шпрангер, что подросток может быть понят только исторически. Правда, историческое для Шпрангера все время остается чистой областью духа.

Мы все живем, говорит он, не вообще в духовной среде, но определенной исторической ступени развития „духа“ и в определенной национальной форме его. Отсюда делает он основной для всего его метода вывод, именно тот, что нельзя написать педологию подростка вообще, и что предпосылкой для этой задачи, если бы она и удалась, было бы сравнительное изучение подростков разных стран и народов, из которых, в конце концов, может быть выкристаллизовался бы средний или идеальный тип. Мы пишем, говорит он, психологию немецкого юношества в нашу культурную эпоху, т. е. в духовную эпоху, которая прошла сквозь влияния немецкого идеалистического движения и англо-французского позитивизма.

Шпрангер совершенно точно говорит, что он имеет в виду не исследование особенностей послевоенного юношества, подростка эпохи войны и революции, но более широкий исторический тип сложившийся приблизительно в эпоху последних 150 лет. Многие из этого говорит он, будет иметь силу и значение для английского, французского, американского подростка, но далеко не все. Уже еврейский подросток обнаруживает существенно отклоняющиеся черты, что часто не принимают во внимание, а по отношению к типу „русской души“, несмотря на кажущуюся близость к ней, мы испытываем неизгладимое чувство глубокой отчужденности.

Этим не ограничивается конкретный характер метода Шпрангера. Он идет дальше. Внутри этих границ, говорит он, мы будем исследовать только психологию „образованного юношества; мы бы назвали его буржуазным юношеством, если бы это обозначение не сделалось в последнее время поверхностным, политическим термином“

Ошибкой Шпрайгера является попытка истолковать исторический и социальный тип подростка, исходя исключительно из „духа“ исторической эпохи, придавая этому „духу“ объективное и независимое существование. Далее, историческая точка зрения не мешает Шпрайгеру исходить в типологии из „вечных“ и „внеэпохальных“ категорий отношений человека к миру. Но действительная, материалистически понятая историческая точка зрения относится к числу основных положений диалектической психологии.

Мы потому столь подробно остановились на вопросе о применении диалектического метода в педологии что вопрос этот является философски-теоретическим фундаментом всей нашей науки. Мы еще очень далеки от сколько-нибудь глубокой разработки этой проблемы проблем всей педологии, от завершения грандиозной задачи создания диалектики педологии. Но даже первые шаги в области применения диалектического метода познания к построению педологии приводят нас к основному, коренному и неизбежному изменению всех основных установок педологической науки.

В частности изменяется и установка всей методики педологического исследования, т. е. совокупности конкретных приемов и средств исследования и изучения ребенка. Эти конкретные методы педологического исследования в зависимости от основной установки самой педологии распадаются на две основные группы: на вспомогательные частные методы, общие педологии с другими частными научными дисциплинами, изучающими ребенка, и собственные методы педологии, разрешающие задачу целостного изучения ребенка.

Мы перейдем сейчас к ознакомлению с важнейшими методами применяемыми в педологии. Нам думается, что это знакомство необходимо потому, что только ознакомление с научным методом позволяет достаточно серьезно овладеть и самим содержанием данной науки. Мы при этом не будем излагать технические правила исследования или методические указания по проведению отдельных видов педологического исследования, так как методика и техника педологического исследования в собственном смысле этого слова нуждаются в особом изложении и непосредственно изучением педологии подростка не связаны.

Мы остановимся только на некоторых важнейших типах и группах методов, которые позволят нам составить общее представление относительно тех путей и средств, которыми пользуются педологи в добывании своего научного материала. Уже из предыдущего становится совершенно ясным, что вопрос о методах педологии приобретает особую сложность, благодаря своеобразной структуре самой науки, благодаря сложным ее отношениям с другими науками, благодаря своеобразным целям и задачам, которые стоят перед ней.

Первое, что вытекает из этого сложного отношения, заключается в том, что педология пользуется методами других наук. В педологии применяются наряду с собственными, часто те же методы, что в педагогике, анатомии, психологии, физиологии, статистике. Совер-

именно фактом, что невозможно было бы изучать поведение ребенка другими методами, нежели теми, которые дает в наше распоряжение психология, так же невозможно было бы изучать рост и физическое развитие ребенка другими методами, чем те, которыми располагает современная анатомия и физиология.

Итак, педология пользуется часто теми научными методами, которые разработаны соответствующими науками, изучающими отдельные стороны развития ребенка. При этом может показаться, что пользуясь чужими методами, педология вынуждена и сама становиться только сводкой научных данных, разработанных в других научных дисциплинах.

Может показаться, как выражается Блонский, что она является в этом случае не самостоятельной дисциплиной, а винегретом разнородных знаний. Однако, мы знаем на примере других наук, что пользование чужими методами (например, математическими методами в физике или химическими методами в биологии) не превращает эти науки в винегрет.

Мы сейчас постараемся рассмотреть в самом сжатом виде важнейшие группы методов, которыми пользуется педология.

Основным и первым методом в педологии является педологическое наблюдение за ребенком, которое встало на место старых и в сущности мало научных методов воображаемого перенесения себя в положение ребенка, воспоминаний взрослых о своем детстве и т. д. Дневники, характеристики, записи велись за долго до научной педологии, но научное наблюдение, конечно, отличается от наблюдения житейского. Существуют многие различные формы ведения наблюдений, существуют отдельные программы или схемы, которые позволяют выделить и обработать то, что относится к поведению. Методика наблюдения является предметом особого изучения, существует много отдельных методических приемов, ведения записи, ведения наблюдений, обработки, которых мы сейчас касаться непосредственно не будем. Общим и основным достоинством в методике наблюдений является естественность той обстановки, в которой ведется исследование, объективность и точность тех материалов, которые при этом получаются.

В нашей педологии особенно большое развитие получил метод объективного наблюдения. Методика объективного наблюдения широко разработана проф. М. Я. Басовым. В той форме, в какой она применяется М. Я. Басовым, эта методика очень близко подходит к тому, что можно было бы по аналогии назвать клиническим педологическим методом, так как она основана на объективном всестороннем изучении поведения ребенка в процессе его естественной деятельности и на анализе этого поведения. Проф. С. С. Моложавый создал особую схему для объективного наблюдения над детьми, схему, которая позволяет исследовать поведение ребенка в его взаимодействии с окружающей средой. Схема дает основные приемы анализа влияний среды на поведение ребенка. Построена схема по принципу изучения целостной личности ребенка. Разработка метода

объективного наблюдения составляет, главным образом, заслугу советской педологии.

Недостатком этого метода, на который часто указывают, является, то, что можно поставить в вину или упрек и всякой иной форме наблюдения, во всякой области научного знания. Именно то, что наблюдение находится на пьедестале у жизненных фактов, что оно должно выжидать пока появится факт подлежащий наблюдению или регистрации, без возможности самостоятельно вызвать какой-нибудь основной и нужный для наблюдения факт. Такого недостатка лишен экспериментальный метод, который оказал такую неоценимую услугу всему естествознанию и преимущество которого состоит раньше всего в том, что он позволяет выяснить с полной отчетливостью причинную зависимость явлений, вызывать явления, которые подлежат изучению, видоизменять условия при которых они протекают следовательно анализировать, и легче допускает приемы измерения, вносящие точность в эту область знания.

На отдельном месте должен быть поставлен педологический эксперимент, который первоначально опирался на психо-педagogические эксперименты. Долгое время существовало мнение, что эксперимент вообще не применим к детскому возрасту и в частности не применим психологический эксперимент, имеющий основной целью и задачей изучение переживаний, так как детство не способно к самонаблюдению.

Но эта точка зрения опровергается как теорией, так и практикой экспериментального исследования, которые согласно показывают что эксперимент вполне применим к детскому возрасту и дает прекрасные результаты как метод исследования.

Нарождение объективной психологии коренным образом изменило вопрос о применимости психологического эксперимента к детскому возрасту. В субъективной психологии, всецело опиравшейся на самонаблюдение, эксперимент над ребенком был почти невозможен в виду неспособности ребенка к сколько-нибудь систематическому самонаблюдению. В объективной психологии, вставшей на другой путь, эксперимент стал широко применяться в целях педологического исследования к изучению ребенка. При этом обнаружилась совершенно незаменимая для генетического исследования роль психологического эксперимента. Целый ряд стадий в генезе личности и отдельных психологических функций совершенно исчезал при простом наблюдении из глаз исследователя многие генетические закономерности терялись в куче прикрывающих их и осложняющих добавочных моментов. Эксперимент помогает в этих случаях наиболее глубоко и непосредственно проникнуть в исследование генетических законов.

Синтезом одного и другого метода исследования специфическим для педологии является метод естественного эксперимента, введенный профессором А. А. Урским и широко распространенный у нас. Мы видели уже из предыдущего, что метод эксперимента и метод наблюдения являются методами из которых каждый обладает своими

достоинствами и своими недостатками. Соединить достоинства того и другого метода и устранить недостатки обоих — такую цель ставит себе естественный эксперимент.

Как показывает само название сущность этого эксперимента сводится к тому, что это есть эксперимент, содержанием которого является обычное поведение ребенка, который проводится в максимальных естественных условиях и который является экспериментом для экспериментатора, но не для испытуемого. Живость, естественность родит этот метод с методом наблюдения, а возможность вызывания соответствующего явления роднит с экспериментом. Сам автор этого метода не считает его каким то особенным, вновь изобретенным методом. Он является плодом научной разработки тех приемов, которыми мы пользуемся в повседневной нашей жизни и практике и той тенденции к естественности, которая проявила себя в экспериментальной педологии и педагогике.

Чем выше и сложнее исследуемое явление, говорит Л а з у р с к и й, тем проще и ближе к жизни должен быть применяемый метод.

Другой попыткой дать синтетический метод исследования ребенка является клинический метод, разработанный швейцарским исследователем П и а ж е. Этот клинический метод противопоставляет автор, с одной стороны методу тестов, а с другой стороны методу чистого наблюдения и пытается обосновать его значение.

П и а ж е удалось не только развить теорию этого метода, но и прекрасно обосновать его применимость к изучению развития мышления, речи и мировоззрения ребенка. В частности клинический метод имеет огромное значение и при разработке сравнительных данных, т. е. изучение детей не нормальных, дефективных, умственно-отсталых и т. д.

Метод тестов, о котором мы будем говорить дальше, ставит себе главной задачей исследование детей в совершенно одинаковых условиях для того, чтобы было возможно отнести их к известной шкале и подвергнуть результаты статистической обработке. Он не годится для глубокого исследования процессов происходящих в развивающемся ребенке, как и метод чистого наблюдения.

Клинический метод пытается изучить проявления ребенка так, как психиатр изучает симптомы какой-нибудь психической болезни, и свести их к известному единству.

Клинический метод имеет то огромное преимущество, что он позволяет изучать все действительное положительное своеобразие ребенка на каждом этапе его развития. Огромным недостатком целого ряда педологических методов является то, что в основе своей они являются методами, дающими „негативный снимок“ с личности ребенка, т. е. устанавливающими то, чего нет у ребенка, чем и насколько он отличается от взрослого (насколько меньше запоминает, насколько меньше знает и ориентируется и пр. и пр.). Клинический метод ставит себе задачу — дать „положительный снимок“ с личности ребенка, т. е. выявить и уловить все положительное своеобразие детского мышления и других сторон личности.

ребенка. В этом его огромное достоинство. Второе и немалое достоинство его заключается в том, что он по своей основе принадлежит к числу синтетических методов т. е. наиболее отвечающих основным задачам педагогики.

Наконец, к последней группе относится широко распространенный сейчас в педагогике метод тестов. Этот метод применяется в целом ряде областей и в частности в педагогике для исследования умственной одаренности и умственного развития, в психо-физиологии при определении профессиональной пригодности и отбора, в педагогике при определении школьной успешности и т. д. В зависимости от этого существует много различных систем и методов тестов.

Идея тестов, т. е. особых задач, предлагаемых для решения принадлежит американскому психологу Кеттелу, который пытался обрисовать картину личности на основе 10 основных экспериментов.

Эта попытка ему не удалась, так как эксперименты эти затрагивали самые примитивные функции в роде измерения силы правой и левой руки, измерения чувствительности кожи и т. д. Позже за эту идею взялся Бинет. Он сконструировал так называемые синтетические эксперименты, которые испытывают различные стороны развития ребенка и позволяют установить общий умственный облик ребенка.

Этот способ исследования отличается от эксперимента, главным образом, своей целью. Целью этого исследования является диагноз.

В настоящее время вся масса применяемых тестов распадается на три основных группы. Первую группу составляют тесты, исследующие умственную одаренность ребенка и подростка. Вторую группу составляют тесты, исследующие умственное развитие ребенка и позволяющие следить за этим процессом по годам. Наконец, самыми недавними являются тесты третьей группы, имеющие своей целью измерение и учет школьной успешности. Следует различать количественный и качественный тест. Первый основан на измерении, на числовом выражении результатов, второй на определении и выявлении качественных особенностей. Примером первого вида тестов могут служить общеизвестные тесты Бинета или Россолимо, примером качественного теста — могут служить исследования типа памяти (зрительной, слуховой, моторной) или стадии развития мышления ребенка (предметности, действий, признаков и отношений).

Наконец, на последнем месте стоит раньше всех других разработанный анкетный метод, сущность которого заключается в том, что проводится опрос более или менее значительного числа лиц, по известному вопроснику, материал затем обрабатывается и получаются известные общие результаты. Недостатком этого метода является недостаточная глубина его и отсутствие анализа.

Метод анкет, говорит Рибо, опирается на число, он представляет собой применение всеобщего голосования к проблеме педагогики, своего рода референдум. Однако, свою роль в группе научных методов, этот метод сыграл и продолжает играть до сих пор и именно роль научной разработки, ориентировочного средства, которая

делает его методом по расколке поверхности, как его назвал Стефан Холд.

Особыми областями педологического исследования, областями, которые пользуются своими специальными методами, являются — изучение физического развития, исследование социальной среды, окружающей ребенка, собирание документов и продуктов детского творчества и педагогическое исследование ребенка. Изучение физического развития ребенка опирается на антропометрию, т. е. намерение главных признаков физического развития и строения тела, как рост, вес, величина отдельных органов и частей тела, известные показатели отношений отдельных признаков, характеризующие ту или иную сторону физического развития. Другая сторона того же исследования — соматоскопия, т. е. исследование физического состояния и здоровья организма, проводимое путем специальных медицинских исследований отдельных органов и систем в их взаимной связи. Как антропометрическое, так и соматоскопическое исследование при повторном применении и сравнении результатов позволяют учесть не только структуру организма, конституцию и состояние его (статика), но и динамику физического развития.

Изучение социальной среды является делом первостепенной важности и огромной сложности. Помимо учета экономических, культурных, бытовых и др. моментов, оно требует изучения сложной социальной классовой структуры того отрезка социальной среды, который окружает ребенка, направленности ее, а это, в свою очередь, невозможно без общего анализа „большой социальной среды“

Собирание документов и продуктов творчества предполагает необходимость анализа и интерпретации, т. е. научного истолкования документов, являющихся симптомами, признаками, по которым может быть освещена картина детского развития.

Наконец, педагогическое исследование имеет своей задачей выяснение истории воспитания и обучения ребенка и уровня, которого он достиг в процессе обучения.

Все эти методы находят глубоко своеобразное применение в педологии в зависимости от ее основных установок и находятся в прямой зависимости от основных задач этой науки и ее собственных методов.

Основной задачей педологии является изучение тех фаз и периодов, через которые проходит детское развитие. Установление этих периодов позволяет педологии различать паспортный и реальный возраст ребенка. Оба эти возраста не совпадают.

Это значит, что два ребенка, имеющих по паспорту одинаковое количество лет, на самом деле могут находиться в различных фазах своего развития и, следовательно, их реальный возраст будет глубоко отличаться один от другого. Так педологи различают реальный анатомический, физиологический, психологический и культурный возраст ребенка.

В своем анатомическом развитии ребенок проходит через сложный процесс морфологических изменений и формирования. Не все дети

проходят через отдельные фазы этого процесса в одно и то же время. Примером различия анатомического возраста может служить так называемый костный возраст детей. Исследования показали, что процесс окостенения хрящей ребенка проходит со строгой закономерностью через одни и те же фазы и в одном и том же порядке. Исследуя при помощи Рентгеновских лучей окостенение хрящей у детей одного и того же возраста, мы видим, что эти одноклассники по паспорту, по своему костному возрасту не являются вовсе одноклассниками. Одни ушли вперед, другие отстали. Реальный процесс окостенения хрящей не достиг у них одной и той же точки.

Так точно обстоит дело и с реальным физиологическим возрастом. Если взять группу детей одного и того же возраста по паспорту, например, 7—8 лет или 12—14 лет, исследование всегда обнаружит, что в этой группе есть дети, отличающиеся друг от друга по своему реальному физиологическому возрасту. Одни дети, например, еще не вступили в процесс полового созревания, другие переживают его, третьи оставили его уже позади. Или у одних детей не начали еще сменяться молочные зубы на постоянные, у других происходит сейчас эта смена и, наконец, третьи уже успели вступить в фазу постоянно-зубого детства. Как видим, реальный физиологический возраст опять не совпадает с возрастом паспортным. Так точно и психологическое развитие ребенка, проходя через известные фазы, не всегда совпадает с развитием хронологическим, и исследование однородной по возрасту детской массы обнаруживает, что в психологическом отношении перед нами также дети, реальный интеллектуальный возраст которых далеко не одинаков.

Наконец, культурный возраст детей, соответствующий той или иной степени овладения приемами, средствами культурного поведения, также может глубоко не совпадать с их паспортным возрастом. Вот почему для педолога является в высшей степени важным установление всякий раз реального возраста данного ребенка и степени его расхождения с его паспортным возрастом.

Возникает вопрос, чем объясняется это расхождение, и чем бывает оно вызвано. Реальный возраст ребенка, то-есть реально достигнутая ребенком в процессе развития ступень, определяется тремя основными моментами. Во-первых, наследственностью данного ребенка, то-есть теми зачатками, из которых берут свое начало все процессы развития. Очень часто именно дурная наследственность определяет глубокое замедление детского реального развития и, следовательно, большое расхождение его паспортного и реального возраста.

Вторым фактором, определяющим реальный возраст ребенка, является среда или те условия, в которых происходит развертывание и выживание наследственных зачатков ребенка. Среда, оказывая свое воздействие на развитие, замедляя и ускоряя его, также является причиной, обуславливающей большее или меньшее расхождение хронологического и реального возраста.

Наконец, так как и влияние наследственности, и влияние среды падает в данном случае не на неподвижный, находящийся в покое организм, а на организм, движущийся и развивающийся, то совершенно естественно, что эти влияния зависят прежде всего от того, в какой момент развития сказывается их действие. Одни и те же наследственные данные по-разному сказываются в младенческом и школьном возрасте, одни и те же условия среды различно влияют на утробное развитие и на половое созревание.

Поэтому реальный возраст ребенка является функцией не только наследственности и среды, но и третьей причины, именно времени, то есть хронологического возраста ребенка. Итак, наследственность, среда и возраст — вот те три фактора, которые определяют в своей совокупности реальный возраст ребенка.

Для определения реального возраста ребенка педология прибегает к тем же приемам, к которым прибегает и всякая наука: именно, к установлению стандартов детского развития. Стандартами называются постоянные, установленные величины, характеризующие уровень какого-нибудь процесса при определенных условиях. Так, если, измеряя температуру, я замечаю на градуснике 38° , я знаю, что это симптом заболевания, потому что я сравниваю эту температуру со стандартной температурой здорового человека, и степень отклонения данного показания термометра от стандартной величины, и измеряю подъем температуры.

Так и педология, устанавливая стандарты массового развития ребенка, устанавливает стадии, через которые проходит типическое развитие ребенка. Эти стандарты или типы детского развития позволяют нам рассматривать каждого отдельного ребенка, как вариант, более или менее отклоняющийся от этого основного типа, нами уже установленного. Эти отклонения позволяют сравнивать индивидуальное развитие с развитием массовым.

Педология опирается на закон больших чисел, который гласит, что явления, казущиеся незакономерными при незначительном количестве наблюдений, обнаруживают управляющую ими закономерность тем яснее, чем большее количество наблюдений мы производим. Этот закон больших чисел лучше всего выясняет закономерность в таких явлениях, которые с первого взгляда кажутся нам случайными.

Представим себе, что мы подбрасываем вверх монету и наблюдаем, сколько раз она выпадет орлом или решкой. При небольшом числе наблюдений, выпадения монеты кажутся нам совершенно случайными и незакономерными. Стоит, однако, нам увеличить наблюдения, и мы обнаружим следующий факт: по мере увеличения числа наблюдений, будет расти закономерность выпадений. Число тех и других будет приближаться к 50%, то есть к той математической закономерности, которую наперед устанавливает теория вероятности.

Подобным образом поступает наука всякий раз, когда она имеет дело с изучением явлений варьирующих и массовых. Изучая массового ребенка, педология приобретает возможность уловить те

закономерности, управляющие развитием детской массы, которые могут быть обнаружены только при глубоком и тщательном анализе массового материала. Изучение массового ребенка позволяет педологу устанавливать стандарты детского развития, а установление стандартов позволяет устанавливать диагноз, то есть определять характер и уровень развития в каждом отдельном случае.

Таким образом, изучение массового ребенка является масштабом, при помощи которого мы измеряем развитие индивидуального ребенка. Стандарт детского развития является основой для его диагноза.

Есть два момента, которые делают педологию самостоятельной наукой, несмотря на то, что она пользуется методами других научных дисциплин. Первый из этих моментов состоит в том, что педология, пользуясь даже методами других научных дисциплин, остается все же педологией, так как она использует данный метод в других целях, чем он используется в самостоятельной науке.

Она использует методы, разработанные в анатомии, физиологии и психологии, для решения своих педологических задач, так точно, как физика использует математический метод для решения физических задач.

Представим себе, что память семилетнего ребенка изучают психолог и педолог. Они, конечно, вынуждены пользоваться одним и тем же методом, потому что память можно изучать только психологическим методом, как всякое психологическое явление. Однако, психолог изучающий память семилетнего ребенка, будет изучать именно явления памяти на определенной ступени развития. Добытые им факты он сопоставит с другими данными о памяти, приведет их в систему, и закон, который он выведет, будет психологическим законом деятельности памяти.

Иначе поступает педолог. Изучая также память семилетнего ребенка, он сопоставит полученные им данные с другими данными не о памяти, но о семилетнем ребенке, приведет их также в систему, и закон, который он выведет, будет педологическим законом развития ребенка.

Здесь педология попадает совершенно в такое же положение, какое попадает всякая наука о естественных целых, когда она пользуется методом какой-нибудь специальной науки. Так, географ не может изучать растения и животных иначе, чем теми средствами, которые предоставляет в его распоряжение зоология и ботаника. Но, пользуясь этими средствами, этот ученый все же умножает свои географические познания. Он расширяет свои сведения о земной поверхности, а не о животных или растениях. Целевая установка, задачи научного исследования в обоих случаях оказываются различными.

Второй момент, который обуславливает своеобразие педологии, как самостоятельной науки, несмотря на то, что она пользуется методами целого ряда частных наук, заключается в том, что педология создает и вырабатывает свои особые методы объединения,

обобщения и сравнения частных данных, полученных при помощи методов других наук. Собственными методами педологии как методами второго порядка, при помощи которых обрабатываются материалы, полученные средствами первичных методов, являются генетический, сравнительный и синтетический методы.

Собственные методы педологии служат вскрытию тех собственно педологических закономерностей, которые характеризуют возраст, как качественно своеобразное, реальное единство, как особую, специфическую структуру. Если частные методы педологического исследования, о которых мы говорили выше, отвечают задаче анализа того сложнейшего процесса, которым на деле является детское развитие, то собственные методы педологии разрешают задачу реального синтеза этого процесса. При их помощи педолог и устанавливает то новое специфическое, неразложимое на отдельные элементы и несводимое к ним качество, которое отличает структуру каждого возрастного этапа в развитии ребенка.

Генетический метод располагает все полученные данные в генетический ряд, то-есть стремится представить их как отдельные моменты единого процесса развития, взаимно обуславливающие друг друга. Педолог, по выражению Холла, выше логического ставит генетическое объяснение. Его интересуют вопросы: откуда и куда, то-есть из чего произошло и во что стремится превратиться данное явление.

Другим его методом является сравнительный, стремящийся, как и всякая сравнительная метода, по указанию Грооса, не только установить то сходное, что имеется в процессах развития различного типа, но и то различное, то специфическое, что отличает каждый отдельный вид развития. Сравнивая развитие животных с развитием ребенка, сравнивая развитие примитивных народов с детским развитием, сравнивая данные психо-патологии с данными детской психологии, педология стремится всякий раз к решению двух различных задач: к выделению того общего, что заключается в каждом из этих видов развития и, самое главное, к установлению того специфического и особенного, что характеризует детское развитие, как таковое, и делает его непохожим ни на один другой тип развития.

И, наконец, третьим существенным методом педологии является синтетический метод, сущность которого заключается в объединении и сопоставлении разнородных данных, полученных при помощи различных методов, синтеза всех этих данных и получения на основе этого синтеза целостной и связной характеристики каждого отдельного возраста, как своеобразного реального единства.

Представим себе, что анатомия устанавливает морфологические особенности младенческого возраста; физиологические исследования обрисовали все своеобразие пищеварения, кровообращения, сна и тому подобных функций младенца; психология подробно описала его восприятия и движения, — перед педологией стоит задача собрать воедино все эти разнородные данные и создать характеристику

младенца. Задача этого синтеза и является собственной задачей педологии.

Было бы, однако, величайшей ошибкой понимать задачу этого синтеза чисто механически, как простое суммирование данных различных научных дисциплин, изучающих ребенка с разных сторон. Педология опирается на эти частные науки, как биология на химию, и пользуется их методами, как физика пользуется математическими методами. Но при всем том собственная задача педологии заключается в преодолении частных точек зрения на развитие ребенка и в создании действительного диалектического синтеза, отвечающего тому объективному реальному целому, которое мы называем процессом детского развития.

Необходимая литература для углубленной проработки вопроса.

1. Залкинд А. Б. Педология в СССР. Изд. Раб. Просв. Москва. 1929 г. Ц. 45 к.
2. Блонский П. П. Педология. Москва 1925 г. Часть I. Ц. 2 р.
3. П. Блонский, М. Ионова, В. Левинский, М. Шейман. Методика педологического обследования детей школьного возраста. ГИЗ, 1927. Ц. 1 р. 60 к.
4. К. П. Веселовская, Педологический практикум. Изд. „Раб. Просв“, 1924. Ц. 2 р. 75 к.
- М. Я. Васов. Методика психологических наблюдений над детьми. Изд. III ГИЗ, 1926. Ц. 2 р. 50 к.

Темы для контрольных работ к заданиям №№ 1 и 2.

Ответьте в письменной форме на следующие вопросы и мотивируйте ваши ответы:

- 1) Перечислите и разъясните важнейшие положения, характеризующие детское развитие и приведите конкретные примеры, иллюстрирующие каждое положение.
- 2) Объясните, какая связь существует между пластичностью детского возраста и влиянием социальных факторов на детское развитие. Как изменяется влияние социальных факторов в различные эпохи детского развития.
- 3) Перечислите важнейшие методы педологии.
- 4) Каково отношение педологии к другим наукам, изучающим ребенка.
- 5) Роль коры головного мозга в детском развитии.
- 6) Что такое стандарт детского развития и как он устанавливается.
- 7) Какое значение для воспитания имеют все перечисленные в тексте первого задания особенности детского развития. Перечислите подробно и мотивируйте свои ответы.

Г Л А В А III.

КРАТКИЙ ОБЗОР ГЛАВНЫХ ЭПОХ ДЕТСКОГО РАЗВИТИЯ.

Содержание задания.

Вопрос о длительности внутриутробного и внеутробного периода развития ребенка. Внутриутробный период развития. Младенческий возраст. Раннее детство. Дошкольный возраст. Школьный возраст.

План проработки задания.

1. Внимательно прочтите текст задания, составьте план и конспект его.

2. Для уяснения основных положений задания составьте краткую характеристику, снабженную конкретными примерами, младенца, дошкольника и школьника, исходя из схемы, изложенной в тексте задания.

Первую эпоху в развитии ребенка составляет период внутриутробного развития. Прежде всего возникает вопрос о длительности утробного детства. Сравнивая длительность утробного детства (ношения плода) у различных млекопитающих и сидения на яйцах у птиц, некоторые авторы приходят к выводу, что утробное детство у человека длится дольше, чем у остальных животных.

Е. Аркин приводит помещаемую ниже таблицу, из которой видно, насколько внутриутробное развитие человеческого зародыша продолжительнее, чем у большинства животных.

Период сидения на яйцах или ношения плода.

1. Змея	12 дней.	8. Волчица	10 недель.
2. Курица	21 день.	9. Овца	21 неделя.
3. Утка	21 "	10. Мал. обезьяна	39 недель.
4. Мышь	24 дня.	11. Желудяк	40 недель.
Кролик	32 "	12. Верблюд	11 месяцев.
Кошка	8 недель.	13. Слон	24 месяца.
Собака	9 недель.		

В противоположность этим авторам, которые утверждают, что человек медлит своим рождением, и видят в этом доказательство того, что человек, как более сложный организм, нуждается в более длительном периоде развития, другие авторы склонны сделать из тех же самых цифр обратный вывод и утверждать, что человек спешит своим рождением. Этот противоположный вывод получается в том случае, если от сравнения абсолютных цифр, которые сами по себе являются выражением очень сложного сплетения различных факторов, мы перейдем к цифрам относительным и будем сравнивать не абсолютную продолжительность ношения плода и сидения на яйцах, но отношение внутриутробного периода развития к длительности всей жизни данного животного.

П. Блонский приводит следующий сравнительный расчет: если взять для сравнения кошку, собаку, арабскую лошадь, человека и слона, если, дальше, принять у всех этих животных продолжительность жизни за 75 лет, как у человека, и соответственно

изменить длительность их внутриутробного детства, то окажется что у кошки оно составило бы 50 недель, у собаки—40, у слона—15 месяцев и у лошади 20,5 месяцев. (Эти цифры мы получили потому, что кошка в действительности живет 12 лет, собака—15 лет, лошадь—40 и слон—120 лет). Сопоставляя эти цифры, Блонский приходит к выводу, что человек имеет сравнительно самое короткое утробное детство, что „человек спешит родиться“.

Как объяснить это, с первого взгляда, странное явление? Для того, чтобы найти ему объяснение, мы должны проанализировать наши сравнения и попытаться сопоставить длительность внутриутробного и внеутробного детства у человека и у остальных животных. Внеутробное детство у кошки длится 1 год, у собаки—2 года, у лошади—8 лет, у слона—35 лет. Если взять отношение длительности всей жизни к детству, то у собаки оно выразится цифрой 7,5, у кошки 12, у лошади 5, у слона 3,4, у человека только 3. Вывод отсюда ясен: человек обладает относительно самым продолжительным внеутробным и самым коротким утробным детством.

Это последнее отношение между утробным и внеутробным детством становится особенно ясным тогда, когда мы сравниваем относительную длительность того и другого между собой. Если принять предположительно длительность внеутробного детства всех сравниваемых нами животных за 25 лет, как у человека, то оказалось бы, что длительность их утробного детства выразилась бы огромными цифрами: у собаки 112,5 недель, у лошади 137,5 недель, у кошки 200 недель, у слона 343 недели, у человека же только 40 недель.

Как объяснить эти результаты? Вспомним, что утробное детство является преимущественно периодом формирования организма, и этот процесс у человека протекает относительно быстрее, чем у других животных. Внеутробное детство есть время роста, изменения наследственных и врожденных задатков и приспособления их к условиям существования в среде, и эти процессы, видимо, протекают у человека гораздо медленнее и длительнее, чем у других животных.

Для того, чтобы это обстоятельство стало нам понятным, необходимо остановиться в нескольких словах на вопросе о том, на что, вообще, указывает длительность детства. Если мы возьмем наиболее простые организмы и наиболее сложные, мы увидим, что длительность детства, в общем, возрастает по мере увеличения сложности организма. Как общее правило, оно представляется нам понятным, потому что более сложная органическая форма требует и более длительного периода для своего развития.

Таким образом, мы могли бы сказать, что длительность внеутробного детства является, с одной стороны, производной величиной от сложности соответствующего организма и формы его приспособления. С другой стороны, если мы сравним животных, живущих в относительно простой и неизменной среде, с животными, живущими в среде, быстро изменяющейся и сложной, мы заметим,

что длительность детства возрастает в зависимости от сложности и изменчивости среды. Так, рыбы, живущие в наиболее постоянной, однородной и неизменной водной среде, вовсе не имеют начального периода детства в настоящем смысле этого слова, как полагают некоторые авторы, или переживают свое детство в высшей степени сокращенным.

У рыб не бывает младенческого возраста, — говорит Э. Кирпатрик. Их внешний вид в этом периоде тот же, что и у взрослых рыб. Они могут делать все, что делают взрослые рыбы, и для этого не требуется особого воспитания.

Таким образом, мы могли бы формулировать наши выводы в следующем виде: длительность детства оказывается производной от сложности организма и от сложности среды, в которой он живет. Не трудно найти и объяснение этому. Если, сравнить, например, человеческого ребенка с детенышем других животных, например, цыпленком, нельзя не заметить, что человеческий ребенок появляется на свет гораздо менее приспособленным и гораздо более беспомощным, чем большинство животных, напр., чем цыпленок. Цыпленок вскоре после того, как вылупился из яйца, стоит на ногах, передвигается, клюет положенное перед ним зерно, человеческий же младенец не сумел бы прожить и дня без соответствующего ухода, настолько мало приспособленным к самостоятельной жизни он является.

Если сравнить ребенка далее с щенком, с котенком и другими ближе стоящими к человеку животными, которые также рождаются на свет более беспомощными, чем цыпленок, мы увидим, что и здесь человеческое дитя как будто уступает щенку и котенку: оно дольше остается в беспомощном положении, оно позже овладевает ходьбой, самостоятельным питанием и т. д.

Этот с первого взгляда парадоксальный факт очень легко объяснить, если принять во внимание всю сложность человеческого поведения, а также сложность и изменчивость той среды, в которой человеку приходится жить. Условия среды и формы поведения курицы относительно просты, постоянны, неизменны от поколения к поколению, и поэтому она может опираться в своем развитии на капитал наследственных врожденных форм поведения или инстинктов, которые оказываются с самого начала способными к функционированию и работающими в совершенстве. Не то у человека.

Огромная сложность и изменчивость среды, в которой он живет, требует от него приспособления наследственных форм поведения к индивидуальным условиям существования, к переменам, происходящим в среде. И если мы поставим вопрос, к выгоде или невыгоде человека служит то обстоятельство, что он рождается на свет более беспомощным чем цыпленок, является ли это обстоятельство биологически полезным или вредным, представляет оно высшую или низшую форму развития по сравнению с курицей, мы должны будем ответить, что это — к выгоде человека, что это биологически в высшей степени полезно, что это означает высшую

ступень развития, так как за всем этим скрывается пластичность организма, сама по себе являющаяся одним из самых важных средств в борьбе за существование и одним из важнейших путей приспособления организмов.

Пластичностью мы называем то свойство организма, которое делает его способным изменяться и изменять свои функции под влиянием тех или иных воздействий среды.

И вот на вопрос, какова биологическая функция детства, т.е. каково отношение этого периода развития человека ко всей его жизни в целом, многие психологи со всей справедливостью отвечают, что детство есть пора пластичности, т.е. изменчивости под влиянием воздействий среды, и следовательно, пора выработки новых, более сложных и совершенных форм приспособления.

Другие психологи в том же смысле говорят, что детство есть пора учения, т.е. приобретения новых форм поведения и изменения врожденных или наследственных реакций под влиянием условий окружающей среды.

Если принять это во внимание, станет совершенно ясно, почему человечество на длинном пути своего биологического и исторического развития „выработало“ в процессе приспособления к среде более длительное детство, чем какой-либо другой вид животных. Менее ясным остается вопрос относительно того, чем можно объяснить меньшую относительно длительность человеческого утробного детства, но нам представляется, что с той точки зрения, о которой мы говорим сейчас, возможно предположительно объяснить и относительно меньшую длительность человеческого утробного детства.

Для того, чтобы объяснить это, вспомним, что утробное развитие есть та особенная форма развития, когда ребенок развивается в утробе матери и сам непосредственно не соприкасается с внешней средой. Следовательно, это развитие, протекающее во внутриорганической среде, в условиях, которые остаются одинаковыми и постоянными в силу наследственного устройства организмов. А потому утробное детство является минимально пластичным т.е. минимально изменяющимся в своем течении или максимально автоматическим. Оно автоматически пробегает основные стадии формирования организма, и поэтому все факторы, влияющие на длительность детства, о которых мы говорили выше, не должны оказывать столь сильного влияния на утробное развитие.

В педологии нашего времени существует, как нам думается, недоразумение относительно самого процесса развития ребенка.

Обычно образцом такого развития считается утробное развитие, в сущности минимально зависящее от среды и протекающее с известной автоматической последовательностью в силу внутренних потенций, заложенных в зародышевых клетках. Этот процесс принимается педологами за образец или прототип всякого развития и нам думается, что это делается без должного основания.

Мы склонны были бы скорее рассматривать утробное развитие, как процесс уже законченного развития, уже установившегося

и повторяющегося типа, в большей степени как результат длительного периода развития, чем как процесс развития в собственном смысле этого слова. Нам думается, что, если вспомнить процесс эволюции животных видов, когда ни о какой отстоявшейся, автоматической форме развития нельзя было говорить, когда виды животных в процессе борьбы за существование и отбора возникали, гибли и умирали; если вспомнить далее историческое развитие человечества, совершавшееся также не по автоматическому, наперед установленному типу, — мы будем иметь все основания с методологической точки зрения считать за действительный тип развития тот тип, который представлен во внеутробном развитии ребенка, а тип внутриутробного развития считать скорее за исключение, чем за правило.

В этом смысле мы разойдемся в объяснении интересующего нас вопроса с Блонским, вычисления которого мы приводили выше.

„Что все это значит, спрашивает этот автор. Чем является по преимуществу внеутробное детство? Это время роста уже сравнительно сформировавшегося организма. Чем отличается от этого детства утробное? Оно является, особенно в начале, также временем формирования организма. Можно предположить, значит, следующее: человек формируется сравнительно быстрее всех других животных, но время роста у него гораздо более длительное“

Правда, автор дальше оговаривается, что эта формулировка не совсем точна, что нельзя так противопоставить рост формированию е. количественный момент качественному. „Но сейчас, говорит он, дело не в этом, а в том, чтобы ярко подчеркнуть, что человек стадии своего формирования пролетает, что называется, на всех парах с поразительной быстротой“.

Но даже и с этой оговоркой приведенное объяснение кажется нам не вполне справедливым и вот почему. Здесь мы действительно сталкиваемся с парадоксальным фактом, заключающимся якобы в том, что более сложный организм требует на свое формирование более короткого времени. На самом деле это не так. Здесь следует снова обратиться к абсолютным цифрам, которые показывают ясно, что длительность формирования человеческого организма период утробного развития превышает ту же длительность животных, а не уступает ей. И в этом смысле представляется нам неверным вывод, что рост человека длится дольше, чем у животных, а формирование меньше, ибо как раз процесс роста, т.е. количественное увеличение материи в организме никогда не проявляется так интенсивно, как именно в период утробного развития.

Если мы сравним весь процесс роста ребенка от момента рождения до зрелого состояния, мы узнаем, что новорожденный младенец увеличивается за это время примерно в 20 раз (вес) и только в несколько раз, если принять во внимание рост в собственном смысле. Если же мы сравним далее микроскопическую зародышевую клетку с новорожденным ребенком, т.е. процесс роста за весь внутриутробный период развития, то окажется, что рост этот выразится огромной астрономической цифрой.

Таким образом, по нашему мнению, относительная краткость утробного развития ребенка объясняется не тем, что формирование требует меньше времени, чем рост, а тем, что перед нами по существу закончившиеся уже, отстоявшиеся, принявшие окончательную форму процессы развития, воспроизводящиеся по уже проложенным путям, как бы автоматизированные, наперед определенные в каждой своей стадии и в самой последовательности всех стадий, взятых вместе, наконец, процессы, протекающие в специфической, максимально устойчивой внутриорганической среде.

Перейдем теперь к рассмотрению важнейших эпох, которые проходит в своем развитии ребенок. Это необходимо сделать, если мы хотим правильно понять подростка и период полового созревания. Мы должны знать, что предшествует ему, какими путями ребенок приходит к нему, что у ребенка остается позади.

Весь период детства распадается на две большие эпохи: на детство в собственном смысле этого слова и на отрочество и юность, или эпоху полового созревания и половой зрелости. Эта вторая эпоха составляет предмет всего нашего курса, поэтому мы сейчас говорить о ней не будем. Нас интересует детство в собственном смысле этого слова.

Процесс развития в период детства представляет собою чрезвычайно сложный процесс, состоящий из многих признаков и элементов, поэтому не удивительно, что существует много различных попыток разбить детство на отдельные эпохи.

Надо сказать, что различные авторы кладут в основу этого разделения детства на эпохи различные признаки: отсутствие, появление и смену зубов, различая беззубое, молочнозубое и постояннозубое детство; эволюцию половых признаков, разделяя весь период развития на нейтральное, двуполое детство и период созревания; состояние и созревание центральной нервной системы, в частности — коры головного мозга, как аппарата, отражающего в наиболее полной мере изменение личности под влиянием воздействия среды т. д. и т. д.

При этом утробный период развития выделяется обычно всеми авторами, как стоящий совершенно особняком и в начале всего развития. Мы в нашем схематическом очерке возьмем за основу разделения детства на отдельные эпохи своеобразное отношение организма и среды на каждой ступени развития, или развитие личности и мировоззрения ребенка. При этом оговоримся, что и личность, и мировоззрение мы будем понимать, первое — не в смысле сколько-нибудь оформленного самосознания, а второе — не в виде логически-продуманной системы убеждений и взглядов, а в том условном педологическом смысле, в котором оба эти слова применяются, как синтетическое обозначение, выражающее отношение между организмом ребенка и средой.

Как мы уже говорили, весь период утробного детства характеризуется раньше всего своеобразным отношением, существующим между организмом и средой. Организм не соприспосабливается непосред-

ственно и прямо с окружающей его средой. Между организмом созревающего ребенка и окружающей средой стоит организм матери. Таким образом, все функции нового организма, весь процесс обмена веществ, питания, созревания и роста совершается опосредствованно — через мать. В этом заключается, с одной стороны, главная биологическая выгода для созревающего организма, с другой стороны — некоторая невыгода, о которой мы будем говорить ниже.

Выгода заключается в том, что слабый, маломощный, зреющий плод оказывается, благодаря этим условиям, крепко защищенным от всех вредных воздействий среды. Ни перемена температуры во внешней среде, ни механическое воздействие, столкновение, соприкосновение с предметами, ни задержка или отсутствие питания, ни, наконец, опасность со стороны хищников и врагов — все это не отражается непосредственно на вынашиваемом плоде, поскольку в материнской утробе он имеет постоянную внутри-органическую температуру, питание из органических запасов матери и отделен от внешней среды ее телом, защищен ее организмом и т. д.

Эта теснейшая зависимость зародыша и плода от организма матери является высшей биологической формой, обеспечивающей в наибольшей мере вынашивание и созревание плода.

Однако, этот же самый момент является невыгодным в том отношении, что зародыш и плод попадает с самого начала в зависимость от всех болезненных, разрушительных процессов происходящих в организме матери. Ее алкогольный, сифилитический или гоноррейный яд, ее заболевания или отравления, механические травмы и травмы нервные, вообще — все внешние условия, от которых зависит ее благополучие, как питание, утомление и т. д. непосредственно отзываются на судьбе плода. Сам по себе здоровый силу наследственных задатков плод может ввиду того, что он находится не в благоприятной или отравленной органической среде, самого начала получить глубокие задатки неправильного или уродливого развития. В этом и заключается огромная важность знания утробного периода развития для педолога.

Целый ряд особенностей будущего организма находит свое объяснение, целый ряд дальнейших явлений имеет свои корни в этом периоде.

Все решительно признаки и свойства организма могут быть в настоящее время разделены на три основных группы: на признаки наследственные, о которых шла речь в первой главе, и которые в потенциальном или латентном виде скрыты в зародышевых клетках. Законы передачи, комбинации или смешения этих наследственных признаков мы кратко изложили в первой главе.

Вторую большую группу признаков и свойств составляют так называемые врожденные признаки, т. е. признаки и свойства, образовавшиеся в продолжение утробной жизни ребенка, сложившиеся уже к моменту рождения. Но тем не менее эти признаки надо строго отличать от наследственных, так как происхождения их надо искать в условиях внутриутробного развития ребенка, а не в условиях комбинации наследственных свойств отца и матери.

Образование врожденных признаков происходит не в результате передачи наследственных свойств родителей или свойств данной семьи, а в результате тех или иных влияний, оказываемых болезнью, травмой, отравлением матери и др. причинами на развитие плода.

Так например, многие болезненные состояния не передаются, как таковые по наследству, т. е. не входят в число наследственных признаков или ген, а только нарушают жизнеспособность и правильность развития плода. Совершенно здоровая, полноценная психически и физически мать при случайном заболевании, ранении или отравлении может повредить плод, в результате чего может родиться ребенок - идиот. Такие заболевания, например, как сифилис, являются не наследственными, а лишь врожденными. Итак, целый ряд свойств закладывается и образуется в период утробного развития ребенка. Мы будем их в дальнейшем называть врожденными свойствами.

Наконец третью группу признаков составляют признаки, приобретенные уже в процессе собственного внеутробного развития ребенка.

Со стороны отношения со средой, следовательно, период утробного развития характеризуется минимальной активностью во взаимодействии организма и среды. Все это время преобладают чисто растительные функции и процессы.

У ребенка и взрослого человека мы различаем, так называемые, вегетативные и анимальные процессы, происходящие в его организме. Первые процессы — растительные, как питание, дыхание, обмен веществ процессы общие всем организмам, в том числе и растениям. Вторые, связанные с активным восприятием раздражений, идущих из среды, и реакциями на эти раздражения, называются анимальными, так как характеризуют жизнь и поведение животных в отличие от растений, у которых нет ни органов восприятия, ни органов движения.

В то время, как у взрослого человека на первом плане — в процессе его взаимодействия со средой, выступают анимальные функции, а растительные функции сами как бы обслуживаются этими анимальными (например, добывание и приготовление пищи и т. д.), в утробном периоде — перед нами существо почти исключительно с растительными функциями. Это существо, как бы находящееся в глубоком и длительном сне. Но процессы роста совершаются, как уже сказано, в этот период развития с таким темпом, который далеко оставляет позади весь дальнейший темп развития.

Еще одна особенность утробного развития должна привлечь наше внимание. Эта особенность состоит в том, что в процессе своего развития в утробе матери, зародыш как бы последовательно воспроизводит в кратких и сжатых чертах важнейшие этапы эволюции организмов. Так же, как и жизнь на земле началась подвижному с одноклеточных организмов, так точно и история утробного развития начинается с одноклеточного организма. Далее яйцо начинает делиться на 2—4—8 и т. д. клеток и напомиает колонию клеток, т. е. многоклеточный простейший организм. Дальше зародыш

принимает форму червеобразного существа. Дальше он начинает походить на рыбу, по бокам шеи у зародыша к началу третьей недели образуются жабры, похожие на жаберные и т. д.

Таким образом, зародыш человека на первых стадиях своего развития обнаруживает известное сходство с зародышем других животных, так что только в конце пятой и начале шестой недели зародыш человека может быть отличен от зародыша других животных, например курицы, черепахи, собаки, и сохраняет большое сходство с зародышем обезьяны.

Дарвин видел в этом обстоятельстве указание на общность происхождения всех видов животных.

Другие ученые Мюллер и Геккель — сформулировали на этом основании биогенетический закон, заключающийся в том, что ребенок в процессе утробного развития в сжатом и кратком виде повторяет историю развития рода. Э. Геккель формулирует этот закон в таком виде: „Онтогенез есть повторение филогенеза, т. е. ряд форм, которые проходит отдельный организм во время своего развития от яйца до развитого состояния, есть сжатое повторение длинного ряда форм, который прошли животные предки того же организма с древнейших времен, так называемого, органического творения до настоящего времени“.

Кроме указанных выше двух моментов, наличия так называемых атавистических признаков у человеческого зародыша, т. е. признаков отдаленных предков, и сходства зародыша человеческого и других животных, — есть еще третий момент, говорящий в пользу признания этого закона. Это действительная аналогия, намечающаяся между одним и другим процессом развития, заметная особенно на первых стадиях внутриутробного развития.

Однако, в настоящее время более детальное изучение процессов развития показало, что как говорит проф. Северцев, „отношение между филогенезом и онтогенезом гораздо сложнее, чем думали до сих пор, и не исчерпываются отношениями, открытыми Мюллером и развитыми Геккелем“.

Мы склонны думать, что было бы с теоретической точки зрения, вообще, трудно ожидать, чтобы история развития человеческого зародыша сколько-нибудь полно повторяла историю развития рода, так как при всех фактических данных, говорящих в пользу этого, данных, о которых мы говорили выше, основной фактор развития, именно среда, в которой происходило развитие животных видов, и среда, в которой протекает развитие человеческого зародыша, как и другие основные факторы, именно самые „механизмы“ того и другого развития (борьба за существование, отбор и т. д.) — глубоко различны в обоих случаях. Поэтому нам кажется правильным замечание Маршала, который говорит: „Понистине, это — история, но история, из которой целые главы потеряны, а в сохранившихся много страниц находится не на своем месте, иные так замазаны, что их почти невозможно прочитать, и еще того хуже — позднейшими руками бесцеремонно внесены

изменения и поддельные дополнения, иногда так искусно, что их почти невозможно обнаружить.

Утробное развитие ребенка заканчивается катастрофой родов. Это изменение называют обычно катастрофическим, потому, что оно связано с резким скачкообразным изменением во всем процессе развития и в обстановке его. Это есть скачек в развитии в настоящем смысле этого слова, скачок, подготовленный всем предыдущим ходом утробного развития, но тем не менее являющийся революционным, а не эволюционным моментом развития. Катастрофичность заключается в том, что самим актом родов совершивший организм ребенка переносится изнутри органической среды во внешнюю среду, отделяется от организма матери и вследствие этого коренным образом изменяет все решительно условия всего своего существования.

Это резкое, внезапное изменение в развитии неизбежно связано с серьезнейшим изменением во всей жизни и во всем приспособлении ребенка.

Теперь начинается для ребенка младенческий возраст, который легко охарактеризовать, если опять исходить из того своеобразного отношения, которое создается между ребенком и средой в этот период. Своеобразие этого отношения заключается в том, что ребенок оторвался уже от матери, вступил в связь с внешней средой непосредственно, но все формы его отношения с внешней средой еще находятся в том переходном состоянии, когда связь организма с матерью не до конца потеряна.

Типичным примером этого могут служить три момента. Питание ребенка связано уже с работой анимальных функций, непременно требует восприятия раздражений и собственных движений и активности ребенка, но сама пища является пищей, образующейся в организме матери, и сам процесс питания происходит еще через мать, но только извне.

Второй момент — это сон младенца. Исследования по генетической рефлексологии показали, что первичным состоянием является сон, а не бодрствование. Мы знаем, что младенец вначале спит почти все время, если он сыт, и если какие-нибудь вредные воздействия не мешают этому. Иначе говоря, нормальным состоянием для младенца является сон. Благодаря этому меняется и вся традиционная постановка вопроса о сне и бодрствовании. Обычно спрашивали, каким образом возникает сон, какие должны произойти изменения в бодрствующем состоянии ребенка для того, чтобы наступили явления сна.

На самом деле правильно было бы ставить вопрос иначе: каким образом возникает бодрствование, какие условия должны присоединиться ко сну для того, чтобы возникло бодрствование. Сон и есть та слабая растительная жизнь, которая является самой примитивной формой жизни вообще, и которая составляет как бы переходное состояние между чисто растительным существованием плода в утробе матери и анимальной жизнью зрелого человека.

И, наконец, третье — это восприятие раздражений, идущих из внешней среды, и движения в ответ на эти раздражения. Ребенок уже воспринимает раздражения и движется, но он еще сам не умеет перемещаться в пространстве, и его перемещение еще в значительной степени совершается матерью.

Таким образом, нам кажется, следует смотреть на этот возраст ребенка, как на переходное состояние между внутриутробным периодом полной зависимости от организма матери и более поздним и более самостоятельным периодом жизни.

Было бы, однако, большой ошибкой не видеть, что в этом возрасте закладываются основные линии всего дальнейшего развития ребенка. Поэтому для нас представляет большой интерес выяснить, какова исходная точка этих больших линий развития, посмотреть, откуда они берут начало, и выяснить, как создаются предпосылки для дальнейшего продвижения этих линий.

В последнее время мы имеем много работ, посвященных изучению ребенка в первый год жизни, и можем составить себе приблизительное представление об этих предпосылках. Первой исходной точкой всего дальнейшего развития поведения является функционирование безусловных или наследственных рефлексов при очень раннем образовании условных. Если взглянуть на ребенка этого времени с синтетической стороны, со стороны его отношения со средой, с точки зрения его „личности и мировоззрения“, можно прийти к выводу, к которому привели швейцарского исследователя Пиаже его эксперименты над младенцем. Эти эксперименты показали, что ребенок на ранних стадиях не различает еще внешнего мира и себя самого. В этом смысле Пиаже называет младенца солипсистом, конечно, в том смысле, в каком это слово применяется в философии.

„Ясно, говорит этот автор, что, если мы будем понимать солипсизм, как установку философского ума, рассматривающего вселенную, как содержание своего я, тогда, конечно, нецело говорить, что младенец солипсист, раз установлено, что он не имеет сознания своего я“. Обычно это самое слово мы применяем к младенцу в условном смысле, желая этим показать, что внешние и внутренние раздражения еще не поляризовались для младенца. „Сказать, что младенец солипсист — это означает просто, что чувства и желания его не имеют границ, но составляют одно целое со всем тем, что он видит, к чему прикасается и что воспринимает“.

Эксперименты Пиаже, которые подтверждают это предположение, показали, что у младенца очень легко возникает круговая реакция, как в ответ на внешнее случайно совпавшее с его движением раздражение, так и в ответ на вызванное им самим раздражение. Круговая реакция заключается в том, что ребенок производит какое-нибудь движение, и если это движение вызывает затем интересное для него раздражение, он начинает повторять это движение. Таким образом, результат одного движения служит стимулом для начала следующего и т. д., почему эта реакция и называется

круговой. Так ребенок научается сосать большой палец, хватать предметы, слышать звуки стуком по твердым телам и т. п.

Пиаже производит такие опыты: если какое-нибудь движение младенца случайно совпадает с каким-нибудь внешним эффектом, ребенок повторяет это движение, как бы стремясь вызвать соответствующий эффект. Пиаже приходит к выводу, что ребенок еще не знает сопротивляемости предметов и людей, что все движения, производимые младенцем в окружающей среде, и все движения, последовательно совпадающие с его усилиями, будут восприниматься одинаковым образом до тех пор, пока ребенок не овладеет различием между действием, исходящим от него и не от него.

Однако, здесь же, в эту же пору происходит важнейшее разделение этой общей линии, в которой в начале не расчленено еще отношение между личностью и средой. Мы имеем в виду, во-первых, первичное употребление орудий у ребенка, которое составляет самую основу человеческой деятельности, наиболее отличающую ее от деятельности животных. Подготовительной ступенью этого является вызываемое младенцем, обычно около шести месяцев, воздействие одного предмета на другой—в виде круговой реакции или просто единичное воздействие. Ребенок сталкивает предметы, заставляет их действовать один на другой и, таким образом, как бы инстинктивно начинает использовать один предмет в качестве орудия, воздействующего на другой, служащий объектом.

Только позже в 9—10—11 месяцев у ребенка появляется самое примитивное и первичное употребление орудий, в котором проявляются первые формы его мышления. Этот возраст К. Бюлер предложил назвать шимпанзеподобным возрастом ребенка, потому что ребенок в эту пору обнаруживает такие же простейшие формы употребления орудий при разрешении внешних „задач“ которые психологи наблюдали впервые у человекоподобных обезьян.

Параллельно с этим, как показали наблюдения, у ребенка происходит отклонение и другой важнейшей линии его развития, именно линии социальной связи его с окружающими. Как показало специальное наблюдение, у ребенка с первых месяцев его жизни проявляется специфическая социальная реакция на человеческий голос. В то время, как новорожденный до двух месяцев воспринимает крик, как простое акустическое раздражение, которое вызывает у него шок, на двухмесячного ребенка этот крик действует уже социально, в качестве выразительного движения. На третьем месяце у ребенка наблюдается специфическая социальная реакция.

К концу всего этого периода, к восьми месяцам, у ребенка резко изменяется все поведение. Если в шесть месяцев еще на 80—100% преобладают в поведении ребенка рефлексорные движения, то сейчас, напротив, выступает около 70—80% самостоятельных выразительных движений. У ребенка появляются жесты, в частности указательный, и зарождаются первичные корни речи. Яснее всего можно выразить эту равницу, если сказать, что ребенок первого полугодия в контакте со взрослым ведет себя пассивно и ре-

активно, отвесчая на этот контакт, а ребенок второго полугодия активно идет, устанавливает и сам поддерживает этот контакт (Ш. Бюлер).

Таким образом, мы видим, что уже в младенческом периоде происходит зарождение зачатков двух основных форм будущей активной деятельности: социального воздействия на окружающих людей и воздействия на внешний мир посредством орудий. Решительная перемена в развитии ребенка наступает тогда, когда ребенок постепенно и медленно начинает овладевать ходьбой и речью. Вертикальная походка, оставляющая свободными руки, позволяющая глазам осматривать ситуацию, замечать и контролировать движение, издавна считалась отличительным свойством человека, как и речь.

Овладение вертикальной походкой является для ребенка уже совершенно новой формой, в которой он начинает проявлять свою активность по отношению к внешнему миру. Он уже не зависит более от того, какие предметы будут к нему приближаться и от него удаляться, он сам приближается к предметам и удаляется от них, воздействует на них руками. Благодаря ходьбе и вертикальной походке, ребенок овладевает пространством и заключенными в нем вещами. Пространство это постепенно увеличивается для ребенка, но принципиально важнейший шаг к завоеванию пространства сделан уже тогда, когда ребенок сделал свой первый шаг.

Аналогичное значение имеет и речь ребенка, которую многие психологи сравнивали с ходьбой в том смысле, что в области социального контакта и в области мышления она дает возможность ребенку проявить ту же самую активность по отношению к окружающим его людям и предметам, как и ходьба по отношению к окружающим его действительным предметам.

Раннее детство, таким образом, характеризуется, как эпоха овладения ходьбой и овладения речью. Наступающая вслед за этим эпоха, так называемый дошкольный возраст, характеризуется многими исследователями, как эпоха специфической детской деятельности, именно, как эпоха игры. Это утверждение является одновременно верным и неверным, в зависимости от того, какое значение и содержание мы будем вкладывать в понятие игры.

Если под игрой разуметь чистую игру и противопоставлять ее всем иным формам деятельности, как это мы можем сделать с игрой в развитом виде у ребенка старшего возраста или даже взрослого человека, когда игра окончательно отделилась от других видов деятельности и в известном смысле противопоставит им, — тогда, конечно, утверждение о ребенке дошкольного возраста, что его поведение исчерпывается игрой, было бы глубоко неверно.

Но если смотреть на игру, как на такую сложную форму деятельности, в которой заключаются элементы, зачатки, зародыши всех будущих форм деятельности в том числе и трудовой, если видеть в игре, далее, своеобразный способ отношений ребенка со средой, особую форму деятельности, — тогда с известным правом мы могли бы сказать, что дошкольный возраст есть возраст игры.

Как показали педологические исследования, игра ребенка не есть

случайность и не выдумка взрослых для того, чтобы занять ребенка, она не есть также пустая забава или трата сил. Это есть всеобщее биологическое явление, имеющее огромный смысл и значение и неразрывно связанное с самой эпохой детства. Играет не только человеческое дитя, играет и детеныш животных.

Как показали исследования Грооса, существует тесная и прямая зависимость между игрой ребенка, с одной стороны, и между формой приспособления, отличающей взрослых животных того же вида. Так, котенок ловит бумажку, привязанную на веревочку, гонится за мотком ниток, играет полумертвой мышью, принесенной матерью. Во всех этих играх он учится ловить, догонять, наступать, хватать, преследовать. Кто внимательно изучит игры котенка, тот без всякого труда откроет в них прямую, преобладающую связь, которая соединит их с будущим жизненным ремеслом взрослой кошки.

То же самое оправдывается и по отношению к другим животным. Везде мы видим, что игра выступает в роли такой естественной школы, что она является как бы естественным дополнением, естественной школой или самовоспитанием. Тот, кто усвоит эту связь явлений, говорит Гроос, отнесется к детским забавам не только со снисхождением, но и с уважением.

Игра как бы составляет биологическое дополнение к недостаточным самим по себе инстинктам. Гроос определяет игру так: „Деятельность игры, говорит он, состоит таким образом, во первых, в возведении еще зачаточных унаследованных сил на степень развития, равную вполне оформившимся инстинктам, и во-вторых, в чрезвычайно сильном развитии всего унаследованного в смысле способности к приспособлению и многообразию, которое было бы невозможно при наличии одних только унаследованных задатков“

Со стороны „мировоззрения и личности“, то-есть со стороны синтетических признаков, указывающих на своеобразие отношения со средой, которое мы хотим исследовать, ребенок этого возраста отличается остаточным эгоцентризмом, т.-е. окончательно неразделенной сферой личного и внешнего опыта. Его мышление направляется еще в значительной степени его внутренними мотивами и желаниями. Мир, вообще, легко выступает для него в роли материала для его игры и для удовлетворения его желаний. „Если игра, говорит С. Моложавый, есть то соотношение, которое является необходимым при столкновении растущего детского организма со средой, есть необходимая для ребенка стадия преодоления своей недостаточности в условиях сложной социально производственной среды, то для нас нет необходимости выискивать стимулы к игре детей. Среда богатством и разнообразием своих явлений, постепенно открывающихся ребенку своими новыми формами, качествами и соотношениями, заботится о том, чтобы наши дети играли“

Школьный возраст, ограниченный с одной стороны — сменой молочных зубов на постоянные, а с другой — половым созреванием, т.-е. двумя критическими фазами, из которых каждая означает серьезную, всестороннюю и глубокую перемену в организме ребенка

сам представляет собой относительно устойчивый, спокойный и медленный период детского роста и развития.

Самой главной особенностью ребенка этого возраста, говорит Блонский, которая объясняет все его поведение, является наличие в нем избыточной производительной энергии. Эта избыточная производительная энергия и является причиной того, что в этом возрасте обычно и начинается расхождение дороги детей эксплуататорского и эксплуатируемого класса.

Избыточная производительная энергия одних берется за исходную точку для их дальнейшего умственного развития, у других эта энергия эксплуатируется в общественном производстве. Мастерская и школа, вот колени, по которым общество направляет избыточную производительную энергию постояннозубого детства".

Таким образом, школа есть не случайный или извне навязанный факт в развитии ребенка, а является способом использования избыточной энергии ребенка в целях подготовки его к будущей деятельности взрослого человека.

Самая характерная особенность ребенка школьного возраста, как говорит Блонский, заключается в том, что „соматическая мощьность, играющая такую огромную роль в беззубом и даже молочнзубом детстве, теперь оказывается лишь предпосылкой развития технической мощьности, которая выступает на первый план. Под технической мощьностью понимается увеличение соматической мощьности через овладение орудиями труда".

Предпубертальное детство и является возрастом овладения орудиями ручного труда. Мы видим, таким образом, что рост энергии ребенка является сейчас только предпосылкой для развития его технической деятельности. Нечто подобное происходит и в области психологического развития ребенка. И здесь, наблюдая за школьником, мы видим, что в эти годы не столько растет сама по себе память, само по себе внимание, сколько ребенок овладевает сложным культурным опытом, сложными функциями культурного поведения, научается лучше использовать свои натуральные психологические функции на основе быстро растущего культурного опыта.

Мы, таким образом, могли бы объединить один и другой признак и определить школьный возраст, как возраст культурного развития ребенка по преимуществу, понимая под культурным развитием овладение орудиями труда и культурно-психологическое развитие.

Пиаже предложил два закона для объяснения особенностей школьного возраста. Первый закон он называет законом сдвига или смещения. Этот закон заключается в том, что важнейшие пути и операции мышления ребенка сдвигаются сейчас в новую сферу, переходят в новый план, — именно в план словесного мышления. Поэтому естественно ожидать, что те же самые явления, те же самые трудности, те же самые приемы поведения, которые отличают дошкольника в области непосредственного действия и восприятия, будут отличать школьника в области его словесного мышления.

Этот сдвиг поведения, перемещение его в новый план можно еще формулировать следующим образом.

Школьник в области словесного мышления ведет себя так, как дошкольник в области непосредственного действия и восприятия. Этот закон связан с другим законом, который Пиаже также привлекает для объяснения школьного возраста, именно с „законом осознания“.

Этот закон, установленный Кларедом, гласит, что ребенок осознает свои действия только в меру трудности, в меру неудачного своего приспособления. Этот автор исследовал как образуются у детей и как развиваются у них процессы понимания сходства и различия.

Исследование это привело к парадоксальным с первого взгляда результатам. Оказалось, что ребенок раньше научается правильно реагировать на сходство, чем на различие двух предметов, но осознает различие раньше, чем сходство.

Таким образом, порядок появления одной и той же операции в плане действия и в плане мышления оказывается обратным. Именно в силу того, что ребенок реагирует на сходство, оперирует со сходством на деле раньше и легче, оно и не требует с его стороны осмысления, осознания, и напротив, именно потому, что он с трудом реагирует на различие в вещах, что это приводит его к неудачному приспособлению, что это составляет для него трудность, ребенок осознает это раньше.

Что говорит этот закон в приложении к школьному возрасту? Он показывает, что школьник еще не осознал своих мыслей, своих интеллектуальных операций, своего словесного рассуждения и суждения, хотя он умеет уже пользоваться всем этим в плане действия.

В его словесном мышлении продолжает господствовать логика действия.

Нам думается, что оба эти закона находят свое обобщение и объяснение в том общем основном признаке школьного возраста, который, как мы старались показать выше, характеризуется со стороны физического развития овладением техническими орудиями труда, а со стороны психологической — культурным развитием.

Мы ограничились в настоящем задании суммарным рассмотрением главнейших возрастных периодов, чисто схематической характеристикой их, не касаясь, с одной стороны, важнейших биологических и психологических изменений и особенностей каждого возраста, как рост, деятельность желез внутренней секреции, конституция, интересы и т. п., а с другой стороны, ограничиваясь исключительно формальной стороной возрастных особенностей, не затрагивая содержания и направленности отношений ребенка каждого возраста со средой. То и другое будет нами рассмотрено в дальнейших заданиях в связи с соответствующими моментами переходного возраста, которые мы все время будем стараться проследить генетически, т. е. как результат предшествующих периодов развития.

В нашем схематическом изложении, примыкающем непосредственно к темам предыдущих заданий, мы хотели только оттенить возрастную эволюцию ребенка, как единый целостный процесс,

характеризуящиеся на каждом этапе специфическими закономерностями и особенностями, присущими ему именно как целому, формирующимся на основе роста качественно новых отличия и революционной сменой структурных центров каждой возрастной эпохи, подготовленной длительной возрастной эволюцией. Мы пытались наметить синтетический признак каждой эпохи, относим анализ ее к анализу самого переходного возраста.

Необходимая литература для углубленной проработки вопроса:

1. Е. Аркин. Дошкольный возраст. Ч. I, ГИЗ Ч. II, ГИЗ. Ц. одной части 1 р. 75 к.

2. Блонский П. П. Основы педагогики. Изд. Работы. Просвещ. Москва. 1925 г. Главы II и III (Воспитание здоровой детской массы и Воспитание мощной детской массы).

3. П. Блонский. Педология в массовой школе I ступени. Изд. III. „Раб. Просв.“ М. 1927. Ц. 1 р. 10 к.

4. Л. С. Выготский. Педология школьного возраста. Изд. Бюро заочного обучения при педфаке 2 МГУ. Ц. 1 р. 60 к. 1928 г.

Задание № 4.

Г Л А В А IV.

ОБЗОР ГЛАВНЕЙШИХ ТЕОРИЙ ПЕРЕХОДНОГО ВОЗРАСТА.

Содержание задания.

Теория биогенетического параллелизма и ее критика.—Теория „прикрывающих инстинктов“ К. Грооса.—Биопсихологическая теория Ш. Бюлер.—Психоаналитическая теория переходного возраста.—Дуалистические теории переходного возраста (Э. Шпрангер, В. Штерн).—Синтетические теории (Тумлирц).

План проработки задания:

1. Внимательно прочтите текст задания, составьте план и конспект его.

2. Разберите каждую из изложенных теорий с точки зрения основных принципиальных положений и задач педологии, как они изложены в первом и втором задании.

Эпоха полового созревания, составляющая переход от детства к зрелому состоянию и поэтому называемая часто переходным возрастом, является одной из самых критических эпох в истории развития человека. Это есть действительно переходное время. Оно характеризуется раньше всего тем, что оно есть время нарушенного равновесия, так как прежнее равновесие, сложившееся в детском возрасте, сейчас нарушено, благодаря появлению нового мощного фактора в виде полового созревания, а новое равновесие еще не найдено, еще не обретоено организмом. Это и делает переходный возраст критической или переходной эпохой в развитии ребенка. Естественно, что такая критическая эпоха отличается целым рядом сложных признаков и симптомов, и сама является гораздо более

сложной, чем любая другая эпоха в развитии ребенка. Для изучения и исследования это самый трудный из всех возрастов.

Во-первых, возрастающая сложность подростка по сравнению с ребенком делает самый этот возраст и его проявления гораздо более запутанными, сложными по составу, а потому трудными.

Вторая причина заключается в том, что это возраст, который для правильного понимания его особенностей требует учета тонких подчас микроскопических изменений и различий, которых часто еще не в состоянии дать наши несовершенные методы. В самом деле, если мы сравним ребенка самого раннего возраста с подростком, переживающим половое созревание, мы сразу увидим, что мышление, поведение, даже строение тела ребенка грубо, явно отличаются от наших, выделяются целым рядом массивных, бросающихся в глаза черт и признаков, и педологу часто остается только обводить карандашом ясно выступающие контуры и очертания этого возраста.

Не то у подростка. Самые процессы развития здесь утончились, приобрели часто незаметный вид, ушли внутрь, разветвились. Тонкое подчас неприметное внутреннее изменение и формирование заняло место прежних ярких и четких особенностей. Подросток ближе подходит к взрослому человеку, особенности в складе его мышления, эмоций, личности требуют более тонкого анализа, более тонких методов.

Третья трудность заключается в том, что этот критический возраст полон противоречивых черт, которые наблюдатель отмечает одну за другой, часто становясь в тупик перед вопросом, как свести все это огромное многообразие противоречивых черт к некоторому единству, к общему знаменателю.

Стенли Холл, положивший начало научному изучению переходного возраста, насчитывает 12 основных антитез, коренных противоречий, между которыми колеблется этот возраст. Именно эта противоречивость и возникающая отсюда запутанность картины этого возраста являются основным препятствием для выработки научной теории переходного возраста. Противоречивые симптомы дают основание для построения противоречивых теорий.

Исследователи, которые принимают за основное и главное один какой-нибудь полюс, приходят к одному пониманию переходного возраста; другие, берущие за исходную точку другой полюс, приходят к полярно-противоположным выводам.

Наконец, четвертой по связанной со всеми первыми трудностью является недостаточная изученность, недостаточный фактический материал, который собран в этой области.

Научное исследование переходного возраста, как уже сказано, началось сравнительно недавно и в этом отношении эта глава педологии представляет решительную противоположность педологии раннего возраста. Как правильно замечает Тумлирц, эта глава, психология эпохи созревания, стоит в обратном отношении к психологии раннего детства.

Если об этой последней К. Бюлер справедливо замечает, что она страдает избытком единичных фактов, установленных наблюде-

нием, и недостатком больших идей, то о психологии переходного возраста надо утверждать обратное. Она страдает преизбытком больших идейных построений и недостатком точно установленных фактов. И в самом деле, мы встречаемся здесь с огромным количеством научных теорий переходного возраста, но, как увидим ниже, мы не имеем еще единой обобщающей научной теории переходного возраста.

И все же мы начнем наше изучение этого возраста именно с обзора основных и главнейших теорий, предложенных в науке, потому что основу педологического изучения, как мы видели выше, составляет попытка понять и объяснить весь возрастной симптомокомплекс, как единое, связанное внутри себя целое, как своеобразную ступень в развитии детского организма, и представить структуру этого возраста.

Мы и попытаемся сейчас критически рассмотреть главнейшие теории переходного возраста, рассмотреть, как меняется структура его в зависимости от того, что тот или иной исследователь принимает за основное, что ставит в центр и что рассматривает как производное. Перед нами пройдет целый ряд важнейших фактов и черт, отличающих этот возраст и выдвигаемых исследователями в его структурный центр. Это должно помочь нам наметить в самых общих чертах наше понимание этого возраста, от которого мы будем отталкиваться при изучении его, и которое мы постараемся оправдать всем последующим изложением.

Мы начнем наш обзор с группы биологических естественно-научных теорий этого возраста, которые объединяются одной общей чертой, именно тем, что основу этого возраста они видят в биологических изменениях, происходящих в эту пору, в самом факте полового созревания, и из этого факта пытаются построить так или иначе весь симптомокомплекс, всю структуру этой эпохи.

Самой старой из этих теорий является теория Стенли Холла, который исходит из биогенетического закона при объяснении развития ребенка и подростка (1904).

Этот закон сформулированный Мюллером и Геккелем для эмбриологии, основан на целом ряде фактических наблюдений, которые привели этих авторов к выводу, что онтогенез, или эмбриональное развитие индивида, воспроизводит в сокращенном и сжатом виде филогенез, т. е. развитие всего вида. Этот закон, который как уже сказано, частично опирается на фактическое наблюдение в области эмбриологии, был затем перенесен и на внеутробное развитие ребенка.

Согласно этому закону, ребенок повторяет в сжатом и сокращенном виде важнейшие этапы в развитии рода, и процесс детского развития с этой точки зрения является просто рекапитуляцией или автоматическим возвращением отдельных глав, уже оставленных человечеством позади себя. Основываясь на этом законе, Стенли Холл полагает, что ребенок воспроизводит инстинкты, а подросток в эпоху созревания — чувства в развитии человечества.

„Если в душевной жизни ребенка, говорит этот автор, мы отмечаем наследственное влияние первобытных предков, до примитив-

ных организмов включительно, то теперь влияют главным образом более близкие к нам культурные генерации. Так же, как при рождении природы наследует ребенка основными психо-физическими способностями, дифференцирующимися и совершенствующимися при дальнейшем развитии, так и теперь новые вклады являются родовыми, и разветвляющимися из них побочные психические свойства постепенно дифференцируются из тех чувств, инстинктов, импульсов, склонностей, задатки которых являются продуктами этого второго наследства.

Таким образом, говорит этот автор, в некотором отношении ранний юношеский возраст является для высшей природы человека как бы детством.

Таким образом, с точки зрения этого автора, все особенности переходного возраста заключены в наследственных влияниях. Переходный возраст — это как бы второе детство для высшей природы человека, которое в основном протекает по тому же самому закону, что и первое детство, и (прибавим от себя) что и утробное развитие, то есть по закону рекапитуляции пережитых уже человечеством и оставленных позади эпох.

Таким образом, наследственные влияния — вот что лежит в основе этого возраста, согласно данной теории.

Стенли Холл при этом не закрывает глаза на критический характер этой эпохи. Он учитывает ту серьезнейшую перестройку организма и личности, которая происходит в эту эпоху. Он учитывает тот факт, что в этом возрасте появляются не существовавшие раньше характерные свойства и дарования, а из старых импульсов и инстинктов некоторые значительно увеличиваются и развиваются в то время, как другие занимают подчиненное положение, так что устанавливаются новые отношения и новый центр для личного я.

Но и все эти критические перемены так же подчинены автоматически действующим наследственным влияниям. Детство, кончившееся примерно к 12 годам, по его предположению, представляет древнюю и относительно совершенную ступень зрелости, достигнутую человечеством когда-то. Эта достигнутая ступень является законченным периодом развития человека, поднявшегося до антропидных.

В переходную эпоху эта достигнутая ступень разрушается, дитя изгоняется из своего рая и вступает на долгий путь прогресса. Оно должно завоевать для себя более высокое человеческое царство, ворваться в новый круг деятельности и развить более современную историю своей психо-физической природы.

Этот же самый биогенетический закон применяется другими авторами к объяснению переходного возраста в несколько других формах. Так, Штерн указывает на проводимую часто параллель между эпохой полового созрания и средневековым рыцарством.

Циллер выдвинул свой культурно-генетический закон, утверждая, что человек пробегает сначала ступень, представленную в сказке, затем эпоху Робинзона, патриархов, судей, царей и правя-

ских, жизни Иисуса, апостолов; окончание развития он видит в эпохе реформации. В этих формах, которые принимают вырождающийся биогенетический закон, мы видим, как он превращается в чудовищно натянутые, пустые, совершенно произвольные и по существу глубоко не верные сравнения и образы, которые остаются совершенно вне поля научного исследования.

Однако, это не случайно. Сам биогенетический закон все больше и больше отходит в историческое прошлое нашей науки, все менее и менее сопротивляется уничтожающей критике фактов и теорий. В самом деле, уже самый факт приложения этого закона к эпохе полового созревания заключает в себе внутреннее серьезное противоречие, состоящее в том, что сам по себе срок полового созревания совершенно опрокидывает всю теорию рекапитуляции, на которой держится биогенетический закон в его классической форме.

В самом деле, стоит только сравнить появление инстинкта сосания и инстинкта полового в онто и филогенезе, для того, чтобы сразу заметить, что порядок их появления в одном и другом процессе развития является противоположным. Инстинкт сосания появляется в развитии вида очень поздно, только с появлением млекопитающих животных; у ребенка он созревает раньше всех остальных и начинает функционировать уже в ближайшие часы после рождения.

Наоборот инстинкт половой, инстинкт размножения, является одним из самых древних в животном мире, а в онтогенезе он появляется сравнительно поздно, когда период детства уже в сущности является законченным.

На этом примере легко видеть как мало фактических оправданий находит биогенетический закон. Но он допускает еще одну капитальную теоретическую ошибку, на которую нельзя не указать в связи с ним. Именно, этот закон не учитывает всей огромной разницы между той средой, в которой происходило развитие рода, и средой, в которой происходит развитие индивида, и проводит знак равенства между одним и другим процессом, забывая, что сам по себе процесс развития возможен только и осуществляется не иначе, как во взаимодействии с окружающей средой.)

В области практической, в области педагогики это приводит сторонников биогенетического закона к учению о нейтральном внеклассовом и внесоциальном детстве и юности. Поскольку основные законы юности и детства опираются на наследственные влияния, постольку различия в социальной среде, в которой происходит реальное развитие и формирование юности, не учитываются вовсе, отбрасывается как незначительная величина, и в результате получается своеобразное учение о переходном возрасте, которое глубоко противоречит основной его биологической функции.

В то время как в реальном процессе развития этот возраст является переходным к новой эпохе, подготовкой к будущей жизни, вообще — возрастом, обращенным вперед, биогенетический закон рас-

считывает его исключительно, как возраст опирающийся на процесс человеческого.

Наконец, самым важным из всех недостатков этой теории является своеобразный вывод, который она делает в отношении воспитания. Здесь Стенли Холл приходит к требованию не вмешательства в естественное развитие наследственных влияний. „Родители и учитель, говорит он, должны понять, что мать—природа опять пала свое дитя на колени и должны всемого уступить, чтобы не тормозить ее более совершенное воспитание. Как детство, так и эти годы должны быть посвящены наследственным влияниям, и чтобы рискнуть вмешаться в его процессы нужно иметь значительный мотив, оправдывающий такое поведение“.

Мы видим, таким образом, что теория, сводящая все к наследственным влияниям, с естественной необходимостью приводит нас к требованию педагогического невмешательства в процесс развития.

Было бы, однако, ошибкой думать, что биогенетический закон, несостоятельность которого в его приложении к внеутробному детству с фактической, с теоретической, с практической стороны не вызывает сейчас почти ни у кого сомнений, вовсе лишен всякого научного значения. При всем справедливом отрицательном отношении, которое установилось в современной научной литературе по отношению к положению Холла или Пригля, который сближает переходный возраст с феодальным периодом культурной истории и видит в отрочестве рекапитуляцию рыцарства, при всей, следовательно, необходимости отвергнуть эту теорию, как теорию, которая сколько-нибудь правильно освещает структуру переходного возраста, мы не должны забывать и того, что мы найдем и в эпоху полового созревания некоторые формальные соответствия, как и на всем протяжении онтогенетического развития, между отдельными моментами в развитии рода и в развитии индивида.

Так например, изучая развитие любви в переходном возрасте, мы должны будем отметить, что здесь мы найдем формальное соответствие между первым появлением любви в истории развития человека и в истории развития ребенка.

Половая любовь является продуктом относительно позднего исторического развития. „До начала средних веков, говорит Энгельс, не может быть и речи об индивидуальной половой любви. Само собой понятно, что красота, близкие отношения, одинаковые склонности, и т. д. пробуждали у людей различного пола стремления к половому общению, что как для мужчины, так и для женщины не было совершенно безразлично, с кем они вступали в эту самую интимную связь, но от этого до половой любви нашего времени еще бесконечно далеко. Наша половая любовь существенно отличается от соответственного полового влечения, от эроса древних“.

Таким образом, и любовь у подростков не является чем то автоматически возникающим подобно половому инстинкту, чем то покоящимся на наследственных влияниях. У подростка то же чувство борется и развивается в очень сложном процессе взаимодей-

ствия внешних и внутренних моментов в психологии любви, и кто проследит все ступени его формирования, тот несомненно найдет и верные аналогии с соответствующим моментом в истории развития того же чувства у человечества.

Но два момента при этом сохраняют свое решающее значение. Во-первых, эти аналогии ограничиваются чисто формальным соответствием. По существу оба процесса направляются совсем другими причинами, и один не является простым повторением уже пережитого момента в истории человечества. Наоборот, сами они, при всем сходстве, обнаруживают и глубокое различие, обусловленное своеобразием социальной среды, в которой они протекают.

Второй момент заключается в том, что эти совпадения являются не главными, но подчиненными, вкрапленными в общую картину развития, которая в основе своей определяется не законом биогенетического параллелизма, а законом социально-генетического формирования личности.

Чтобы покончить с биогенетическим законом в применении его к теории переходного возраста, мы укажем на то, что даже эта небольшая частичная верность этого закона идет в убывающем порядке по мере роста и развития ребенка. Наибольшую верность, да и то не полную, он имеет в приложении к утробному развитию ребенка, значительно теряет при переходе к внеутробному развитию, и здесь с каждой новой эпохой в развитии ребенка становится все менее и менее верным. Так что мы возьмем на себя смелость утверждать, что в переходном возрасте его фактическое значение становится минимальным. Для этого есть два очень веских соображения.

Одно из них выдвинул проф. А. Б. Залкинд, справедливо говоря, что если этот закон и может быть верен для внутриутробного развития ребенка, „так как стадии изменения вида измеряются колоссальными историческими периодами, десятками и сотнями тысячелетий, то стадии изменения рода могут исчисляться в лучшем случае тысячелетиями, и столетиями, а в наше динамическое время даже не столетиями, а десятилетиями, под час годами (период войн, революций).

Десятки тысячелетий при медленно изменявшейся внешней среде очень глубоко врезаются в организм и потому сжато воспроизводятся, повторяются зародышевым развитием. Тысячелетия же, а сейчас столетия и десятилетия родового развития не представляют собой такого длительного срока, не создают таких прочных свойств, которые закрепились бы для автоматического их повторения“.

Таким образом, первая причина убывающего значения биогенетического закона заключается в том, что чем дальше мы идем по пути развития ребенка, тем меньшее значение в общем процессе его развития могут иметь наследственные влияния. Другое соображение заключается во все возрастающем значении и изменении социальной среды, которое нарастает пропорционально возрасту ребенка.

Следующая группа биологических теорий кладет в основу этого возраста также факт полового созревания. Однако, все эти теории

объединяет отказ от того параллелизма, который составлял основу теории Э. Гейла Холла. Каждую из этих теорий отличает то своеобразное отношение между фактами полового созревания и психологической надстройкой над ними, та своеобразная структура, которую выдвигает каждый из этих авторов.

Карл Гроос (1912), которому принадлежит наиболее полный и обстоятельно разработанная биологическая теория этого возраста, видит особенности его в том, что на первое место в эту эпоху выдвигаются инстинкты, связанные с половой жизнью. В центре становятся унаследованные предрасположения, относящиеся к сохранению рода, но основной инстинкт, составляющий биологическую основу всего созревания, прикрывается и умеряется другими влечениями, которые переживаются более сознательно.

Для Грооса, таким образом, переходный возраст также оказывается в основе своей, в структуре своей определенным наследственными влияниями. В этом отношении он считает, что подросток отличается от ребенка старшего возраста, так как у этого последнего преобладают привычка и воля, а не инстинкты, и так как наследственные предрасположения переработаны и дополнены у него воспитанием.

Гроос различает четыре таких „прикрывающих инстинкта“, из взаимодействия которых с половым инстинктом создается своеобразная картина переходного возраста.

Это, во-первых, влечение к сближению, связанное с мечтательностью. Во-вторых противоположное этому влечению влечение к замкнутости, характеризующееся пренебрежительным отношением к другому полу, бегством в одиночество, усилением деятельности фантазии и грезами, в которых страсти находят себе разряд и катарсис, перенесением мощных влечений, отступающих от действительности область идеала.

Третье влечение—к самоутверждению, имеющее сексуальные и социальные корни, и выражающееся в области телесного самоутверждения в подчеркивании телесных достоинств, силы, храбрости, красоты и в потребности в украшениях, в следовании за модой, кокетстве, а в области духовного самоутверждения— в стремлении к знанию, в потребности в дружбе, в искусстве.

Наконец, четвертое влечение,— к борьбе, направленной против доцерников, связанное и сдерживаемое только социальными тенденциями, духом товарищества, уважением к закону и т. д., отсюда стремление к радикализму, к оппозиции, к духовной борьбе. Оба эти последние влечения к самоутверждению и к борьбе находят свое идеальное осуществление в фантазии, так же, как любовное стремление.

Гроос пытается, таким образом, вывести все своеобразие периода полового созревания из врожденных влечений, представляющих своеобразную структуру, для которой существенным является то, что в ее основе лежит инстинкт сохранения рода, который покрывают четыре других влечения, указанных выше. Благодаря этой своеобразной структуре, Гроос пытается объяснить, как возникает сек-

судьбы влечения, как оно отклоняется от непосредственных сексуальных целей и направляется в область идеального.

Теория Грооса была в свое время значительным шагом вперед по пути научного изучения особенностей переходного возраста и серьезной попыткой сведения их в некоторую систему. Однако, два основных недостатка отягчают эту систему.

Первый заключается в том, что она без всяких фактических оснований сводит к системе врожденных влечений целый ряд самых различных проявлений переходного возраста, и таким образом, создает чисто искусственную конструкцию влечений, которая строго говоря, ничего не объясняет.

Когда мы говорим об инстинкте сохранения рода, то мы имеем в виду инстинкт, выполняющий совершенно определенную биологическую функцию, но влечения к замкнутости или к мечтательности не являются такими действительными реальными биологически определенными величинами, и попытка объяснить мечтательность юношеского возраста, замкнутость и другие явления влечением к замкнутости или к мечтательности напоминает попытку Мольтера врача объяснить усыпляющее действие опия его способностью усыплять.

Такое объяснение в сущности подставляет одни слова на место других, не выражает в объяснении ничего другого, кроме того, что заключено в самой проблеме, и в сущности ничего не объясняет.

Второй, еще более важный недостаток касается уже чисто фактической стороны. Теория Грооса явно несостоятельна именно с биологической точки зрения, поскольку она выдвигает генетически совершенно ложное положение, будто переходный возраст является глубоким возвращением назад по сравнению с возрастом позднего детства. Именно с биологической точки зрения является маловероятным утверждение, что ребенок, уже далеко продвинувшийся в области привычки и воли, превращаясь в подростка, в эпоху полового созревания снова возвращается глубоко вспять к древним наследственным инстинктивным формам своего поведения.

Поэтому набросанная Гроосом картина является глубоко односторонней и несоответствующей действительности. Мы увидим ниже, разбирая другие теории, что переходный возраст вовсе не характеризуется исключительно теми „прикрывающими влечениями“ о которых говорит Гроос.

С точки зрения этой теории остается совершенно непонятным, почему переходный возраст есть возраст мощного интеллектуального подъема, впервые созревающего абстрактного мышления, созревания его высших форм, выработки мировоззрения, классового формирования, выбора профессии, возникновения жизненного плана и т. д. и т. д. Совершенно не понятно с точки зрения Грооса, как все эти явления могут быть связаны и выведены из его „прикрывающих влечений“.

Более сложные отношения между фактом полового созревания и психологической надстройкой устанавливает в своей теории пере-

каждого возраста Ш. Бюлер. На вопрос, что такое эпоха полового созревания, она отвечает, что это есть возраст, в котором появляются первичные и вторичные половые признаки. Вместе с наступлением этого созревания заканчивается детство и наступает юность.

Половое созревание идет рядом с целым рядом психологических явлений, которые стоят в осмысленной биологической связи с половым созреванием. Это психическое созревание часто предшествует физическому и длится после него. Биологический смысл этого явления заключается в том, что этот процесс представляет как бы психологическую сторону той „потребности в дополнении“, которая лежит в основе полового инстинкта.

Биологический смысл явлений, сопровождающих созревание, заключается в том, что индивид вырывается из своего покоя и испытывает „влечение к дополнению“. Эти явления создают у индивидуума потребность в дополнении, делают его беспокойным в его одиночестве, и это „стремление к другому“, „стремление к дополнению“ составляет биологический смысл созревания.

Таким образом, согласно этой теории, созревание протекает как бы в двух планах, из которых один соответствует другому, и которые оба связаны единым биологическим смыслом.

Однако, эти вторичные явления созревания не составляют простой параллели или простого зеркального отражения, но в свою очередь могут существенно изменить всю картину созревания.

Ш. Бюлер вводит в высшей степени важное различие двух основных форм созревания: исходную или примитивную форму, при которой господствует непосредственная связь между каждым отдельным психологическим явлением и половым созреванием. Каждое из этих явлений служит прямо и непосредственно созревающему стремлению и может рассматриваться, как часть его или надстройка над этим инстинктом.

Но над этой примитивной формой возвышаются сложные формы культурного созревания. И это культурное созревание не порывает своей связи с природой, и здесь возвращаются природные сексуальные инстинкты, но здесь их появление оказывается более сложным, преобразованным, обогащенным другими явлениями психологического созревания, которые основываются на других задатках культурного человека.

Поэтому, говорит этот автор, было бы ложно, если бы кто-нибудь пытался, как это часто делают, поставить все явления созревания культурного человека в прямую каузальную связь с явлениями полового созревания. Социальное включение, выбор профессии и другие моменты являются, таким образом, не связанными непосредственно с явлениями полового созревания. Но основой все же остается „потребность в дополнении“, из которой вытекают основные черты структуры этого возраста. Та же по существу потребность определяет душевное созревание: именно тоска и стремление, искание, которое дает всем функциям направленность на бу-

души. „Итак, мы можем определять душевное созревание, как потребность в дополнении“, говорит Ш. Бюлер.

„Биологический смысл ее ясен, природа вырывает ребенка из его прежней жизни, из удовлетворения его прежней средой, чтобы он стремился к новому, дальнейшему и искал встречи“

Теория Ш. Бюлер представляет важный шаг вперед, поскольку она пытается отрицать примитивную, прямую связь всех изменений переходного периода с половым созреванием, и поскольку она пытается найти более сложную связь, в частности указывает на обратное влияние культурного созревания на изменение форм полового созревания.

Однако два недостатка еще полностью сохраняются в этой теории. Это, во-первых, отличающий ее телеологизм, представление биологической целесообразности, из которого она исходит, о предустановленной биологической гармонии, существующей между половым созреванием и всеми остальными проявлениями этого возраста.

Поэтому и Ш. Бюлер все же остается во власти чисто и узко биологического понимания проблемы переходного возраста, поскольку даже и в культурной форме созревания она склонна видеть все же конце концов некоторую надстройку над половым созреванием.

Второй ошибкой Бюлер является одностороннее выдвижение центр всего возраста потребности в дополнении. Трудно понять, что автор имеет в виду под этой специально сконструированной потребностью: врожденный инстинкт, общую установку просто на роение.

В первом случае эта теория возвращает нас к теории I ро следовательно тем самым к „усыпительной способности“ опия Во втором случае она представляет просто другими словами сформированную проблему и сама нуждается в объяснении.

Шпрангер остроумно замечает по поводу этой теории, что во многих пунктах и даже в основном принципиальном своем моменте она верна только по отношению к девочкам. Это замечание вскрывает, что в сущности в основе этой теории лежит частная особенность психологии девочки определенной социальной группы, возведенная в объяснительный принцип.

Еще более сложную форму отношений между половым созреванием и психологическими явлениями в ту же эпоху выдвигает психоаналитическая теория Фрейда. Психо-анализ представляет собой сложное психологическое учение о роли бессознательного в психической жизни человека и о методе его исследования. В основе всего поведения, согласно этому учению, лежит половой инстинкт, который является динамической основой, первым двигателем всего развития человека.

Эту теорию в применении к переходному возрасту, правда, в критической форме, развивает Бернфельд.

Три основных положения характерны для этой теории. Мы приведем их для того, чтобы сама эта теория сделалась понятной. Первое заключается в утверждении, что половой инстинкт и

система связанных с ним влечений начинает проявляться у ребенка задолго до полового созревания, с самых первых дней его жизни. Нет ничего более неверного, с точки зрения этой теории, чем учение о энеподем детстве.

На самом деле эротические влечения свойственны ребенку с первых дней его жизни, но они проявляются совершенно в иных формах, чем у взрослого. С этой точки зрения, психоаналитики отрицают за периодом полового созревания его исключительное значение в смысле появления чего-то абсолютно нового. С их точки зрения, правильно было бы говорить, что в эпоху полового созревания сексуальный инстинкт не появляется впервые на сцену, а только испытывает метаморфоз, проявляется в новой форме.

Таким образом, сексуальное влечение испытывает целый ряд превращений, которые мы должны проследить.

Второе положение заключается в том, что в эпоху полового созревания происходит новое оживление и превращение сексуального влечения после предшествующего его латентного состояния на второй ступени его развития. Теперь сексуальное влечение проявляется в форме нарцизма, т. е. эротического влечения, направленного на самого себя, и в других сложных образованиях возникающих на той же основе. Таким образом, психоаналитики привлекают внимание исследователя к специфическим формам полового инстинкта, проявляющимся в эту пору.

И, наконец, третье положение заключается в учении о сублимации. Сублимацией называют в психоанализе превращение сексуального влечения, отклоненного от его непосредственных целей, в сложные формы творческой, культурной и социальной деятельности. Одной из наиболее прямых форм сублимации является юношеская влюбленность и любовь, более отдаленными являются другие формы поведения. Из явлений сублимации эта теория и хочет вывести, в основном, все особенности переходного возраста.

Мы оставляем до дальнейших глав рассмотрение всех этих трех положений. Там мы постараемся критически оценить то фактически верное, что содержится во всех этих трех пунктах, и то, что с научной точки зрения должно быть отброшено. Здесь мы хотели бы только в самых общих чертах указать на то, что и эта теория не избегает общего недостатка биологических теорий, их односторонности, и пытается прямым путем вывести все психологические явления переходного возраста из особенностей полового созревания.

Правда, для этого вводится в теорию понятие сублимации т. е. устанавливается более сложное отношение между биологическими основами и их психологическими проявлениями. Но тем не менее в основе сам факт сублимации не может объяснить нам, почему именно в переходном возрасте эта сублимация принимает такие формы, почему это есть возраст вставания в культуру, овладения социальным опытом, развития высших форм мышления и т. д. Ведь сексуальные влечения, согласно этой теории, а значит и сублимация, существовали все время, почему же именно сейчас данные формы

сексуального влечения соответствуют разным формам сублимации.

И наконец, что гораздо более важно, остается совершенно непонятным, почему сублимация, лежащая в основе этого процесса, создает на всякой возрастной ступени своеобразную структуру и отношение между биологическими и психологическими моментами.

Наконец, общим недостатком этого учения, делющим его мало-состоятельным именно с биологической точки зрения, является его пансексуализм, т. е. сведение всей решительно психической жизни человека к различным формам превращения сексуального влечения. В частности эта крайняя односторонность болезненно отражается на теории переходного возраста, потому что именно в этом возрасте нужно учесть специфическую роль сексуального влечения, а этого-то психоаналитическая теория и не может сделать.

Мы переходим теперь к другой группе теорий переходного возраста, прямо противоположной этой первой.

Если эту первую группу характеризовало то, что в основу их выдвигались биологические факты полового созревания, а все психологическое развитие в переходном возрасте рассматривалось, как некоторая более или менее сложная надстройка над этим основным фактом, в новой группе теорий это положение резко меняется на обратное.

Эти теории все ориентированы в культурно-психологическом направлении. Они берут за основу, за исходную точку важнейшие психологические изменения, происходящие в этом возрасте, вырывают их из общей совокупности явлений, приписывают им как бы самостоятельное бытие и, таким образом, закрывают себе дорогу, во-первых, к естественно-научному к материалистическому объяснению изменений, происходящих в переходном возрасте, а во-вторых, дают крайне одностороннюю, чисто-психологическую структуру, не умея ее поставить в связь с фактом полового созревания, стоящим в центре этой эпохи.

Центральным представителем этого учения является Шпрангер, сторонник так называемой „психологии как науки о духе“. Шпрангер пытается понять структуру личности подростка психологию переходного периода и отказывается рассматривать признаки этой структуры в качестве симптомов развития. Юношеский возраст для него не просто известная фаза в развитии, лежащая между детством и зрелостью, но это возраст, стоящий между первичной, неразвитой духовной структурой ребенка и точной, определившейся структурой взрослого человека. Самое психологическое развитие понимает Шпрангер, как вращание индивида в объективный и нормативный „дух его времени“.

Три основных признака характеризуют этот возраст по Шпрангеру. Первое это — открытие своего „я“, которое происходит в пору отрочества, второе это — постепенное возникновение жизненного плана и, наконец, третье — вращание в отдельные жизненные области и сферы культуры.

Благодаря своей основной установке, Шпрангер обрекает себе всякую дорогу к тому, чтобы найти связь этих событий с определенным переходным возрастом, с половым созреванием и другими физическими изменениями происходящими в этом возрасте. Он добивается только высвещения „рольмасская целостности, смысла“.

В мире его отношений царствует телеология, но не причинность, а так как в области органического развития господствует на деле закон причинности, то ему приходится утверждать, что телесные явления, как напр., функция половых желез, не имеют никакого отношения к психологическому развитию подростка. По его мнению, в эти годы и приблизительно одновременно с телесными изменениями вступают сексуальные переживания в сознание. Эти совершенно новые и очень усиленные переживания производят совершенный переворот в душевной жизни.

Для Шпрангера, таким образом, душевное изменение происходит просто приблизительно одновременно с телесными но он не уместит поставить в связь одно с другим. Учение Шпрангера является крайним выражением той идеалистической и дуалистической психологии, которая развилась за последние десятилетия и которая считает, что психология вообще не может развиваться как естественная наука, что она не должна устанавливать причинные связи, что она вообще не должна рассматривать психические явления в связи с телесными, которые их вызывают и производят, а должна стремиться исключительно к постижению своеобразия психических явлений и их понимания.

„Становится ли — спрашивает Шпрангер, сколько-нибудь яснее психологически огромное душевное изменение, наступающее при переходе от ребенка к подростку, благодаря тому, что определенные железы развивают в это время усиленную деятельность? Это объяснение дает столь же мало, как утверждение, что Сократ сидел в темнице, потому что мускулы его ног двигались и привели его туда“. Со всей справедливостью К. Бюлер вскрывает ненаучность подобной точки зрения, закрывающей сознательно глаза на очевиднейшие реальные связи и зависимости этого возраста. „Что показало бы исследование психологических процессов в эпоху созревания у кастрированных в раннем детстве мальчиков или у детей с значительной отсталостью и задержкой телесного полового созревания“, — спрашивает К. Бюлер по этому поводу. Стоит вспомнить огромную разницу в темпераменте и характере вола и быка, что увидеть, как велика эта разница должна оказаться у человека. Не разве на вопрос о причине этого различия в психологическом развитии можно ответить иначе, чем указанием на созревание половых желез в одном случае и отсутствие этого процесса в другом? Идеалистическая психология сама закрывает для себя двери к научному объяснению переходного возраста.

Близко к теории Шпрангера подходит теория В. Штерна, который полагает, что эпоха полового созревания есть эпоха, когда в личности подростка происходит размежевание субъективных

объективных ценностей. Сходную теорию развивает и Эрнст Штерн. Мы не станем останавливаться на этой, как и на других теориях. Укажем только что такое положение вещей, когда, с одной стороны, мы имеем односторонне биологические, а с другой стороны односторонне психологические теории переходного возраста, объясняется тем кризисом в педологии, который сейчас переживает эта наука.

На эту роковую односторонность всех теорий указывали неоднократно, в частности это сделал Тумлирц. Однако, и он в своей теории пытается связать персоналистическую точку зрения Штерна с учением Шпрайгера, потому что так и не сумел дать той синтетической теории, о которой сам говорил.

Также и Иенш, исследования которого имеют очень большое значение для установления новых фактических данных о переходном возрасте, ближе подходит к Шпрайгеру, но обнаруживает все же тенденцию подняться над его односторонностью.

К числу подобных теорий, стремящихся подняться над грубой односторонностью большинства теорий переходного возраста и приблизиться к синтетическому охвату возраста, принадлежит и широко известная теория Циэна, который утверждает что все изменения, наблюдаемые в переходном возрасте, ни в каком случае не обусловлены только процессом телесного полового созревания. Своеобразное сочетание трех основных моментов лежит в основе всей картины этого возраста: анатомическое развитие центральной нервной системы, созревание половых желез и обычно совпадающее с этим возрастом изменение условий среды и жизни. „Эти три момента находятся, конечно, в многообразных взаимоотношениях друг с другом“, говорит Циэн. Но именно структуры этих взаимоотношений Циэн не вскрывает и не может вскрыть, так как заменяет диалектическую структуру возраста простой механической суммой отдельных моментов, не достигая их синтеза.

Но большинство таких синтетических теорий, как например, теория Бона, не поднимаются сколько-нибудь над уровнем эклектического объединения различных сторон, указанных в отдельных теориях. „Человек в эпоху созревания должен быть всесторонне развит, говорит, например, этот автор, в отношении духовном, социальном и религиозном, в отношении чувств и воли. В эту душевную зрелость включено и телесное половое созревание, как если бы природа хотела поставить вопрос и сама на него ответить: „кто достоин нести дальше факел жизни, который он получил из рук своих родителей? Только тот, кто созрел в отношении духовном, нравственном и религиозном“

Совершенно правильно Тумлирц говорит по поводу замечания этого автора, что „третья неделя лет имеет своей задачей в человеческой жизни всестороннее развитие человека“. „Что даст эта теория, которая говорит только о том, что должно быть и переходит в религиозный гимн? Что она объясняет своим утверждением, что смысл созревания — всестороннее созревание подростка. Мы

думаем, что теория должна нам объяснить, почему данное явление такое, а не иное, но не как должно возникнуть нечто из данного*.

Этот автор (Тумарци) в двух своих разных работах приходит к двум различным выводам. В одной он защищает необходимость создания синтетической теории этого возраста в противовес односторонним и дуалистическим теориям других авторов. В другой он утверждает, что сейчас не время заниматься широкими теориями, а время собирать точный фактический экспериментальный материал в области психологии переходного возраста. Во втором он несомненно прав. Но в первом, конечно, нет. Необходимо разделиться с теми пережитками довулканного мышления вроде телесологии, параллелизма, идеализма, которые заключаются в старых теориях переходного возраста, и которые могут с самого начала дать неверное направление новым исследованиям.

С другой стороны, необходимо выработать хотя бы схематически, хотя бы предварительное теоретическое представление о переходном возрасте для того, чтобы сами исследования могли быть направлены с самого начала представлением о целом, о возрасте, как об известном единстве для того, чтобы все отдельные фактические данные, уже накопленные, могли быть сведены в известную систему и в известное единство.

Мы попытаемся в следующем задании набросать схематически то теоретическое понимание переходного возраста, из которого мы будем исходить в дальнейшем.

Необязательная литература для углубленной проработки вопроса.

1. Смирнов. Психология юношеского возраста, ч. I. Изд. „Молодая Гвардия“, 1929 г. Москва—Ленинград. Ц. 2 р. 90 к.
2. Стенли Холл. Инстинкты и чувства в юношеском возрасте. С. Пб. 1913.

* Темы для контрольных работ к заданиям №№ 3 и 4.

Ответьте в письменной форме на следующие вопросы и мотивируйте ваши ответы:

- 1) Перечислите кратко важнейшие периоды в развитии ребенка, укажите их границы и главные отличительные признаки.
- 2) Перечислите и разъясните главные биологические теории переходного возраста и укажите слабые и сильные стороны каждой из них.
- 3) Перечислите и разъясните главные психологические теории переходного возраста и укажите слабые и сильные стороны каждой из них.
- 4) Укажите, что в теории биологического параллелизма отличает классовые задачи буржуазного воспитания.
- 5) На что указывает сравнительное изучение длительности утробного и внеутробного детства различных животных и человека?

44
77

Задание № 5.

Г Л А В А V

ОБЩИЙ ОЧЕРК ПЕРЕХОДНОГО ВОЗРАСТА. АНАТОМО-ФИЗИОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПОДРОСТКА.

Содержание задания.

Несовпадение полового, общеорганического и социально-культурного созревания, как основа своеобразия и особенностей переходного возраста. — Анатомо-физиологические особенности переходного возраста. — Критический характер переходного возраста. Интенсивное усиление процессов роста. — Пропорции тела в переходном возрасте. Рост костной, мускульной, кровеносной и нервной систем в этот период. — Общая характеристика физического развития подростка. Изменение моторики в переходном возрасте. — Утомление подростка и режим дня. — Педологические основы физического воспитания в период полового созревания.

План проработки задания.

1. Составьте план и конспект настоящего задания, включив в него и дополнительную литературу если вы сумеете ее проработать.

2. Сравните данные о физическом развитии (рост, вес, важнейшие антропометрические показатели) подростков вашей школы с соответствующими данными, приведенными в тексте задания, и определите насколько физическое развитие ваших подростков отклоняется в ту или другую сторону по сравнению с данными массовых исследований.

3. Сравните пропорции тела (по данным вашей школы и какого либо учреждения для детей раннего возраста) подростка и ребенка раннего возраста и определите, в чем заключаются важнейшие изменения, происходящие в строении тела на всем протяжении этого возрастного пути.

4. Составьте бюджет времени нескольких подростков и сопоставьте его с данными, приведенными в настоящем очерке.

Общий очерк переходного возраста.

Самая основная из всех особенностей переходного возраста состоит в несовпадении трех точек созревания: половое созревание начинается и завершается раньше, чем наступает окончание общеорганического развития подростка, и раньше чем подросток достигает окончательной ступени своего социально-культурного формирования. Подросток, созревший в половом отношении настолько, что всякая разница между взрослым организмом и юношеским с этой стороны совершенно уничтожается, является еще в это время существом, которое далеко не приблизилось еще к завершению двух других процессов развития: общеорганического и социального. Подросток достигает трех завершительных точек, трех вершин своего развития в разное время.

Самое коренное и глубокое своеобразие переходного возраста заключается именно в этом факте — проще говоря, в том, что организм подростка продолжает расти и развиваться, как и его социальная личность, после того, что половая зрелость является уже достигнутым этапом. Это, повторяем, факт, установленный незыблемо и прочно. Но как только мы переходим к дальнейшему — к попыткам объяснить этот факт, раскрыть его происхождение и к попыткам свести к этому факту, как к основе, все нити объяснений симптомокомплекса переходного возраста, — так сейчас мы вступаем в область более или менее смелых, надежных, вероятных предположений и догадок. Эти догадки не имели бы решительно никакой научной ценности, если бы на них не основывались рабочие гипотезы, без которых невозможно продвижение в области исследования новых полей науки, и которые на известных стадиях развития научного знания заменяют недостающую научную теорию.

Мы видели уже, что научная теория переходного возраста еще не создана. Она дело будущего. Поэтому в этой области мы имеем ряд гипотез, которые надо проверять фактами, другими гипотезами, попытками применения их к объяснению тех или иных явлений. Наша попытка положить в основу объяснения особенностей переходного возраста факт несовпадения трех точек, трех вершин созревания является также не больше, чем исследовательской рабочей гипотезой, которую мы решаемся предпослать дальнейшему курсу педологии подростка лишь потому, что в наших глазах она наиболее полно и с наименьшими натяжками и насильем над фактами сводит к единству все огромное и сложное многообразие явлений переходного возраста и дает им предположительное объяснение.

Впрочем, мы должны будем ограничиться лишь схематическим суммарным очерком этой гипотезы. Мы постараемся самым кратким образом зачертить скелет ее — с тем, чтобы затем в течение всего курса возвращаться к ней и заполнять схему конкретным содержанием, облекать скелет в плоть и кровь фактов. Вместе с тем избираемый нами путь будет одновременно и путем проверки нашей гипотезы, опытом ее приложения к большому материалу. В той стадии, в которой находится сейчас педология переходного возраста

подобное внесение исследовательских рабочих гипотез в систематическое изложение учения о подростке представляется нам совершенно неизбежным.

Мы полагаем, что есть все биологические основания допустить, что в процессе эволюции вместе с удлинением срока детского развития у высших животных и отсрочкой момента завершения общеорганического созревания и окончания детства совершалось и отодвигание момента полового созревания, что между двумя этими моментами — окончания детства и полового созревания — существует прямая связь. Нам думается, что эта связь обусловлена прямой биологической необходимостью.

Несозревшее, незакончившее собственного своего формирования животное еще не вооружено достаточно для того, чтобы самостоятельно участвовать в борьбе за существование. Пору детства — пору зависимости от родителей. Основные потребности в эту эпоху потребности собственного развития. Для этого существа, еще не окрепшего и не вступившего в самостоятельную фазу своего существования, было бы просто невозможно производить потомство, обеспечить его существование, охранять и питать детенышей. И с органической стороны вынашивание детенышей, роды и кормление их, и со стороны борьбы за жизнь добывание пищи, защита потомства одинаково биологически несовместимы с детством, незаконченным собственным развитием.

Вспомним, что именно это обстоятельство выдвигал в свое время Торндайк, как основное возражение против теории рекапитуляции Стенди Холла, т. е. против утверждения о параллелизме между филогенезом и онтогенезом. Какой же параллелизм, аргументировал Торндайк, когда инстинкт сосания, столь повсюду возникающий в истории рода (только у млекопитающих), в онтогенезе появляется первым, а инстинкт размножения, едва ли не первичный в филогенезе, в истории развития ребенка появляется последним. В этой перетасовке „природного“ порядка появления инстинктов этот автор полным основанием усматривал действие того же механизма отбора полезных вариаций, который лежит в основе всей эволюции. Итак, с биологической необходимостью момент полового созревания отодвигается к концу детства к завершительному пункту собственного органического созревания.

Мы склонны поэтому допустить, что у животных, как правило, оба эти момента — окончания общеорганического развития и полового созревания — совпадают. В пользу этого, помимо приведенных выше, говорят еще многие соображения.

Главное мы усматриваем в том, что из всех млекопитающих животных один только человек переживает в процессе своего развития две волны усиленного роста: сейчас после рождения на первом году жизни и в эпоху полового созревания. Все млекопитающие знают только первую волну; даже человекоподобные обезьяны, по указанию Фриденталя, не обнаруживают этой вторичной волны интенсивного роста в эпоху полового созревания.

У животных, в том числе и у ближайших наших родственников по эволюционному дереву — человекоподобных обезьян, период полового созревания характеризуется завершением процесса роста, а не его подъемом. Кривая роста постепенно опускается вниз и замирает у порога половой зрелости. Процесс общеорганизмического созревания совпадает с процессом полового созревания.

Итак, мы видим, что прямые наблюдения над животными и исследования этого процесса подтверждают, согласно многим указаниям, тот факт, что у животных период полового созревания завершает весь процесс развития в целом, как и следовало ожидать на основании приведенных нами биологических данных.

У животных, таким образом, период полового созревания имеет совершенно иной характер, чем у человека. У них этот период не является ни в какой мере и ни в каком отношении критическим, переходным, переломным. Того несовпадения вершины полового и общеорганизмического созревания, которое отличает этот период у человека, у них нет и в помине. У животных этот период завершающий, приводящий к концу, плавно опускающий все кривые процессов развития. Здесь биологически нельзя и говорить о кризисе.

Мы решаемся заключить отсюда, что несовпадение трех точек созревания возникло у человека в силу удлинения периода его развития, растягивания его детства, вынесения линии развития за черту полового созревания. Мы еще слишком мало знаем из биологии детства для того, чтобы строить какие-либо предположения о том, когда и как это произошло. Но одно представляется в свете наших знаний о длительности детства несомненным уже сейчас: усложнение человеческого организма и форм его приспособления, усложнение окружающей человека среды — вот два основных момента, которые должны были вызвать удлинение человеческого детства, вынесение его за черту полового созревания. Вспомним, что у животных длительность детства является функцией от едкости организма, изменчивости среды. Вспомним далее, что биологическая функция долгого детства состоит в приспособлении наследственных задатков к изменчивым условиям среды, и мы вправе будем предположить, что удлинение человеческого детства связано с началом исторической жизни человечества.

Блонский высказал глубокую мысль, что в конце детства ребенок является антропологическим аналогом так называемых „детских рас“ — т. е. некоторых примитивных племен, не имеющих того периода развития, который начинается после периода полового созревания, и переходящих из детства прямо в стадию половой зрелости. У Туривальда мы встречаем указание на то, что эпоха полового созревания является критической для детей примитивных народов, которые в первом школьном возрасте идут по школьной успешности наравне с детьми культурных народов, но после созревания перестают часто двигаться вперед, обнаруживают „рецидив примитивности“, опускаясь до общего уровня всего племени.

Если принять во внимание далее, что самый переходный период при этом у этих рас очень сокращается, что детство вплотную прилагается к эпохе половой зрелости, станет ясно, почему период полового созревания отмечается у этих народов (а отчасти в сохранившейся традиции и у многих народов культурных), как эпоха социального созревания. Особые церемонии, обряды и ритуалы предназначены для того, чтобы отметить принятие созревшего ребенка в среду взрослых. Многие авторы, в том числе и Стенли Холл, отмечают, что смысл этих церемоний состоит в испытаниях гражданской зрелости и добродетелей, необходимых воину и гражданину, и в посвящении в традиции, обычаи и верования племени. Все эти обряды знаменуют тот факт, что момент половой зрелости совпадает для этих племен с моментом социальной зрелости. Судьба подростка после созревания всецело подтверждает это, его развитие приостанавливается, он вступает в эпоху зрелости в полном смысле этого слова.

Блонский высказывает предположение, что „юность не является вечным явлением, но составляет очень позднее с биологической точки зрения, почти на глазах истории происшедшее приобретение человечества“. Как всякое позднее приобретение, и это обнаруживает сильнейшие вариации, не являясь устойчивым и определенно воспроизводимым явлением. Поэтому длительность и характер протекания юности весьма различны у различных народов и у двух основных классов современного общества.

„Рабочему подростку, говорит Блонский, еще предстоит завоевать длительную юность, как человечеству в целом предстоит закрепить это завоевание“. Как все поздние приобретения, и это раньше других исчезает в патологических случаях. Разрушение, согласно известному закону, идет путем обратным тому, которым шло развитие. Самые поздние приобретения—самые нестойкие и гибнут первыми.

Суммируя все это, мы могли бы сказать, что у примитивного человека, стоящего на низшей ступени культурного развития, период полового созревания является не критическим, но скорее завершающимся. Правильнее было бы сказать, что несовпадение трех точек развития еще мало заметно и мало дает себя знать в этой относительно простой, примитивной среде. Социальная зрелость наступает рано. Она еще не отделилась сколько-нибудь заметно от зрелости половой. Общеорганическое развитие, сколько можно судить по тем скудным данным, которыми мы располагаем, также приостанавливается вскоре после наступления зрелости.

Существуют любопытные наблюдения, показывающие, что раннее функционирование полового аппарата даже у животных вредно отражается на развитии организма в целом. Клозе и Фогт показали, что щенята, которых держали вместе с самками, и которые поэтому рано начали половую жизнь, обнаружили ускоренную инволюцию зубной железы, что в свою очередь способствовало приостановке общих процессов развития. У человека в примитивном обществе,

как полагают многие исследователи, раннее начало половой жизни приводит к сокращению и приостановке процессов развития. Да оно и понятно: половая жизнь и деторождение требуют от организма так много, что совершаются в большей мере за счет общего развития недоразвитого еще организма.

В свете этих данных новый смысл приобретает мысль Коппа, что критичность переходного периода возрастает вместе с ростом культуры. Нам представляется это вполне закономерным и естественным.

Мысль эта означает не то, что переходный период — применяя слова Руссо — выходит из рук природы совершенным и портится в руках человека. Напротив, сторонникам идеи о совершенстве природы и целесообразности всего природного пришлось бы немало потрудиться, если бы они хотели доказать применимость телеологической точки зрения к проблеме переходного возраста человека. Можно заранее предсказать, что всякая подобная попытка заранее обречена на неудачу. Телеологическое истолкование переходного возраста кажется нам абсолютно безнадежным. Не потому только, что телеологический подход вообще характеризует донаучное мышление и стоит в непримиримом противоречии с основными предпосылками научного познания. Но и той реальной „телеологии“, которая выражается в биологической целесообразности функции или органа по отношению к выполнению основных жизненных задач организма и которая возникает в процессе длительного приспособления и отбора, как его результат, и этой биологической приспособленности нельзя открыть в переходном возрасте человека.

Мы уже говорили, что в сроках полового созревания у животных, отодвигании этого момента к концу детства есть определенный ясный биологический смысл. Но этот „смысл“ разрушен, отменен, уничтожен в половом созревании человека. Здесь явно нецелесообразно сроки полового созревания приходятся на границу детства и отрочества, на период незаконченного собственного развития организма. Если бы нужно было найти пример, наглядно показывающий, насколько целесообразность сама по себе, как таковая, чужда природе, следовало бы сослаться на переходный возраст у человека. Недаром Мечников указывает на него, как на одну из основных „дисгармоний человеческой природы“.

Но констатировать эту дисгармонию, это расхождение трех точек созревания еще недостаточно. Точно также недостаточно предположительно объяснить ее возникновение. И то и другое очень важно, даже необходимо для правильного понимания переходного возраста. Подобно тому, как при наличии биологической целесообразности какого-либо явления мы не можем пройти мимо этого факта но должны установить его со всей точностью и попытаться найти естественное объяснение его происхождения, так точно мы должны установить и объяснить факт нецелесообразности там, где он существует в действительности. Без этого мы не приблизимся к правильному биологическому воззрению на интересующий нас предмет. Но одного этого недостаточно.

Нало еще уметь вывести из этого факта его необходимые следствия, понять, что означает эта дисгармония в развитии подростка, какова ее роль, почему именно этот факт может быть положен в основу педологии переходного возраста. В этом и заключается вторая задача, о которой мы говорили в начале настоящего очерка. Но в сущности ответ на эти вопросы составляет задачу всего последующего курса и каждого очерка, входящего в его состав. В заключительной главе, посвященной рассмотрению структуры и динамики личности подростка, мы попытаемся суммировать, собрать воедино результаты всего курса и наметить предположительное решение этой основной для педологии переходного возраста проблемы. Недостатком большинства теорий переходного возраста в наших глазах является именно попытка предвосхитить наперед конечный пункт всего исследования, свести с самого начала к одной простой формуле — большей частью интеллектуалистического характера — все содержание, структуру и смысл развития в период полового созревания.

Эта формула может быть более или менее удачна, верна, остроумна и содержательна. Формула Ш. Бюлер: биологический смысл созревания заключается в „потребности дополнения“; формула Гормана: особенности переходного возраста объясняются законом психического резонанса; формула В. Штерна: годы созревания — это время размежевания личных и неличных ценностей; формула Тумларца: период созревания — период завоевания внутреннего мира, и др. — все они конечно, улавливают какое-то верное зерно, но все они одинаково исходят из той мысли, что интеллектуалистическая формула может объяснить реальный процесс развития так, как если бы он был организован или построен по искусственному плану человеком.

Мы поэтому сознательно стремимся избежать подобной ошибки и относим к концу нашего пути формулировку общих представлений о структуре и динамике личности подростка.

Но для того, чтобы подготовить возможность подобной общей формулировки и для того, чтобы сделать ясным наперед весь дальнейший путь нашего рассмотрения, мы считаем необходимым в заключение этих общих замечаний со всей ясностью поставить самый вопрос, подлежащий разрешению на всем протяжении нашего курса.

Возвращаясь к идее Коррэ, мы могли бы сказать, идя дальше этого автора, что рост культуры не только усиливает критичность переходного возраста, но что культура вообще впервые создает этот кризис. Вне культурного развития о кризисе переходного возраста вообще не приходится говорить. Это культура, это историческое развитие человечества разбивает биологическую гармонию созревания, расщепляя его на три отдельных вершины и образуя основное противоречие всего возраста.

Но это — противоречие, которое движет развитием, из которого берут повидимому начало все основные процессы развития в этот период. Мы видели, что в натуральной своей форме процесс созре-

вания означает окончание и приостановку, завершение и прекращение процесса развития. Период полового созревания у животных является переходным пунктом процессов развития. У человека он одновременно является и конечным пунктом, и отрывным пунктом процессов развития. Уже в примитивной форме созревания можно видеть это со всей ясностью.

Мысль Руссо, что период полового созревания является вторым рождением и что человек рождается дважды: один раз, чтобы существовать и другой, чтобы продолжать род, является прекрасным образным выражением того перелома, той катастрофы в развитии, которые знаменуют период созревания. Второе рождение, говорит Руссо, есть, поистине, критическая эпоха, т. е. создание новой психической и физической организации". В примитивном обществе обряды и церемонии, означающие наступление социальной зрелости в период полового созревания, реализует в материальной форме эту идею Руссо.

В примитивном обществе, как устанавливает на основе многочисленных наблюдений целый ряд исследователей Леви-Брюль ребенок до поры полового созревания не является полноценным „совершенным“ членом социальной группы. Целый ряд фактов не оспоримо показывает, что он рассматривается, как неотделившееся еще от своих родителей существо. Только по наступлении половой зрелости совершаются особые мистические церемонии посвящения, которые только и могут сделать ребенка социально-зрелым и самостоятельным существом, членом социальной группы. Анализируя все эти многообразные и различные у разных племен церемонии, Леви-Брюль приходит к выводу, что все они напоминают и означают в сущности с одной стороны обряды смерти, с другой обряды рождения.

Подростков отделяют от детей и женщин которым говорят, что они умерли. Подростка подвергают разнообразнейшим испытаниям, они долги и мучительны, иногда превращаются в подлинные пытки. Лишение сна и пищи, удары бича и палки, удары по голове, вырывание зубов и волос, порезы, укусы ядовитых насекомых, подвешивание на крюках, продетых сквозь мясо, испытание огнем — все эти обряды имеют целью не только испытать мужество подростка, сопротивление страданию, перенесение боли и другие необходимые для воина качества. Мистический смысл всех этих обрядов заключается в умерщвлении старой души и в рождении новой, в разрыве мистической связи ребенка с родителями и в установлении мистической связи с социальной группой, с племенем.

Мы видим, что в этой примитивной форме созревания, которая является переходной от натуральной формы, характерной для животных, к культурной, отличающей современного подростка, уже отделен и осознан в мистических церемониях момент социального созревания, второго рождения. Но он еще почти совпадает — во всяком случае во времена — с моментом полового созревания.

Как отмечает Туривальд, срок наступления созревания в общем является тем же у примитива подростка, что и у культурного, но приостановка психофизиологического развития с наступлением половой зрелости у примитивов может считаться установленным фактом, с которым согласны все наблюдатели. Ссылаясь на наблюдения Ховарта и свои, Туривальд отмечает возраст 15 лет, как время наибольшего расцвета умственных сил и способностей у примитивных племён. Вспомним, что и наши тесты умственного развития, как сила Бинэ, устанавливают завершение умственного развития в 16 лет. К этому вопросу мы ещё будем иметь случай вернуться. Сейчас отметим только, что и у культурного подростка половое созревание знаменует окончание одних процессов развития и начало других.

Но и приостановка умственного развития в эпоху полового созревания у примитивов, как справедливо говорит Туривальд далее, есть следствие не только чисто физиологического, но и социально-психологического фактора. Это обстоятельство перистепенной важности, проливающее свет на всю проблему и дающее необходимые предпосылки к её правильной постановке.

Расхождение трех линий развития означает не просто раз'единение во времени и хронологическое несовпадение трех точек созревания. Оно означает прежде всего распад той структуры основных процессов развития, которая сложилась в детском возрасте расщепление прежде сложившегося единства, прежней организации, прежней системы процессов развития. Оно означает далее начало возникновения и образования нового соотношения сил, новой структуры процессов развития, достижение нового равновесия вместо утерянного. (Слово истины о переходном периоде сказал Шпрангер, когда назвал революцией эпоху полового созревания. Этот период несомненно носит не эволюционный, а революционный характер.)

Мы не станем гадать сейчас, какова основная черта этого изменения, и в чём ключ к этой новой структуре. Мы отметим лишь, что весь симптомокомплекс переходного возраста пронизан этим противоречием, отражающимся во всех его основных сторонах. Нет более общераспространенной в педологии переходного возраста мысли, чем мысль о противоречивости этого возраста и его проявлений. Стэнли Холл насчитывает 12 основных противоречий подростка, но их можно было бы насчитать в 12 раз больше.

Мы назовем для иллюстрации нашей мысли основные противоречия установленные рядом исследований. Так, этот возраст отличается мощным подъемом жизнедеятельности новой волной роста, которая может быть сопоставлена лишь с волной роста в первый год жизни. И наряду с этим его определяют, как возраст астеничности, т.е. общей ослабленности организма и всех его функций. Это — возраст мечты, характеризующийся господством фантазии, отрывом от действительности; юношеские грезы принимаются за столь же основное и естественное для этого возраста, как игра для детского.

И вместе с тем это возраст выбора профессии, решения основного жизненного практического вопроса, решительного поворота в приспособлении. Возникновение кризисного плана Шпрангер считает одним из трех основных симптомов этого возраста, а Коршеништейнер предлагает — и не без основания — всю педагогику профессиональной школы построить на „профессиональном эгоизме“, как основном рычаге развития и воспитания подростка.

3) У подростка отмечают господство инстинктивных черт в характере: замкнутости, аутизма, т. е. жизни в себе, ухода внутрь, расщепления психики, но наряду с этим все отмечают, что переходный период — это возраст подъема социальной и коллективной жизни, возраст любви и дружбы, стремления к другому человеку, начала серьезной общественной и политической работы. У подростков отмечено экспериментальными исследованиями наличие эйдетики, т. е. примитивной формы памяти, несущей ярко образный и эмоциональный характер и определяющей образный характер всего мышления, но не менее характерен для этого возраста и переход к абстрактному мышлению, начало мышления в понятиях, общий интеллектуальный подъем. Одни говорят, что это возраст эйдетики; другие, что это возраст алгебры. Те и другие одинаково правы.

К. Гроос видит в этом возрасте возвращение к господству инстинктов; все согласно называют его возрастом полового созревания. Но вместе с тем это возраст созревания личности и миро-созерцания. Открытие своего „я“, завоевание внутреннего мира, поворот извне внутрь, интравертированность называют многие авторы основной чертой всего периода. И часть тех же авторов отмечают наряду с этим вращение в мир объективной культуры, ее отдельные сферы и области, в право, в этику, в искусство. Менц называет этот период возрастом рыцарства и общечеловеческих идеалов; возрастом идеализма по преимуществу считает его и Шпрангер. Но тот же Шпрангер знает, что в этом возрасте окончательно расходятся пути развития рабочего и буржуазного подростка, которые обнаруживают различную психологическую структуру личности. Это возраст классовой установки.

Мы несколько не думаем исчерпать этим списком противоречия переходного возраста. Мы хотим только показать, как сложно и многообразно предомыляется основное противоречие возраста во всех сторонах и составных процессах развития подростка. Нам предстоит на протяжении нашего курса рассмотреть все эти и многие другие противоречия и показать, как они возникают из основного противоречия всего возраста. Скажем заранее, что все это не статические полярные точки в сложившейся структуре личности. Все это динамические противоречия процесса становления, смены структуры.

Неприспособленность, возникающая из расхождения трех линий созревания, является основной движущей силой развития в этот период. На основе преодоления ее возникает иное, чем в детстве,

отличается культурного развития в органическому. Ранее всего сущность различия между инстинктивной и этикой переходного возраста от детства можно было бы выразить словами, что происходит смена доминанты в структуре процесса развития. Развитие ребенка и подростка единично складывается из сплетения двух линий — органического и культурного развития. Человек формируется одновременно, как биологическое и историческое существо. Сложность детского развития обусловлена в первую очередь наличием в нем одного и другого русла одновременно.

Но у ребенка господствует линия органического развития, в юношеском возрасте линия исторического развития. В переходном возрасте происходит их смена. Для ребенка характерно то, что его органическое и культурное развитие конвергируют, сливаются в один процесс, культурное развитие совершается, как органическое. Для ребенка характерно, например, овладение речью до понимания ее значения, „натуральное“ отношение к языку. Ребенок овладевает культурой, как природой; он овладевает ее природной стороной. Он научается говорить так же, как он научается ходить. Не то у юноши.

Здесь доминирует культурное развитие. Самые органические процессы развития здесь вовлекаются в русло культурного развития. Если ребенок научается речи так же, как ходьбе, и овладевает природной основой культурных процессов, то у подростка, напротив, природное раскрывается в культурных формах, которые часто вызревают раньше, чем их органическая основа. Гегель выразил бы это различие между ребенком и подростком, сказав, что ребенок есть существо в себе, а подросток становится существом для себя (Г. Е. Аркин).

Вот это превращение организма ребенка из существа в себе в существо для себя мы и называем процессом образования личности.

От зрелого состояния и даже юности эпоха полового созревания отличается тем, что она есть пора становления личности. Подросток, как верно замечает Шпрангер, не понимает сам себя. Он еще не стал существом для себя. Он находится в процессе становления. Но он перестал уже быть существом в себе. „В себе“ и „для себя“ у него раз'единено: в этом основной факт переходного возраста и основная черта его структуры. Состояние зрелости характеризуется слиянием того и другого момента. Итак, становление личности отличается от ее развитого состояния тем, что в первом случае органическое и личностное начало находится в сложном взаимодействии, в конфликте, в борьбе, в раз'единении; во втором они сложно синтезированы, приведены к единству, неразделимо слиты.

Шпрангер в заключительных словах своей „Психологии юношеского возраста“, отмечая, что юность не только дает права, но и обязывает, говорит *Was das Leben uns verspricht, das sollen wir dem Leben halten* (что жизнь нам обещает, то мы должны сдер-

жать по отношению к ней). Это можно сказать только о молодотке, становящемся существом для себя, впервые зависящим от себя для себя ту высшую форму необходимости, которая отличает человека, которая возникает только в процессе исторического развития, которую называют свободой воли и которая состоит, как говорит Энгельс, в господстве над природой и над самим собой — господстве, основанном на познании естественной необходимости.

Представить это коренное изменение в процессе развития, как необходимый и естественно возникающий результат расщепления трех точек созревания, такова наша основная задача. Сравнительное и генетическое изучение трех форм полового созревания — натуральной, примитивной и культурной — таков наш метод.

Анатомо-физиологические особенности подростка.

Возраст полового созревания есть переход от детства к зрелому состоянию. Он связан с резкими переменами во всем организме.

В центре этих изменений стоит половое созревание подростка. Но все стороны жизни организма ребенка — рост, вес, физиологические отправления, высшая нервная деятельность, поведение и психика под влиянием этого основного фактора испытывают глубокие изменения. Являясь действительным переходом от детства к зрелому состоянию, этот возраст характеризуется бурным подъемом всех жизненных сил.

Отсюда вытекают связанные этим возрастом опасности и творческие возможности: при неблагоприятных внешних и внутренних условиях, в плохой среде этот подъем жизнедеятельности находит себе исхода и приводит к осложнениям развития (заболевания, конфликта, замкнутость и т. п.), в благоприятной для развития среде он становится источником общественного и творческого формирования личности. Переходные черты мы встречаем во всех сторонах развития подростка: это уж не ребенок и еще не взрослый человек.

То же сказывается и в поведении подростка. от смутных идеалов он переходит к реалистическому нащупыванию своей жизненной дороги (выбор профессии). Поэтому переходный возраст справедливо называют критическим.

Критическим этот возраст называется силу того, что он возраст нарушенного равновесия. Более или менее устойчивое равновесие, сложившееся в предшествующую эпоху, резко нарушено вступлением в органическую жизнь такого важного и веского фактора, как половое созревание. Новое равновесие, характеризующее позднюю юность и зрелость человека, еще не достигнуто. По справедливому сравнению М. Рубинштейна, организм ребенка находится на перепутьи: у детей в эту пору меняется вся фигура, иногда они даже внешне начинают производить впечатление известной нескладности, когда все члены находятся в своем соотношении как бы на перепутьи: они покинули стадию детской цельности и еще

не сумела установить тесной сплоченной гармонии созревшего тела. И, действительно, в эту пору все в организме ребенка и в его личности находится в движении, в течении, в изменении — в пути от детства к зрелости.

Общий характер эпохи полового созревания сказывается в целом ряде метаморфоз, качественных изменений отдельных сторон и функций; в центре этого ряда стоит основная метаморфоза, превращение ребенка в половозрелое существо. Развитие в эту эпоху приносит не только количественное нарастание того, что было у ребенка прежде, но вносит новое, раскрывает скрытое, призывает к жизни дремлющие силы организма, выдвигает на первый план то, что было на последнем.

Процессы обратного развития, т. е. свертывания и отмирания, сопровождающие всегда всякий новый шаг в развитии, тоже особенно отчетливо и интенсивно выступают в эту эпоху. Переходный возраст есть в такой же мере пора рождения нового, как и отмирания старого. Отмирание детства выражается в свертывании детских интересов, детских идеалов, детских игр и занятий, детских установок по отношению к среде и к себе самому. Возраст этот образно сравнивают часто со вторым рождением.

На эпоху полового созревания приходится волна интенсивного роста величины и веса тела. Соотношение процессов роста тела — высоту и прибавление веса таково, что ребенок вытягивается длину и худеет.

Мы знаем уже, что рост совершается волнообразно. В эпоху полового созревания происходит усиление процессов роста. Растет величина тела, растет вес. По данным Стэнли Холла, известного американского педолога, прирост веса у мальчиков от 12¹ до 12¹/₂ лет прибавка в весе равняется только 30 фунтам. Это значит, что в период полового созревания за срок вдвое меньший — 2 года против 7 лет¹ прирост в весе оказывается в 1 раз больше (45 ф. против 30), чем в предпубертальном возрасте: иначе говоря, период полового созревания есть время интенсивного нарастания веса, т. е. массы тела.

Значительность этой прибавки веса еще более ясна, если выразить ее не в абсолютных, а в относительных цифрах. В возрасте 15—16 лет, на который падает максимум в приросте веса за весь этот период, годовая прибавка в весе составляет 12—13%. У девочек прирост веса обнаруживает свой под'ем, связанный с наступлением периода полового созревания несколько раньше, чем у мальчиков. Высшего под'ема годовая прибавка в весе достигает в 13 лет (в среднем — 10 фунтов), в 12 лет она уже близка к максимуму и выражается в среднем цифрой — 9, после 13 лет она падает, равняясь в 14 лет — 9 фунт., 15 лет — 8-ми, 16 — 5 и в 18 лет — 3 фунтам.

В связи с интенсивным увеличением веса, стоит и усиленный рост в эту эпоху, хотя полной зависимости между тем

и другим не существует. По данным того же Стэнли Холла, дети в среднем имеют следующий рост: в 5 лет — 41,7 дюйма, в 12½ лет — 55,4 д., в 18½ лет — 67,5 д. Иначе говоря, за 7 лет в период до полового созревания увеличение в росте равняется 14 дюймам, а за 6 лет в период полового созревания — 12 дюймам. Максимум увеличения роста приходится у мальчиков на 14—15 лет, а у девочек на 12—13 лет. Годовая прибавка роста выражается в это время для мальчиков 3 дюймами и для девочек — 2 дюймами.

Таблица № 1.

Рост и вес подростков.

Возраст.	Р о с т			В е с		
	Данные Арямова.	Укр.	Эрисм.	Данные Арямова.	Укр.	Эрисм.
	125,4	124,0	122,4	24,5	2	
	127,2	128,0	126,8	27,2	27,5	27,6
1	132,5	132.	129,5	29,4	29,8	29,1
	139,1	136,4	134,4	33,9	32.	30,9
13	143,5	140,2	137,7	35,7	34,5	32,7
	147,0	45,2	141,2	40,7	39,0	35,2
15	153,7	151,2	146,6	45,7	43,0	39,4
16	159,1	.0	153,2	50,8	48,2	44,0
1	161,7	161	158,6	52,2	53,8	49,7
	160,8	164,5	161,8	54,2	55,8	53,9

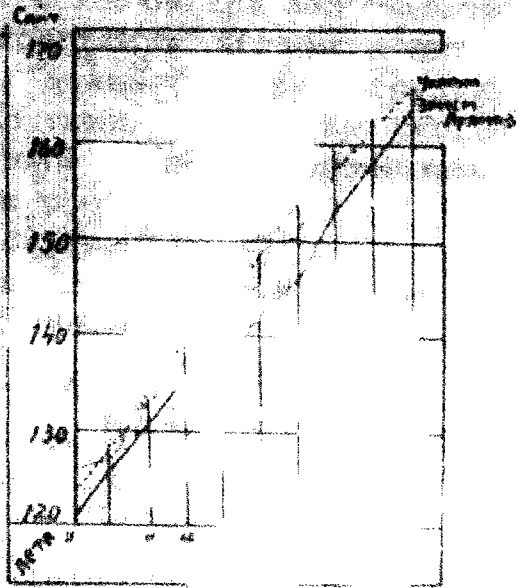
Приводимые здесь данные прекрасно иллюстрируют то общее положение, что период полового созревания есть пора усиленного роста и усиленной прибавки веса. На таблицах № 1 и 2 приведены более подробные, новые и полные данные относительно этих процессов роста, к которым мы и отсылаем интересующихся.

Ритмы изменения роста и веса, как легко заметить, не совпадают в этом возрасте, как и в другие эпохи детства Штрац устанавливает в процессе развития ребенка периоды округления, когда организм увеличивает свою массу, полнест, и периоды вытяжения, когда ребенок растет больше в длину. В первом случае нарастание веса идет интенсивнее, чем рост тела в высоту, и отно-

ительный вес тела, несмотря на абсолютный значительный под'ем, падает. Период полового созревания в есть так раз такой период вытяжения, когда ребенок вытягивается в длину и в общем, худеет, т.е. теряет в весе, несмотря на очень усиленное абсолютное прибавление веса в эти годы.

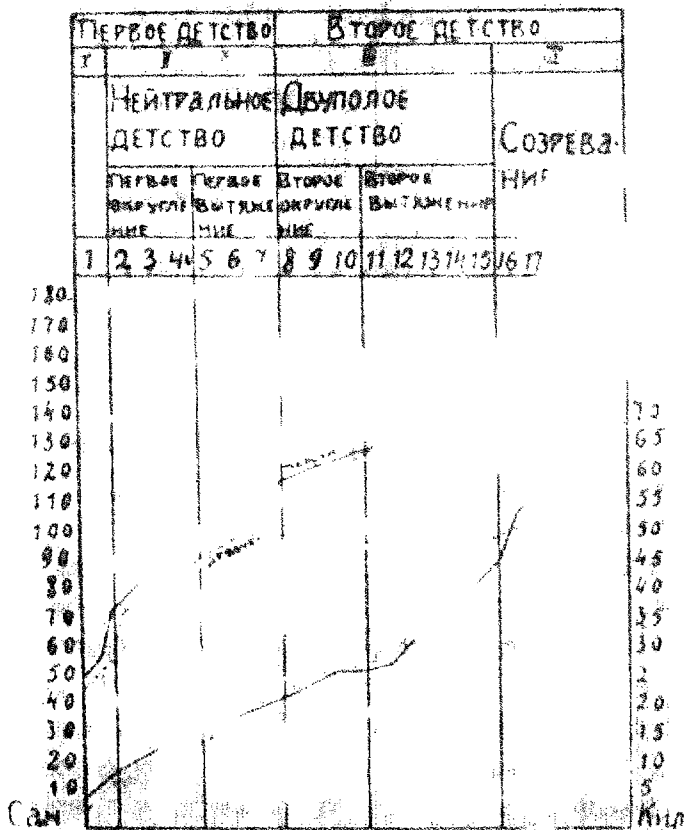
В костной системе в этот период также происходят значительные изменения. Процесс окостенения, заканчивающийся только к 20-ти годам, совершается в этом возрасте чрезвычайно энергично. Кости твердеют, в них меньше хряща, они менее гибки, чем раньше. Искривления и другие неправильности в росте костей в этом возрасте более стойки, чем в раннем детстве. Так называемые, школьные искривления позвоночника, т.е. искривления под влиянием сидения на неприспособленных партах, составляют частое явление в этом возрасте. В связи с отвердением костей, утратой их детской гибкости и мягкости, всякие неправильности в их формировании становятся более опасными и грозными, и вопросы гигиены костной системы приобретают особо важное значение.

Таблица № 2.

Кривая увеличения роста в период с 9 до 18 лет (из кн. И. А. Аркина).

Таблица № 3.

Периоды округления и вытяжения во Штраду (из кн. Е. А. Аркина).

Кривая увеличения роста в период с 9 до 18 лет (из кн. И. А. Аркина).

Процесс отвердения костей составляет значительнейшее изменение в костной системе за этот период.

Рост костей в этот период совршается неравномерно. Особенно энергично растут позвоночник и кости таза, особенно у девочек. В связи с неравномерным ростом отдельных частей скелета, вся структура тела, строение скелета, выражающееся именно в соотношении его частей, существенно меняется в этом возрасте. Пропорции тела, установившиеся в предыдущем возрасте, изменяются, уступая место новым.

Таблица № 4

Сравнительные данные по обследованиям Армямова, Куркина и Николаева (средние по возрасту).

(Из кн. Армямов, "Рабочий подросток".)

Возраст	Вес			Рост			Грудь		
	Школа М.К.В.ж.д. Обл. Армямов	Обл. Куркина	Обл. Николаева	Школа М.К.В.ж.д.	Обл. Куркина	Обл. Николаева	Школа М.К.В.ж.д.	Обл. Куркина	Обл. Николаева
15	50,3	43,1	43,0	157,7	150,2	151,2	77,1	75,3	75,4
16	51,2	48,1	48,2	161,4	155,2	157,0	78,8	77,0	78,4
17	55,1	54,6	53,8	164,6	160,0	161,3	81,8	79,8	81,8
18	58,7	56,2	55,8	165,5	161,5	165,4	83,7	80,7	83

Основным фактом в изменении строения скелета в этот период является более энергичный рост в высоту, чем в ширину, т. е. общее вытягивание и сужение тела подростка. Усиленный рост конечностей создает новую пропорцию в отношении длины ног ко всему телу: у подростка длина ног составляет большую часть длины всего тела, чем у взрослого. Поэтому подросток производит впечатление длинноногого человека, с длинными руками, с узкой и плоской грудью, с удлиненным черепом.

Таблица № 5

Сравнительные данные по обследованиям Армямова, Куркина и Николаева (средние по возрастам).

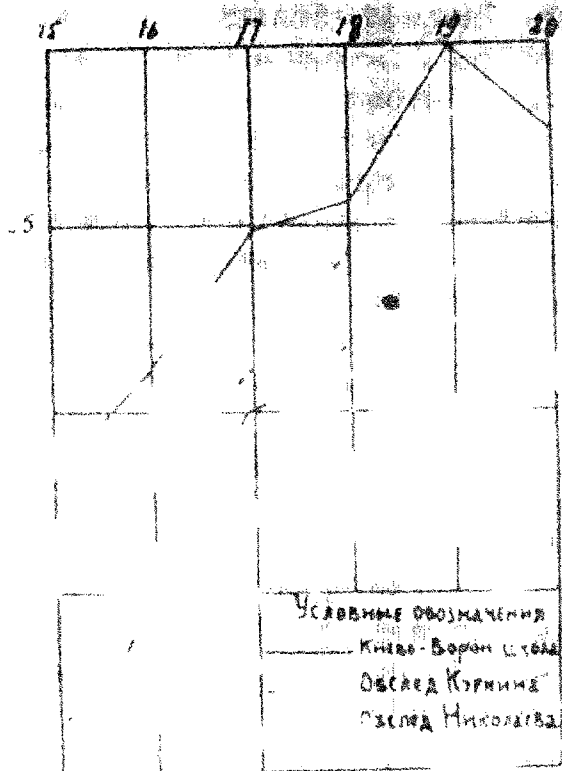
Возраст	Росто-весовой показатель.		
	Школа М.К.В. ж. д.	Обл. Куркина	Обл. Николаева.
15	310	287	294
16	317	310	307
17	335	341	333
18	354	348	339

По строению тела подросток принадлежит к так называемому астеническому или кахексическому человеческому типу. Некоторые ученые выделяют два крайних типа в строении человеческого тела, по аналогии со строением тела животных, травоядных плотоядных. Первый — характеризуется большой круглой головой, широкой грудью, большим животом, короткими ногами и шеей, второй — узким черепом, длинной шеей, длинной и узкой грудью, длинными ногами и руками, толстыми костями, напоминающая скорее плотоядных, чем травоядных. В строении тела подростка замечаются сходные с этим последним типом черты.

Мускульная система в этот период усиленно растет.

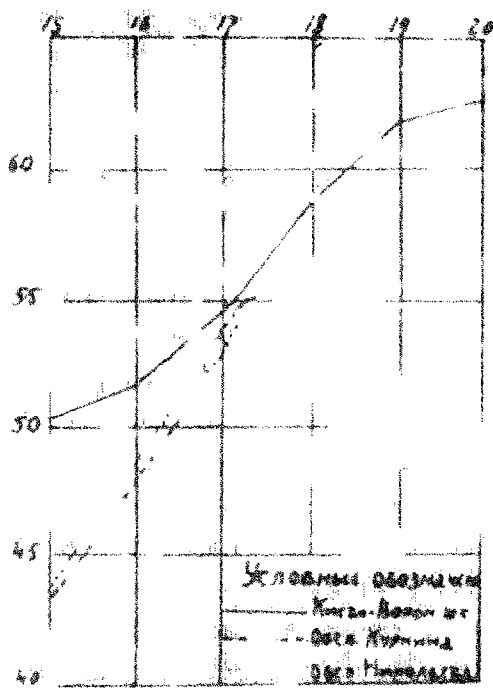
Энергичный рост мышц, далее, отличает в этом периоде физическое развитие ребенка. По данным некоторых исследований масса

Таблица № 6.

Средний рост по возрастам (из кн. Арамова).

Таблица № 7

Средний вес по возрастам (из кн. Арамова)

мышц составляет в 8 лет — 27,2% всего веса тела, в 15 лет — 32,6%, в 16 лет — 44,2%, у взрослого — 45%. Из этих данных видно, что к концу периода полового созревания мускульная система подростка достигает почти полного развития. Благодаря этому, общий характер строения тела меняется, и черты плотоядного, астенического типа подростка переходят в другой, равномерно развитой, мускульный или атлетический тип юности.

Его образно называют греческим типом, имея ввиду гармоническое изображение человеческого тела на античных статуях. В период же полового созревания мускулатура усиленно растет и некоторые авторы склонны характеризовать неуклюжесть подростка

объяснить неравномерностью в росте мускулов. В связи с ростом мышц стоит увеличение мускульной силы подростка, постепенно развитие тонкой координации движений.

О значении развития мускулов прекрасно говорит Степани Холд. Смышленность и выносливость являются почти исключительными мускульными добродетелями, точно так же, как усталость, слабость воли, своеобразие, скука, беспечность, отсутствие выдержки, неуравновешенность — суть мускульные пороки и недостатки.

Сердечно-сосудистая система также усиленно растет. Многие авторы считают наиболее характерным для этого возраста факт несоответствия в росте сердца и сосудов: сердце растет более энергично, чем сосуды, в результате чего кровь прогоняется по более узкому ложу и создается повышение кровяного давления. Сосудистая система сильно разрастается, так как она должна орошать и питать разросшуюся мускулатуру, внутренние органы и т. д.

Разросшаяся сосудистая сеть предъявляет большие требования к деятельности сердца, которому теперь приходится проталкивать кровь по более обширной сети, чем прежде. Конфликт между сердцем и сосудами часто в этом возрасте приводит к нарушениям в кровообращении, к ослаблениям пульса, сердцебиениям и т. п. Малокровие является частой болезнью этого возраста. Изменяющаяся структура и функции организма в период полового созревания являются основной причиной изменений и в сердечно-сосудистой системе, которая должна приспособиться к новым условиям, складывающимся в организме для того, чтобы выполнять свое основное назначение — питать органы и ткани.

Итак мы видим что кровеносная система усиленно растет, отдельные ее части растут неравномерно, вследствие чего характер кровообращения в этот период изменяется.

Нервная система в переходном возрасте развивается в двух направлениях: разрастается и увеличивается периферическая нервная сеть, в центральной нервной системе происходит функциональное совершенствование и усложнение.

Усиленный рост органов и тканей влечет за собой расширение и усложнение нервной сети. Периферическая нервная система растет. Спинальный мозг почти заполняет в это время спинномозговой канал. Головной мозг увеличивается в это время в своей массе и в своих размерах незначительно. Он переживает в эту пору период относительного малокровия, обусловленный усиленным оттоком крови к развивающимся и усиленно растущим внутренним органам, а также отмечаемым некоторыми авторами несоответствием роста объема кровеносных сосудов, в частности, сонной артерии, несущей кровь к мозгу, с ростом сердца, вследствие чего приток крови к мозгу затрудняется. Другие авторы считают, однако, что рост сосудов не отстает от роста сердца.

В структуре мозга в это время происходят важные перемены. Энергично вырастают и нарастают ассоциативные волокна, соединяющие различные части мозга между собой; благодаря этому

достигает функциональное развитие мозга, усложнение и усовершенствование высшей нервной деятельности. В этом же возрасте клетки мозговой коры достигают окончательного формирования дифференцировки. Развитие нервной системы, в связи с этим, в этом периоде заключается не столько в росте ее, сколько в функциональном усовершенствовании и усложнении ее деятельности.

Отрицательные и положительные стороны физического развития эпоху полового созревания одинаково обусловлены центральным фактом этого периода — мощным подъемом жизнедеятельности организма.

Физическое развитие в переходном возрасте, взятое в целом, характеризуется двойственностью и противоречивостью составляющих его процессов. Как и на всем возрасте, на нем лежит печать кризиса. В основе своей — это глубоко благотворный кризис, в центре которого стоит мощный подъем жизнедеятельности всего организма. С этим связаны огромные положительные возможности этого возраста. Энергичное увеличение роста и созревание внутренних органов, костей и мускулов, энергичное выступление нового органического фактора — пола, — все это служит выражением этого подъема органических сил.

Но с этим же бурным и резким подъемом связаны и опасности, оставляющие отрицательные стороны этого возраста. Нарушенное равновесие приводит часто к конфликтам. Так, рост мускульной силы (плюс этого возраста сопровождается большой утомляемостью подростка, вследствие усиленной траты энергии на рост и переменчивого, неустойчивого состояния целого ряда органических систем минус этого возраста); рост сердца и увеличение кровяного давления () сопровождаются нарушениями в деятельности кровообращения (—); усложнение и повышение нервной деятельности () сопровождается понижением работоспособности, неустойчивостью, срывами в работе нервной системы (—).

Все эти минусы не должны в наших глазах затемнить основную черту этого возраста: мощный подъем жизнедеятельности всего организма. Все минусы это только теневая сторона бурного подъема.

Эти двойственные изменения в физическом облике ребенка, вступающего в период полового созревания, находят свое ясное выражение в моторной сфере. Неловкость и неуклюжесть подростка, угловатость его движений, множество лишних движений все это настолько бросается в глаза, что давно было отмечено житейским наблюдением, как отличный внешний симптом возраста. Он имеет свое основание в действительной перестройке всей моторики подростка. Вступая в период полового созревания, подросток утрачивает ту особую грациозность движений, которая составляет отличительную черту детства, особенно раннего.

Все движения ребенка, говорит Гомбургер, приобретают свой характерный отпечаток благодаря текучести линий движений и поз, благодаря детской грации и наслаждению движениями. Эта грациозность детских движений, как показал М. О. Гуревич, объясняется

преобладанием крупных, больших движений над тонкими и мелкими с одной стороны, а с другой — самым характером иннервации, в которой преобладает автоматическая структура над произвольной.

Именно преобладание произвольной иннервации, вмешательство произвольных импульсов в движения, протекающие автоматически у детей и взрослых, разрушение первичного автоматизма детской моторики и отсутствие вторичного выработанного автоматизма зрелой моторики создает то впечатление искусственности, нарочитости, принужденности, unnaturalности, неестественности, подчас вычужденности и натянутости жестов, мимики, движений и поз подростка. Мы должны отметить здесь преобладание „волевого нажима“, проявление того кортикального темперамента, того одностороннего господства коры головного мозга, о котором мы говорили в начале настоящего очерка.

Натуральная моторика детского возраста отмерла. Начинается выработка сложных моторных формул культурных (так наз. произвольных) движений. Когда эти формулы будут выработаны, они снова создадут автоматическую основу моторики, которая характерна для взрослого человека. Но сейчас в переходном возрасте происходит самый процесс выработки этих формул. Наблюдая движения подростка мы как бы присутствуем в лаборатории, где вырабатываются и создаются сложные формулы культурных движений и следим за изменением структуры мозговых центров, заведующих движениями.

Самое важное, что мы замечаем при этом, это завоевание моторики высшими центрами. Но переход к высшим формам движений здесь, как и в остальных сторонах переходного возраста — сопровождается конфликтом, временным снижением, как бы спусканием на низшую ступень. На самом же деле угловатость и неловкость движений подростка свидетельствует о нарастающей власти кортикальных импульсов над моторикой подростка.

Гомбургер склонен объяснить деградацию моторики в переходном возрасте неравномерностью в развитии отдельных частей мозга. По его указанию, центральные части нервной системы отстают в своем развитии от подчиненных им частей среднего мозга. Благодаря этому нарушается контроль психомоторной области, и происходит рецидив примитивности, начинают преобладать мало целесообразные движения. Если влияние этого момента и нельзя исключить при объяснении изменений в моторной сфере подростка, то все же нельзя не отметить, что один этот момент не в состоянии все же объяснить всю картину этих изменений в целом, так как другая сторона — именно возрастающее господство высших центров — при этом не учитывается вовсе. Между тем, именно соединение, одновременно наличие того и другого момента является характерной чертой этого возраста.

Нам думается, что мы ближе подойдем к правильному объяснению этих изменений в моторной сфере подростка, если примем вместе с М. О. Гуревичем, — что всякий сложный моторный акт включает в себя три основных компонента — автоматический, сознательный

свободный (психомоторный) и автоматизированный. Преобладание того или другого момента определяет структуру всего акта.

Преобладание сознательного психомоторного фактора, говорит О. Гурвич, не экономно. Преобладание автоматизированного делает действие недостаточно гибким в смысле приспособления его объекту. Нужен некий optimum соотношений обоих факторов, который эмпирически достигается повторением действий, выучкой, упражнениями, т. е. созданием готовой формулы движения... При равном соотношении обоих факторов мы называем движения естественными; застенчивый человек в обществе смущается, он не доверяет своим автоматизированным движениям, изменяет пропорцию в сторону сознательно-психомоторных и кажется неестественным, неловким"

Мы и полагаем, что моторика подростка наряду с наличием плохо контролируемых движений характеризуется подобным изменением пропорций в сторону преобладания сознательного психомо-

Таблица № 4.

Бюджет времени рабочего подростка по данным
И. А. Аримова.

	1 группа.	4 группа
Сон	5 час	4 час
Уход за собой		2
Питание	1,8 час.	2,5 час
Дорога	1,6	2
Обществ. раб.	0,47 час.	
Развлечения	1	
Спорт	0,77	
Чтение	0,9	0,6
Отдых		1,4
Теоретич. занят	3 час.	2,4
Практ. занят.	4	3,93
Работа по дому	0,3 час.	
Случайные дела	0,00 час.	0,59
	24 час.	24 час.

торного компонента, благодаря чему оптимум соотношений внутри сложного моторного акта нарушается.

Но это обстоятельство непосредственно связано с повышенной утомляемостью, ибо преобладание психомоторного фактора в движении участие многих кортикальных центров крайне не экономично, быстро истощает нервные центры. Поэтому обучение какому-нибудь трудовому процессу, требующее создания готовых формул движения неизмеримо более сложный и потому утомительный процесс, чем трудовой процесс подготовленного рабочего, опирающийся главным образом на автоматизированные движения. Таким образом, один и тот же — с внешней стороны — трудовой процесс является совершенно различным с психологической стороны вообще и со стороны утомляемости в частности — у обучающегося труду подростка и у уже обученного взрослого рабочего.

Это один момент, обуславливающий повышенную утомляемость подростка. Другой состоит в особенностях самого организма в этом периоде. „Период полового созревания, говорит В. Е. Игнатьев, это период усиленного роста и потому главная масса пищевого материала идет на созидание тела и в значительно меньшей степени на его механическую работу. Поэтому наше законодательство устанавливает шестичасовой рабочий день для подростков от 16—18 лет, четырехчасовой для подростков 14—16 лет.

В связи с вопросом об утомляемости подростка стоит вопрос режиме дня, о бюджете времени, о перерывах в работе для отдыха, о рациональном использовании отдыха, о сне. То обстоятельство, что переходный возраст является возрастом профессиональной подготовки и начала регулярного труда, заставляет особо внимательно подойти к этому вопросу. Мы приводим результаты исследований бюджета времени, произведенные И. А. Арямовым. Эти исследования как и всякое научное исследование, открыли перед нами совершенно новую картину распределения времени у рабочего подростка. Так, например, общераспространенное мнение, что чрезмерная нагрузка общественной работой вредно отражается на здоровье и академической успешности учащихся школ ФЗУ не подтвердилось. Оно сохраняет свою силу для отдельных, наиболее активно работающих подростков, но оно оказывается неверным по отношению к „среднему ученику“, общественная работа которого измеряется 25—30 минутами в день.

Повышенная эмоциональность и неустойчивость переходного возраста, общая и глубокая перестройка всего организма, повышенная ранимость все это делает чрезвычайно ответственной задачу физического воспитания в этом возрасте. Даже самые оптимистические исследователи, приходящие к отрицанию общей астеничности (ослабленности), как основной черты этого возраста, видящие основу всех процессов физического развития в мощном и общем подъеме жизнедеятельности, не могут отрицать наличия своеобразных „биологических помин“, по выражению И. А. Арямова, отличающих переходный возраст.

В одной из следующих глав мы приведем данные о состоянии здоровья рабочих подростков. Из этих данных будет видно, что очень большой процент подростков отличается расстроенным здоровьем. Эту проблему „биологических ножиц в переходном возрасте“ И. А. Арямов формулирует, как парадоксальное взаимоотношение степени физического развития и состояния здоровья подростка (при удовлетворительном общем физическом развитии весьма большой процент болезненных расстройств)

Мы напомним еще два обстоятельства, усиливающих значение этих биологических ножиц и дополняющих их содержание. Первое заключается в том, как увидим в следующем очерке, что те же исследования И. А. Арямова, которые привели этого автора к отрицанию „господства астенизма“ в переходном возрасте, показали, что половое созревание рабочего подростка, в общем является задержанным по сравнению напр. с американским подростком, что „современный подросток и юноша сильно отстает в своем половом, а следовательно и общем развитии“ Это собственные слова И. А. Арямова. Как видим весьма существенная поправка к положению об общей благополучной картине физического развития. Снова — „парадоксальное взаимоотношение“ — общего удовлетворительного физического развития и отставания в половом, а следовательно общем развитии.

Таблица №

Развитие мышц		у		данными И.		им в	
голки	кулату	гру	уна	группа 4	гпа.	Всего в школе	
рошо							
редне							
лабо							16.

Второй не менее существенный корректив должен быть внесен в связи с тем, что приведенные нами выше данные И. А. Арямова, как указывает сам автор в другой книге, не могут считаться типическими для рабочего подростка вообще. Они не могут характеризовать рабочего подростка массового. Сравнение этих данных с данными о развитии подростков бригадного ученичества показывает, что ученики ФЗУ характеризуются лучшим физическим развитием и здоровьем. Ученики бригадного ученичества в подавляю-

шем большинстве случаев отмечаются астенической конституцией, еще более запаздывают в половом созревании; с плохо развитой мускулатурой среди них в 2½ раза больше, чем среди учащихся школы, прошедших профотбор. Среди бригадных больше подозрительных на туберкулез и несравненно больше слабо упитанных, тусклых, худосочных. Вывод тот, что в школу ФЗУ „попадает все лучшее, что можно бывает отобрать при профотборе“.

Это объяснение представляется нам абсолютно справедливым. Вспомним, что кривая физического развития, соответствующая развитию подростков ФЗУ все время проходит значительно выше, чем две другие кривые, символизирующие физическое развитие массового рабочего и городского подростка. (см. табл. №№ 6 и 71). Она составлена на основании исследований, разработанных П. И. Куркиным в книге „Московская рабочая молодежь“ (Москва, 1924 г.) и охватывающих 20.000 подростков, из них 9.000 городских московских подростков. Другая представляет результаты исследования А. П. Николаева, изложенных в сборнике „Дети украинцы“ (Харьков, 1926 г.) и охватывающих украинских детей и подростков. Средние величины, характеризующие развитие подростков ФЗУ, почти всегда выше соответствующих показателей развития массового подростка.

Следовательно, данные И. А. Арямова характеризуют лучшего, наиболее благополучно развивающегося рабочего подростка, отнюдь не массового. При приеме в школы производится медицинский отбор, отбираются наиболее здоровые и хорошо развитые. Это одна причина, объясняющая превышение стандартов по данным И. А. Арямова. Другая заключается в том, что эти подростки в общем находятся, как видно из анализа бытовых условий, в условиях выше средних в сравнении с данным Куркина о быте рабочих подростков. „Наконец, третья причина та, что социальный состав этих подростков показывает, что они принадлежат к группе рабочих железнодорожников, „материально сравнительно обеспеченных, а в голодные годы бывших, в относительно лучших условиях, чем другие профессии“.

Итак, нельзя обманываться слишком благополучными данными И. А. Арямова. К тому же надо учесть, что даже у этой „отборной“ группы рабочих подростков, наблюдается, как общее почти явление, задержка полового созревания, и что анализ того, из чего слагаются полученные при подсчете средние, по словам самого автора, обнаруживает колоссальные различия между максимальными и минимальными величинами показателей роста, веса, окружности груди и т. д. Специально приводимая нами таблица наглядно показывает это.

„Растянутость вариационной кривой“, „значительное количество крайних отклонений от средней величины и значительные размеры этих отклонений — все это показывает, говорит автор, что подросток в своем физическом облике дает весьма разнообразную картину и представляет весьма не однородную массу“.

Если подойти к картине сравнительного благополучия рабочего подростка, нарисованной И. А. Арямовым, с этой стороны, она

представит в другом свете, как призывает и сам автор. Это значит, что даже тот подросток из ФЗУ, который стоит выше по общему физическому развитию, чем массовый подросток из рабочей семьи, обнаруживает колоссальную диспропорцию в своем физическом развитии.

Разница напр., между минимальным и максимальным показателем веса 15-летнего подростка составляет около 80% минимального показателя. Это значит, что за благополучными средними скрывается в высшей степени неравномерное распределение реальных показателей. Наличие сверхблагополучного развития, наряду с сверхнеблагополучным, столь характерное во всех областях для переходного возраста, только затемняется средними, свидетельствующими о среднем благополучии, которого на деле нет и в помине.

Мы уже говорили в начале настоящего очерка, что противоречие составляет основную отличительную черту всех процессов развития в переходном возрасте. В очерке посвященном рассмотрению конфликтов и осложнений переходного возраста, мы будем иметь случай вернуться к этим данным снова в другой связи. Мы постараемся там показать, что эти данные несмотря на все наши оговорки, не теряют своего большого значения для решения теоретического вопроса о природе переходного возраста, хотя наше истолкование этих данных будет несколько отличным от того, которое дает им сам автор. Признавая всю силу их доказательности против общераспространенного мнения о неблагополучии, как основной черте этого возраста, мы все же склонны и их рассматривать в свете тех основных положений, которые мы кладем в основу всей педологии переходного возраста, и вместо „среднего благополучия“ усматриваем в этих данных все те же „сопряженные противоречия“, которые отличают развитие в этот период.

Здесь мы хотели остановиться на обратной стороне и показать, что и эти данные на деле свидетельствуют о серьезном неблагополучии в физическом развитии подростка. Повышенная утомляемость и ранимость, общая неустойчивость всего возраста делает совершенно неустрашимой с педологической точки зрения роль физического воспитания в переходном возрасте.

Есть закоренелые предрассудки житейской педологии. К их числу относится, например, мнение, что ребенок раннего, ясельного возраста нуждается исключительно в физическом воспитании, вернее даже в гигиеническом уходе, что педагогике нечего делать с младенцем.

Этот предрассудок разоблачен в нашей ясельной педагогике (А. Б. Залкинд). Но ему соответствует другой, столь же крепко укоренившийся и состоящий в том, что в переходном возрасте подросток вовсе не нуждается в физическом воспитании. В традиционной системе воспитания подростка физическое воспитание большей частью отсутствовало вовсе. Между тем, вся картина физического развития, нарисованная нами, говорит о том, что планомерная сознательная организация этого развития, воздействие на него и на-

правление со стороны воспитания могут служить единственным залогом благополучного протекания всего кризиса.

Таблица № 10.

Минимальные и максимальные величины по возрастам по данным И. А. Аримова.

Возраст	Колич. обслед.	В о с.			Р о с т.			Осложнение роста		
		Максимум	Минимум	Разность	Максимум	Минимум	Разность	Максимум	Минимум	Разность
15 л.	9	63,3	35,1	28,2	173,0	133,5	39,5	82,0	68,0	14,0
16 "	28	65,8	40,0	25,8	177,5	144,5	33,0	87,0	71,0	16,0
17	34	68,7	40,0	28,7	165,0	153,0	22,0	90,0	72,0	18,0
	35	76,0	38,1	37,9	177,0	141,0	36,0	93,0	5,0	20,0

При этом, подобно тому, как необходимость физического воспитания вызывается целым комплексом внутренне связанных между собой моментов в физическом развитии, а не одним каким-нибудь фактором, так точно и физическое воспитание с педологической точки зрения направлено не на один какой-нибудь момент в развитии организма, но является основой всех процессов развития.

Мы назвали выше утомляемость и повышенную ранимость моментами, требующими вмешательства физического воспитания в развитие подростка. Но оба они тесно связаны между собой. Отмечаемый некоторыми авторами (Штефко) необычайно ранний склероз мозговых сосудов (около 20 лет) или нажитая психическая инвалидность, как ее называет проф. Гайнушкин, являются крайним выражением патологического влияния переутомления. Переутомление физическое, интеллектуальное, еще более эффективно-моральное — в этом существе дела — производит целый ряд изменений в функциях организма: происходит расстройство обмена веществ, нарушается сердечно-сосудистая деятельность, неправильно функционирует вегетативная нервная система и система желез внутренней секреции. В результате всех этих длительных и интенсивных неполадок развиваются прежде всего стойкие изменения, называемые склерозом всей сосудистой системы."

Но физическое развитие, как показывают исследования, обуславливает в детском и переходном возрасте правильное протекание всех остальных процессов развития. Мы проводим и в виде иллю-

страдали данные из исследования И. А. Арямова о физическом развитии неуспевающих учеников ФЭУ. В дальнейшем мы узнаем, что результаты исследований Кинга Ярвинга показали связь между задержкой полового развития и падением школьной успешности. Это же обнаруживают и данные И. А. Арямова с другой стороны — в отношении физического недоразвития и неуспеваемости.

Все эти данные говорят о том, что „неуспевающие в школе отличаются далеко не полноценным физическим развитием“. Они отстают и в своем умственном развитии и в школьной успешности. Неуспевающий ученик отстает от среднего и в росте, и в весе, и в состоянии здоровья.²⁷ Неуспевающих отстают в своем физическом развитии, а это значит, что борьба за нормальное физическое развитие — физическое воспитание — есть мощное средство борьбы и неуспеваемостью. Огромная заслуга педологического исследования между прочим, в том и заключается, что оно открывает связь между такими моментами в развитии, которые с внешнего вида никак между собой не связаны. Оно указывает на физическое воспитание как на одно из средств повышения школьной успешности. В этом и состоит то „комплексное“ значение физического воспитания, о котором мы говорили выше.

Физическое воспитание, помимо охранения здоровья и создания гигиенических условий для развития, является основным средством развития моторики. Правда, в этом возрасте грань, вообще условная, между физическим и общим воспитанием особенно часто стирается, как это легко видеть на примере моторики. „Ближайшим средством, способствующим как укорочению этой дисгармонии так и усовершенствованию, упрочению волевых движений и упорядочению подкорковых центров, говорит В. Е. Игнатъев служат упражнения, которых интеллектуальная сторона преобладает. Лучшее всего для осуществления этой сложной задачи служат упражнения моторного аппарата в виде различных движений с характером спортивных упражнений, гимнастики или же в виде разнообразных трудовых процессов“

Экспериментальное исследование З. И. Чучмарева так же показало, что уроки физической культуры повышают непосредственно функцию управления своим поведением (волевая регуляция поведения).

Задачей моторного развития в период полового созревания является, по словам В. Е. Игнатъева, выработка точности и продолжительности движений. Эту задачу выполняют естественные движения, если им придают характер спортивности. Автор имеет в виду не спортсменство само по себе, но такую школу, которая способствует развитию сознательного психомоторного аппарата главным образом⁴.

„Преобладание среднего мозга, говорит он, начинающего раньше прочувлять себя в области движений, а также и заканчивающего свою формовку, нуждается в регуляции своих функций со стороны коры полушарий большого мозга. Спортивные упражнения с одной сто-

роны и трудовые процессы с другой являются в этом отношении надежными содействиями. Первые укрепляют волю и влияют на характер, вторые сообщают организму возможность приложить к выполнению различных трудовых процессов определенную группу мышц и воспитывают энергию. Задача физического воспитания, заключаемая автором, правильно поставленная — огромная, в периоде полового созревания — исключительная.

Таблица № 11.

Физическое развитие неуспевающих учеников ФЗУ по данным И. А. Арямова.

АМ. (средн. арифм.)	Рост.	Вес.	Овр. гр.	Э. П. роста-рва.
Неуспевающие	156,7	46,7	77,1	206
По школе	161,2	52,5	79,2	324
Отклонение неуспевающ.	- 4,5	- 5,8	- 2,1	- 29
Очень успевающие	160,5	54,1	80,5	349
Отклонение неуспевающ.	- 3,8	- 7,4	- 3,4	- 48

Таблица № 12.

По данным И. А. Арямова.

Расстройства в области нервной системы (тремор, дермографизм, частые головные боли, повышенная возбудимость сухожильных и других рефлексов) встречаются у большинства неуспевающих — в 63,6%, против 26,7% по школе и еще меньшего процента (8,3% у очень успевающих).

Вышеуказанные нервные расстройства указывают на повышенную возбудимость нервной системы, следовательно, 1/2 неуспевающих имеют возбудимую нервную систему, тогда как очень успевающие ученики подобным лицам в своем составе имеют только 1/13 часть.

Таблица № 13.

Состояние здоровья неуспевающих учащихся ФЗУ по данным И. А. Арямова.

Больных — неуспевающих	76%
по школе	54,8%
очень успевающих	22,2%

Расширяя далее «педагогический комплекс», охватываемый физическим воспитанием, автор указывает на значение физического воспитания в системе полового воспитания. Задачей устанавливает

ство вышней системы с эротикой, а это в свою очередь указывает на возможность в периоде полового созревания пользоваться мышечной системой не только, как отвлекающим, но и регулирующим средством на все отправления организма в период его окончательной перестройки».

А. Б. Заикин также указывает на физкультуру, как на одно из важных средств полового воспитания. Он выдвигает два основных педагогических правила физической культуры в переходном возрасте: «А. При сохранении богатого эмоционального тонуса подростков надо добиться спокойного состояния их нервной системы.— Б. Центр тяжести специальных физкультурных влияний в переходном возрасте должен быть сосредоточен на воспитании тормозных процессов, тренировки, закалки».

Физкультура должна помочь наиболее разумной организации энергетических переключений — в этом и заключается ее главная задача... Главная методическая задача общей и специальной физкультуры сводится к формированию наилучших тормозов, «наибольшего умения сдерживать, регулировать, умерять, разумно направлять свои энергетические тяготения. Именно в этом — основа основ»

Мы видели, что в этом — в овладении своим поведением в культурном развитии — «основа основ» не только физического воспитания, но и общего воспитания в переходном периоде. В различных формах и планах эта основа будет встречаться нам во всех дальнейших очерках. Единственное, что необходимо отметить здесь же при первом упоминании, это единство этой основы во всех ее проявлениях. Выработка тормозов и овладение психомоторным аппаратом в области физического воспитания, и выработка личной этики, подчинение сексуальных и эротических влечений власти и целям личности — в области полового воспитания, овладение и подчинение себе высших процессов мышления в сфере умственного воспитания — все это различные аспекты одной и той же основы!

Необязательная литература для углубленной проработки задания.

1. И. А. Арямбв, Рабочий подросток. — Материалы для педагогической характеристики. Москва. — «Транспечать». — 1928. Ц. 2 р. — Главы: II — III и VII — VIII.
2. В. Е. Смирнов. Психология юношеского возраста. — Москва. — «Молодая Гвардия» — 1929. — Ц. 2 р. 90 к. — Главы: I — III.
3. П. П. Блонский, Педагогика. — Москва. — «Работник Просвещения» — 1925 г. — Ц. 2 р. — Гл. 5, § 1.

ГЛАВА VI. ПОЛОВОЕ СОЗРЕВАНИЕ.

Содержание задания.

Железы внешней и внутренней секреции.— Железы внутренней секреции, как факторы роста и развития детского организма.— Роль половых желез в формировании и развитии организма.— Опыты изменения пола и омолаживания.— Изменения в системе желез внутренней секреции в переходный период.— Понятие о сублимации энергии полового инстинкта.— Любовь в переходном возрасте.— Расхождение в путях развития и особенности созревания мальчиков и девочек.— Совместное воспитание.— Половая жизнь современной молодежи.— Стадии и сроки полового созревания.

План проработки задания.

1. Составьте конспект настоящего задания, включив в него также содержание дополнительной литературы, если вам удастся ее проработать.

2. Сравните данные о сроках полового созревания и процессах развития в переходный период у мальчиков и девочек по материалам имеющимся у вас в школе; наблюдайте за особенностями поведения тех и других и поставьте в связь оба ряда данных для лучшего уяснения этого вопроса.

3. Распределите какуюнибудь школьную группу подростков на три категории: несозревших (у которых процессы созревания не начались), созревающих и зрелых, сопоставьте эти данные с данными о школьной успешности всех трех категорий и проверьте таким образом положение Кинга Ирвинга о связи полового созревания и школьных успехов.

4. Подсчитайте отдельно: 1) для неуспевающих подростков какойлибо группы, 2) для хорошо успевающих и 3) для всей группы в целом процент несозревших подростков, сопоставьте эти данные и таким образом проверьте данные И. А. Арямова о связи неуспеваемости с задержкой полового созревания.

В нашем организме есть ряд органов, выделяющих особые жидкости или соки, играющие большую роль в различных жизненных процессах, как пищеварение и др. Такие органы называют железами а их выделения — секретом той или иной железы. Примерами этих секретов может служить слюна, желудочный сок, необходимые для переваривания пищи и т. д., а слюнные железы или потовые или поджелудочная железа могут служить примерами этих органов. Общей особенностью всех этих желез является наличие особые

ыводных протоков, через которые секрет, отделяемый железой, выделяется наружу — в полость рта, в желудок, в кишки, на поверхность кожи и т. д.

Наряду с этими железами, в организме есть еще железы особого рода; важнейшей особенностью этих желез является отсутствие протоков, через которые секрет мог бы выделяться наружу. Эти железы, не имеющие выводного протока, выделяют свой сок непосредственно в кровь, которая омывает их. Поэтому эти железы называются кровяными железами внутренней секреции (эндокринными). Продукты, выделяемые этими железами, поступают прямо в кровь и разносятся ею по всему организму. Они имеют чрезвычайно большое и крайне многообразное влияние на протекание всех процессов в организме. Продукты этих желез внутренней секреции называют гормонами — от греческого слова „гормао“, что значит „возбуждаю, двигаю“. Эти продукты и являются возбудителями или двигателями организма.

Железы внутренней секреции являются важнейшим фактором роста и развития детского организма.

В качестве примера, рассмотрим влияние щитовидной железы, одной из наиболее изученных желез внутренней секреции. Она расположена по бокам гортани, в передней части шеи. Если у собаки или другого животного удалить эту железу, щенок задерживается в своем развитии, его рост в длину и в высоту приостанавливается и он сохраняет детский облик. Кроме задержки роста, происходит целый ряд глубоких изменений — внешних и внутренних, вследствие которых животное обычно рано погибает.

Врожденное отсутствие или недостаточность этой железы у человека вызывает особое заболевание — кретинизм, выражающееся в карликовом росте и в идиотизме. Прививка такому животному или кретину щитовидной железы от другого животного или кормление его этой железой, возвращает способность роста и нормального развития.

Разрастание гипофиза, другой железы внутренней секреции нижнего придатка головного мозга, приводит к уродливому гигантизму, удаление его или врожденная недостаточность создают карликов (наннизм). Поражение верхнего придатка головного мозга приводит к преждевременному развитию половых органов и признаков, которые наблюдаются иногда у 5—7 летних детей.

Железы внутренней секреции, как показывают приведенные примеры, являются важнейшим фактором роста и развития детского организма. Поражение или удаление их приводит к серьезнейшим нарушениям и неправильностям детского развития. В этом смысле особый интерес представляет зобная или грудная железа, ее связь с процессами роста особенно ясна. Эта железа усиленно функционирует в период роста, с наступлением половой зрелости она почти вовсе атрофируется и перерождается.

Железы внутренней секреции находятся в сложном взаимодействии. Они угнетают или стимулируют друг друга. На рис. № 1

приведена схема рисующая их взаимоотношение. На каждой возрастной ступени эти железы образуют единую систему, основанную на равновесии, достигнутом между отдельными железами при главенстве одной какой либо или группы желез.

Таблица № 1.

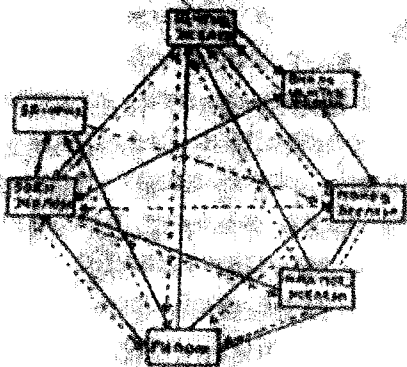

Схема взаимодействия желез внутренней секреции. Сплошные линии обозначают стимулирующее влияние, а пунктирные угнетающее (из кн. И. А. Арямова).

Самая половая железа состоит из двух частей, из двух различных тканей, одна часть ее есть железа, внешней, другая — внутренней секреции.

Удаление половой железы или кастрирование, как и повреждение и недоразвитие ее в эпоху полового созревания, направляет все развитие ребенка по особому пути. Отличительные признаки мужского пола исчезают, голос сохраняет свой детский характер. Человек давно использовал кастрацию в своей практике с домашними животными. „Бык после кастрации резко изменяет свой буйный нрав и превращается в смиренного вола, неукротимый жеребец превращается в послушного коня“.

Половые железы являются основным фактором формирования развития всех первичных и вторичных половых признаков; созревание их вызывает глубочайшие изменения во всех сторонах органической жизни и деятельности.

Пересадка половой железы от самца к самке и обратно, производимая Штейнаком и проф. М. М. Завадовским у нас позволили искусственно превращать самцов в самок и самок в самцов. Штейнак оставил опыты на морских свинках и крысах, а Завадовский на курах и петухах. Он пересаживает кастрированной петуху половую железу курицы, и „петух теряет свой петуший нрав и окончательно обретает внешность, поведение и инстинкт курицы“.

Кастрированная курица после пересадки ей личка приобретает петуший убор, инстинкт, крик — все признаки другого пола. „Весь любопытно наблюдать, — пишет проф. М. М. Завадовский, — как созданный человеческой рукой петух, бывшая курочка, раздувший хвост, наерошивших перья и растопырив крылья, стремительно

источником преследует кур или галантно предлагает курам корм, или многократно паст чистым, хорошо выработанным пестушым плавом.

В последнее время были сделаны исключительно смелые попытки омолаживания старых животных и человека. Старому и дряхляющему животному или человеку пересаживалась половая железа от другого, молодого животного, например, от барана или обезьяны, как делал Воровов. При этом наступало явное омоложение старого организма.

Штейнах свои операции омолаживания основывал на перевязке семенных протоков половых желез. Прекращая, таким образом, внешнюю секрецию половых желез, Штейнах добивался поднятия питания той части железы, которая отделяет в кровь свой секрет, свои гормоны, т. е. повышал внутреннюю секрецию половых желез. В результате этого, также наступало общее омоложение организма.

Общая продолжительность жизни крыс, на которых Штейнах производил свои опыты, поднималась при этом на 20%; в то время, как нормальная крыса доживает едва до 30-ти месяцев, омоложенные крысы достигали 36-месячного возраста.

Приведенные данные позволяют установить тройное влияние половых желез на развитие ребенка. Мы видели, во-первых, что недоразвитие или отсутствие половой железы приводит к задержанному или неправильному развитию, вернее сказать, к недоразвитию.

Мы видели далее, что внутренняя секреция этих желез создает пол, т. е. все то в строении тела, в его функциях, характере и поведении, что составляет своеобразие мужчины и женщины. Достаточно пересадить мужскую половую железу кастрированной самке для того, чтобы переменить ее пол и в смысле поведения, и в отношении структуры тела.

Наконец в третьих, мы видели, что то или иное состояние половых желез определяет собой три основных возраста человеческой жизни: детство, зрелый возраст и старость. Поднятие деятельности внутренней секреции половых желез приводит к омолаживанию всего организма, т. е. возвращает организм из старческого возраста глубоко назад.

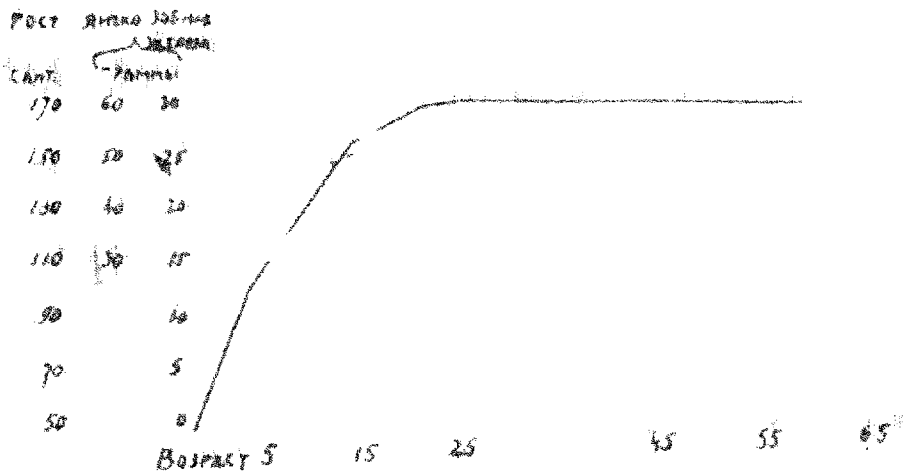
Все это, взятое вместе, достаточно ясно показывает, какое огромное влияние на всю жизнь организма оказывают половые железы. „Можно с положительностью сказать,— говорит проф. В. Е. Игнатьев,— что из всех систем, входящих в состав тела человека, ни одна не обнаруживает такого разнообразия и исключительного влияния на различные стороны организма, телесные особенности, равно и психические, как система половая, включающая как определенные внешние анатомические признаки, так и тот железистый аппарат, который характеризует мужской и женский пол“

Вот почему эпоха полового созревания, когда эта система становится в центр развития, есть время глубочайшего перестроения всего организма и всех сторон его жизни на новых началах, закладываемых созреванием половой системы.

Период полового созревания характеризуется глубокими изменениями в системе желез внутренней секреции, и это же является и лежит в основе всех явлений физического развития в эту переходную эпоху. Зобная железа, играющая огромную роль в общем развитии ребенка, в среднем, к 12-ти годам, т. е. к началу полового созревания слабеет начинает атрофироваться, уменьшаться в весе и перерождаться. Благодаря этому мозговой придаток, испытывающий угнетающее действие зобной железы, освобождаясь от этой задержки, начинает усиленно функционировать, в связи с этим находится энергичный рост подростка в высоту, особенно, рост нижних конечностей.

Деятельность гипофиза вызывает усиленное развитие половых желез. Схема на таблице № 2 показывает сложную зависимость существующую в период созревания между ростом тела, с одной стороны, и уменьшением веса зобной железы и увеличением веса половой железы, — с другой. При рождении вес зобной железы около 15 гр, при наступлении зрелости — около 40 гр, а после 40 лет только 10 гр.

Таблица № 2.

На абсциссе означен возраст в годах. Ординаты представляют рост тела в сантиметрах, вес яичка и зобной железы в граммах. Кривая представляет рост тела, ... вес яичка, и ... вес зобной железы (Из книги В. Е. Игнатова).

Изменения внутренней секреции в переходном возрасте лежат в основе всех особенностей физического развития в этот период. Но в центре всех изменений стоит развитие половых желез. Мы познакомились уже с разнообразными и глубокими изменениями в организме, вызываемыми деятельностью этих желез. Нам остается только показать, что самый факт полового созревания, т. е. совокупность всех изменений в структуре тела, связанных с половым, есть прямое следствие созревания половых желез.

В 13—14 лет у девочек и в 15—16 лет у мальчиков наступающая половая зрелость выражается в функционировании этих желез. Знаком чего у девочек является начало менструаций, а у мальчиков появление сперматозоидов в половой жидкости. К этому времени

увеличиваются и формируются внешние половые органы и появляются вторичные половые признаки. Появляются волосы на лобке, подмышками, у мальчиков — на лице. Пубертальным этот возраст называют от латинского слова означающего: покрываться волосами. Появление волос и считается знаком начала полового созревания.

Рост грудных желез у девочек, появление волосяного покрова на лобке и подмышками, изменение детского голоса у мальчиков и девочек, своеобразные у мальчиков и девочек изменения строения скелета, мускулатуры, кожи, обнаружение полового инстинкта в его различных формах, все это является частями общей картины полового созревания. Все то, что в подростковом мальчике или девочке обличает их пол во внешности, во внутренних процессах, в характере и поведении, все это является следствием внутренней секреции половых желез.

Тот период детства, который предшествует половому созреванию, некоторые авторы называют нейтральным детством, так как половая дифференцировка у мальчиков и девочек еще не выражена достаточно резко, или двуполым детством, так как черты обоеполюности в смешанном виде выражены у девочек и мальчиков. С наступлением полового созревания ребенок приобретает явные черты мужского и женского человеческого типа.

У животных, отчасти у примитивных народов стоящих на низшей ступени развития, вместе с наступлением половой зрелости заканчивается период детства. Не то у культурного человека. Его отделяет еще долгий период юности от окончательной зрелости, он отвоевал себе более длительное детство. [В связи с этим, половое созревание не совпадает у человека социаль-ной и культурно-психологической зрелостью, а также с завершением обще-органического развития. Социальные культурные условия требуют от подростка отсрочки. Между созреванием и функционированием инстинкта должен пройти известный срок.

Это создает самый серьезный и самый глубокий из всех конфликтов, которыми так богат этот критический возраст. Несовпадение различных сроков созревания, дисгармония в вызревании отдельных сторон организма и личности приводит к серьезному кризису, к серьезной внутренней борьбе, иногда к подлинной драме, которую переживает в той или иной форме и степени всякий подросток.]

Эта борьба, как всякая борьба, может кончиться поражением. Решающее значение при этом имеют внешние условия, в которых протекает эта борьба и которые могут сказать свое решающее слово в ту или другую сторону, и сама личность подростка, степень ее культурной воспитанности, сила ее социальных и творческих идеалов и установок. Очень часто выход находится в чрезмерно ранней половой жизни, иногда — в особых, ненормальных ее формах. Часто борьба оказывается затяжной и приводит к глубоким

осложнениям. И тот и другой случай должны рассматриваться, как перепопытка в развитии подростка, уводящие его с прямого пути, по которому оно должно идти.

Этот прямой путь развития, намеченный культурно-исторически развитием человека, есть путь сублимации, т. е. отклонения нервной энергии, связанной с половым инстинктом, от ее прямых целей и переключение ее на новые пути социально-творческой деятельности. Подобно тому, как один вид физической энергии может быть превращен в другой, энергия тепловая в электрическую, механическую, световую и т. п., подобно этому и нервная энергия распределяется неизменно и не связана необходимо с отдельными функциями и инстинктами.

Она может быть перераспределена, отвлечена, превращена в другие формы траты энергии. Отроческая и юношеская любовь есть самая естественная, созданная культурным человеком форма сублимации полового инстинкта человека в этом возрасте. Творческая деятельность (научная, художественная, общественная) есть другая форма того же процесса.

Было бы однако ошибкой видеть в творчестве подростка исключительно процесс сублимации половой энергии. Период полового созревания, как мы видели, сопровождается общим подъемом жизнедеятельности, общим усилением процессов развития, поднятием на высшую ступень всего поведения подростка. Творчество подростка и опирается на этот общий подъем жизнедеятельности, на общий органический усиленный рост всех функций и всех органов в этот период. Но к рассмотрению процессов сублимации с психологической стороны мы вернемся в следующей главе.

В очерке, посвященном психологии полового созревания, мы будем иметь случай подробно остановиться на проблеме любви в переходном возрасте и на взаимоотношении любви и полового инстинкта. Здесь мы хотели бы указать на то, что любовь берет начало в процессах созревания. Первым ее предвестником и основой является проявляющийся в эпоху созревания интерес к другому полу. Было бы ошибкой рассматривать любовь в переходном возрасте, как простой рефлекс полового инстинкта. Напротив, все что мы знаем, говорит о необычайной сложности как состава и структуры, так и процессов развития этого чувства.

Стенли Холл указывает на стремления „показать себя, как и вторую основу этого чувства. Все, что может выделиться и показать силу, ловкость, смелость ум у мальчиков, красоту и изящество у девочек начинает доминировать в поведении. С. Холл отмечает далее пять этапов, через которые проходит в своем развитии любовь: увлечение старшими, увлечение сверстниками, сопровождающееся отдалением, скрытностью и т. д. Для нас сейчас важна лишь отмеченная С. Холлом сложность этого процесса развития, изменчивость и многообразное преломление объектов влюбленности, вызревание отдельных элементов этого сложного комплекса, своеобразный инстинктивизм, в котором проявляется в особой форме все тот же по-

интерес к другому полу или реакция на неудовлетворенный интерес (гетеросексуальность у мальчиков и т. п.).

Подобно тому, как Фрейд пытается установить путем анализа состав частей влечений, образующих половой инстинкт, называя разделенные в детстве влечения к созерцанию, к самовыставлению и к жестокости, многие авторы пытаются указать сложность состава процессов любви путем перечисления элементов этого комплекса. Так Спенсер насчитывает девять таких элементов, Левенфельд три основных элемента. Но только определение сложной органической структуры любви может нас приблизить к научному пониманию этого процесса, который Молль называет переработанным в большом мозгу половым инстинктом.

Расхождение в половом созревании мальчиков и девочек сказывается в сроках созревания и в характере протекания этого процесса. Что касается сроков, мы уже говорили, что созревание у девочек начинается и оканчивается раньше чем у мальчиков. Можно было бы ожидать в связи с этим, что половой инстинкт девушек, созревающий в более раннем возрасте, обнаружит и более резкие проявления. На деле это не так.

„В силу чисто физиологических условий, говорит М. М. Рубинштейн, половой инстинкт обнаруживается у мальчиков скорее чем у девочек. У девочек это влечение вообще в прямом его виде очень долго молчит, тем более, что строение ее органов не дает такой явной возможности подметить и почувствовать половое возбуждение“

Как известно, самая структура полового инстинкта у женщины иная, чем у мужчины. Связь с деторождением и материнством значительно большее место занимаемое в связи с этим половым инстинктом в жизни женщины, своеобразии полового аппарата и половой функции женщины, — все это приводит к глубоким качественным отличиям в половом созревании девушки. В дальнейшем, касаясь половой жизни современной молодежи, мы должны будем указать на своеобразное протекание этой жизни и девушки.

В связи с этим половой инстинкт носит у девушек более диффузный, более разлитой, менее собранный и определенный характер. Подобно тому, как мы различаем первичные и вторичные морфологические признаки пола, следует и в физиологических и в психологических процессах, связанных с полом, различать первичные и вторичные функции. Созревание девушек и характеризуется усилением и богатством этих вторичных функций. „У девушек, говорит М. М. Рубинштейн, проявление прямого полового чувства в юности, особенно в отрочестве, встречается редко; оно принимает большей частью характер стремления ко всякого рода вторичным проявлениям и к сопровождающим моментам, как ухаживание, танцы, внимание всякого рода и т. д.“

Липман, посвятивший большое исследование половым различиям в детстве и переходном возрасте, устанавливает, как общий итог, повышенную ранимость девушки, по сравнению с мальчиками.

Это приобретает особенное значение в эпоху созревания — в эпоху начала менструации.

Эти расхождения в развитии мальчиков и девочек, особенно возрастающие к эпохе полового созревания, дали повод педагогикам выдвинуть идею раздельного воспитания обоих полов. Основная идея этого раздельного воспитания заключалась, во-первых, в приспособлении и всего учебного и воспитательного материала к своеобразии психологии мальчиков и девочек и их будущей роли в жизни, и во-вторых в стремлении обереечь детей и подростков от преждевременного пробуждения полового инстинкта и, связанных с ним интересов к другому полу и влечений.

Несостоятельность этой точки зрения была уже достаточно обнаружена и на практике и в теории. Изолированность, оторванность от другого пола приводила на деле к обратным результатам: к обострению половых проявлений, к выработке взгляда на лицо другого пола, как на сексуальный раздражитель, к отделению полового инстинкта от всех сложных психологических связей и образований, в которых он находит свое культурное продолжение и развитие, извращенное и преждевременно ранние формы его проявления. Многие педагоги, учитывающие это, высказываются за раздельное воспитание только в период полового созревания.

Но все доводы, говорящие против раздельного воспитания в детском возрасте, приобретают еще большее значение тогда, когда речь идет о подростках. Принципом совместного воспитания полов является учет всей полноты различий между подростками разного пола и использование этих различий, как основного средства полового воспитания. Половое воспитание и есть воспитание поведения по отношению к лицам другого пола. Оно невозможно вне совместного воспитания.

И Д. Гельман произвел в 1922 году анкету в одном из московских вузов, охватившую около 1600 человек. Эта анкета дает нам фактические сведения о характере и формах половой жизни современной молодежи. Путем сопоставления этих данных с данными других анкет, произведенных за границей среди буржуазного студенчества и в довоенные годы среди дореволюционного русского студенчества мы легко можем установить основные черты, характерные для нашей молодежи.

Мы приведем важнейшие данные, могущие осветить место переходного возраста в развитии половой жизни человека.

Первый вопрос — о времени появления первых половых ощущений — сразу обнаруживает то явление, с которым приходится весьма часто встречаться в истории полового созревания, и которое многие авторы называют диссоциацией сексуальной жизни. Дело в том, что так называемая сексуальная функция представляет на деле очень сложный комплекс функций — физиологических и психологических. Отдельные элементы этого сложного комплекса, отщепляясь от всего комплекса, опережают часто в своем развитии весь комплекс в целом, разобщаются с ним и начинают вести как бы самостоятельное существование.

Появление половых ощущений по трем группам.

	Анкета Гельмана	Мужчины в %/о	Девочки в %/о	в сего	Анкета д-ра Жбанкова	Бреславль- ская анкета
					Женщины в %/о	Мужчины в %/о
I группа чрезвычайно ранних половых ощущений	от 5 - 10 л.	15,2	14,6	15,1%	25%	26,9%
II группа ранних половых ощущений	от 10—15 л.	32,6	23	30,9%	37	47,7%
III группа современных половых ощущений	от 14 лет и свыше.	52,2	62,4	54%	38	25,4%

Подобная диссоциация элементов полового созревания явно обнаруживается в том обстоятельстве как показывает приводимая таблица около половины всех мальчиков пережили первые половые ощущения до 14 лет, т. е. до начала полового созревания. У девочек раннее наступление этих переживаний отмечается в 37,6%. Если сравнить эти данные с данными анкеты доктора Жбанкова, проведенной среди курсисток московских высших женских курсов перед самым началом мировой войны и анкеты доктора Мейровского, проведенной во время войны среди студентов и врачей в Бреславле, можно констатировать более позднее проявление половых ощущений среди советской молодежи. Эта разница, говорит И. Д. Гельман, может обуславливаться только различиями в социальном составе опрашиваемых. Трудовая среда дает меньше возбуждающих импульсов, чем среда буржуазная.

Анкета подтверждает мнение о чрезвычайной распространенности онанизма. У девочек отмечается в большем числе случаев ранний онанизм, у мальчиков реже можно констатировать столь раннее начало, но в общем среди них онанизм более распространен, чем среди девочек. У мальчиков — больше чем 70% всех случаев начала онанизма падает на период полового созревания (13—18 лет). У девочек — только около 50%. Общее число занимавшихся онанизмом по московской анкете 52,8% — у мальчиков и 14,8 — у девочек. Сравнительные данные приведены в таблице.

* Анкета указывает далее на чрезвычайно раннее начало половой жизни (первое половое сношение) почти у половины мальчиков: 41,5% всех мальчиков начало половую жизнь до 16 лет. По дан-

ным бреденбургской анкеты только около 10% начали половую жизнь до 16 лет. У женщин только 12,6% начали половую жизнь до 16 лет.

Таблица № 4.

Распространенность онанизма.

	Анкета Гельмана.		Бреденбургск. анкета в %.	Мюнхенская анкета в %.	Харьковское общество 1903 г. в %.	По данным Соинга.	
	Мужчин в %.	Женщин в %.				Средний возраст мужчин в %.	Средний возраст женщин в %.
Занимался онанизмом	52,8	14,8	80	73,4	64,1	52	93
Не занимался онанизмом	47,2	85,2	20	26,6	35,9	48	7

Интересно сопоставить эти данные с временем наступления половой зрелости. 78,3% первых менструаций, указывающих на завершение полового созревания, падают на возраст между 13—16 годами. Первые половые ощущения 18,2% появились одновременно с первой менструацией; в 29,8% они опередили начало менструаций на разные сроки от 1 до 10 лет; в 52% они наступили позже начала менструаций. Начало онанизма в 59,3% опередило начало менструаций; в 7,4% совпало с ним; в 33,3% появилось позже него.

Таблица № 5.

Начало онанизма.

На каком году.	Анкета Гельмана.		Бреденбургск. анкета.
	Мужчины в %.	Женщины в %.	Мужчины в %.
13 л.	7,6	1,8	10,8
14	12,9	7,8	20,1
15 "	17,8	6,8	21,1
16 "	15,4	5,8	11,5
17 "	10,1	2,0	5,0
18 "	8,6	11,5	5,7

Только в 3,7% всех случаев любовь показана, говорит автор, как фактор, приведший к первому половому сближению. В подавляющем большинстве случаев любовь не обеспечивает этой новой и важной ступени в жизни человека. Это ничтожное значение любви в жизни современной мужской молодежи является чрезвычайно тяжелым фактом, порожденным социальными моментами, связанным с самой структурой буржуазного общества. Нельзя отказать этому толкованию в справедливости, если принять во внимание, что на вопрос с кем произошло первое половое сношение, только 3,7% ответили: с женой или с любимой девушкой.

Но тот же факт предстанет нам с другой стороны—со стороны психологической—если мы снова возвратимся к ответам на предыдущий вопрос. Только 0,4% мужчин называют любовь, вызвавшим первые половые сношения, в то время как 61,0% женщин называет тот же мотив. Различие разительное, не могущее быть объясненным случайностью и говорящее о глубокой разнице во всей психологии полового созревания мальчиков и девочек. Еще одно красноречивое сопоставление: в то время что среди мальчиков 52% ссылаются отвечая на этот вопрос, на внутренние побуждения (разумеются—стимулы органического характера), девушки только 18,1% назвали тот же мотив.

Здесь чрезвычайно любопытны два момента. Первый заключается в огромном месте, которое у мальчиков занимает среди факторов приводящих к первому сближению, внешние побуждения. Автор совершенно прав указывая, что и ссыла на так называемые внутренние самопроизвольные побуждения часто указывает просто на неумение проследить влияние внешних факторов на внутреннюю жизнь человека, ибо естественно сам собой возникает вопрос, под влиянием чего появилось внутреннее побуждение. Таким образом, роль внешних факторов еще больше, чем показывают цифры.

Таблица №

Начал пубертета.

На каком году	Анкета Гельмана.		Анкета высших женских курсов.	Бреславль- ская анкета.
	Мужчины в	Женщины в %	Женщины в %	Мужчины в %
От 5—10	9,1	34,8	41	10,8
От 11—14	31,0	39,0	33	45,8
От 15 и выше	59,9	36,2	26	44,4

Таблица № 7

Время первого полового сношения.

На каком году	Анкета Гельмана.		Бреславль- ская анкета	Московская анкета.
	Мужчины в %.	Женщины в %.	Мужчины в %.	Мужчины в %.
От 5-13	7,2	2,9	—	11,9
От 14-16	34,1	9,7	9,9	39,2
От 17-25 и позже	58,7	87,4	90,1	48,9

На второй момент указывает сопоставление с меньшей частотой того же мотива у девушек и с огромной частотой ссылки на любовь. „Это господство психического фактора, заключает автор, является для внутреннего мира женщины чрезвычайно характерным“. С другой стороны роль чисто физиологических побуждений, взятая вне внешних влияний, значительно меньше, чем у мальчиков. Это вполне совпадает с тем, что мы знаем о характере сексуальных импульсов у девушек. „Половая потребность, настойчиво стучащаяся и требующая своего удовлетворения, в жизни женщин сравнительно редко достигает такой законченности и определенности, как в жизни мужчин“. Во всяком случае это различие несомненно проявляет себя в пору полового созревания и ранней зрелости.

Таблица № 8

Время первого полового сношения.

На каком году	Анкета Гельмана.		Бреславль- ская анкета.	Московская анкета
	Мужчины. в %.	Женщины в %.	Мужчины в %.	Мужчины в %.
13 л.	3,4	0,6	—	—
14	6,1	—	1	9,6
15	9,7	0,6	1,5	7,4
16	19,0	9,1	6,2	22,2
17	19,1	11,9	8,8	9,9
18	17,3	19,4	13,5	8,6

Таблица № 9.

Время появления венерических заболеваний.

В 11 л.	2,8%	В 15 л.	16,3%	78,3%
„ 12 „	6,9%	„ 16 „	17,8%	
„ 13 „	18,5%	„ 17 „	20%	
„ 14 „	25,7%	„ 18 „	2,2%	
		„ 29 л. и больше	0,9%	

Мы не станем приводить дальнейшие результаты этой анкеты, так как они не позволяют выделить характерные для переходного возраста моменты. Отметим только незначительное количество венерических заболеваний, падающих на эти годы, и случайность источников ознакомления с половой жизнью. Упомянем еще об общем выводе, который делает автор из анализа всей картины половой жизни современной молодежи, как ее рисует анкета. Три момента отразились в этой картине. „Вся половая жизнь буржуазного общества отразилась в ней, как в зеркале, повторив в ней все свои уродства, преступления, и гримасы“. Второй момент — это влияние нового класса и его идеологии, новых человеческих отношений, складывающихся у нас.

Таблица № 10.

Год заражения венерическими болезнями.

вычислен по отношению к общему числу больных венерическими болезнями

М у ж ч и н ы.	
Г о д.	%
15 л.	0,1
16	3,8
17 „	5,8
18 „	16,6

„Это влияние сказалось в нашей анжете, говорит автор, на меньшей частоте онанизма, на более раннем начале половой жизни, на более свободных отношениях между полами, на меньшем пользовании проституцией, меньшем количестве венерических заболеваний,

на меньшей психической развращенности, на отсутствии элемента романтизма и мистической идеализации половой жизни". И, наконец, третий момент, третье влияние, отразившееся на картине половой жизни современной молодежи, — это влияние той общей переоценки всех ценностей, того общего сдвига идеологии, того переобразования всего мировоззрения и мироотношения, которое принесла с собой революция и которое не могло не коснуться и сексуальной жизни. Отход от старой половой морали, поиски новой, отсутствие новых норм, связанных с этим часто половой нигилизм, упрощение и решение за свой страх общих вопросов характеризует это состояние.

В заключение следует отметить, что анкета эта несомненно устарела (1922 г.) как показывают отдельные не столь широко охватывающие исследования аналогичного типа. Было бы в высшей степени интересно проследить изменения, происшедшие в половой жизни современной молодежи за эти годы, но эта работа к сожалению еще не проделана.

Таблица № 11.

Источники ознакомления с половой жизнью человека.

	В %.	
	Мужчины.	Женщины.
От родителей	1	4,0
учителей	1	2,4
Из книг	24,4	39,5
От товарищей и друзей	33,3	24,4
случайных людей	12	20,3
Из разных источников	26,6	8,3
От врача, лекций и выставок		0,4
„ мужа		0

Половое созревание наступает в разные сроки. Мы знаем уже, что процесс развития есть в высшей степени сложный процесс, обусловленный многими факторами. Поэтому он никогда не совершается с регулярностью исправного часового механизма, и отдельные по экспортному возрасту находятся часто по своему реальному педологическому возрасту на разных ступенях. Это значит,

что они в своем развитии достигли различных уровней, находятся в различных фазах. Одни опередили, другие отстали. То же самое верно и в отношении полового созревания.

Таблица № 12.

Распределение стадий созревания по годам
(по данным Кинга Иранинга).

Средний возраст.	Несозревшие.	Созревающие.	Зрелые.
12,75	69 %	25 %	6 %
13,25	55 %	26	18
13,75	41	28	31
14,25	26	28	46
14,75	16	24	60
15,25	3	20	77
15,75		10	85
16,25	2	4	98
16,75	1	4	95
17,25	0	2	98
17,75	0	0	100

Мы приводим ниже две таблицы, которые наглядно показывают как распределяется по возрастам половое созревание. Мы видим что этот процесс не всегда еще заканчивается к 20 годам, но часто завершается уже в 16 лет. Мы видим, что подростки одного и того же возраста находятся в трех различных фазах своего развития: одни созрели, другие находятся в процессе созревания, для третьих процесс созревания еще не начался.

Задержка полового созревания означает обычно и общую задержку в развитии подростка. И. А. Арямов на основании своих исследований констатирует задержку в половом созревании современного рабочего подростка, как чрезвычайно распространенное явление. Он высказывает предположение, что задержку полового развития нужно искать в воздействии внешней среды, в характере работы подростков школы. Достаточно напряженная физическая

(производственная) работа несколько задерживает половое развитие, стимулируя при достаточном питании общее развитие. Но только специальные исследования могли бы более убедительно обосновать это явление.

В частности, те же исследования И. А. Арямова обнаружили тесную связь между задержкой полового развития и школьной неуспеваемостью. Несмотря на значительный возраст исследованных неуспевающих учащихся (15—21 год), среди них оказалось 36,4% несозревших в половом отношении. Несозревших в школе — в 2 раза меньше (19,0%), а среди хорошо успевающих в 4 1/2 раза меньше (8,3%). То же обнаруживают и приводимые ниже данные Кинга Ирвинга, исследовавшего около 5000 американских подростков.

Таблица № 13.

Стадии полового созревания и школьная успешность (по данным Кинга Ирвинга).

Незрелые девочки	12 1/2 — 13	лет	дани	57%	хор. успеж.
Созревающие и созревшие	12 1/2	13		69%	" "
Несозревшие девочки	13 — 14 1/2	"	"	80%	" "
Созревающие и созревшие	13 — 14 1/2	"	"	80%	" "
Несозревшие мальчики	14 — 14 1/2	"	"	58%	" "
Созревшие и созревающие	14	14 1/2	"	72%	" "

Таблица № 14.

Распределение стадий созревания по годам по данным И. А. Арямова.

В е а р а с т	Отсутствие вторичных половых признаков.	Не вполне созревшие.	Вполне созревшие.
15 л.	25%	1,3%	43,7%
16	21,4%	3,3%	45,6%
17	19%	2,9%	52%
18	—	21,2%	78%
19	—	11,1%	88,2%
20	—	5,5%	94,5%
21	—	—	100%

В половом созревании почти все авторы различают 3 стадии. Бидль ставит их связь с изменениями в системе желез внутренней секреции. Он различает: 1) предгипертальную стадию, характеризующуюся усиленной деятельностью гипофиза и щитовидной железы, стимулирующих рост половых желез; 2) стадию созревания, характеризующуюся борьбой между развивающимися половыми железами, с одной стороны, и гипофизом и щитовидной железой, на которые половые железы действуют тормозяще, с другой; 3) стадию зрелости, характеризующуюся окончанием борьбы и доминированием половых желез во всей эндокринной системе.

Необязательная литература для углубленной проработки задания.

1. М. М. Рубинштейн и В. Е. Игнатьев. Психология, педагогика и гигиена юности. Изд. „Мир“. Москва, 1926 г. Ц. 2 р. 40 к.—ч. I: Гигиена периода полового созревания.

2. И. Д. Гельман. Половая жизнь современной молодежи. Изд. II. Гос. Изд. 1925 г. Ц. 70 к.

3. К. П. Веселовская. Педагогические основы полового воспитания. „Раб. Просв.“.—Москва, 1926 г. ц. 60 к.

4. Б. И. Завадовский. Проблемы старости и омоложения. Изд. „Красная новь“—Москва, 1923 г.

Темы для контрольных работ к заданиям № 5-6.

Ответьте в письменной форме на следующие вопросы и мотивируйте ваши ответы:

1. Что такое несоответствие трех точек созревания, как оно объясняется, и почему этот факт может рассматриваться, как источник главных особенностей и своеобразия переходного возраста.

2. Опишите важнейшие анатомо физиологические особенности переходного возраста.

3. Каковы важнейшие изменения в нервной системе, совершающиеся в период полового созревания.

4. Что такое железы внутренней секреции; какова их роль в процессах детского развития; какие важнейшие изменения в системе внутренней секреции происходят в период полового созревания.

5. Каковы важнейшие особенности полового созревания у мальчиков и девочек, и чем они вызываются.

6. Каковы педагогические основания совместного воспитания полов.

ГЛАВА VII.

ПСИХОЛОГИЯ ПОЛОВОГО СОЗРЕВАНИЯ.

Содержание задания.

Три стадии полового созревания. — Теория Шпангера. — Две стороны в психологии полового созревания. — Эротическое и сексуальное, их объединение. — Метафизический дуализм, как основа этой теории. — Половая доминанта, ее соматические и кортикальные компоненты. — Теория Фрейда — Детская сексуальность, вытеснение, сублимация. — Критика теории Фрейда. — Положительная и отрицательная сублимация. — Истинное происхождение детской сексуальности. — Детский половой паразитизм. — Несовпадение трех точек созревания, как динамическая основа структуры личности подростка в переходный период. — Психология полового созревания, как основа полового воспитания. Обратное влияние корковых компонентов на половую доминанту — Проблема личной этики.

План проработки задания.

- 1 Составьте конспект этого задания, охватив и дополнительную литературу, если вам удастся ее проработать.
2. Уясните себе, как одни и те же факты психологии полового созревания (напр., влюбленность подростков, гомосексуализм, онанизм и др.) по-разному освещаются теорией Шпангера и Фрейда.
3. Проанализируйте с точки зрения изложенной в тексте теории систему полового воспитания, применяемую в вашей школе.
4. Сопоставьте, пользуясь собственными наблюдениями и опросом, важнейшие моменты в психологии полового созревания мальчиков и девочек.

В психологии полового созревания мы можем различить три стадии, которые соответствуют трем стадиям физиологического процесса созревания. Эти стадии Бидль различает в зависимости от того, какие железы внутренней секреции занимают главенствующее положение в каждый из этих периодов. Последовательность в развитии этих желез обуславливает порядок наступления стадий и их сроки. Первая стадия, которую мы могли бы назвать предпубертальной, характеризуется господством гипофиза и щитовидной железы, которые своим совместным действием способствуют быстрому росту зачатковых желез. Во вторую стадию, которая является стадией созревания в собственном смысле этого слова, происходит борьба между разившейся в предшествующую стадию активностью зачатковых желез — с одной стороны и щитовидной железой и гипофизом — с другой. И только с окончанием этой борьбы

наступает стадия половой зрелости, когда половые железы выдвигаются в центр, занимают господствующее положение на весь период зрелой жизни человека и являются руководящей железой во всей эндокринной системе. С наступлением половой зрелости, говорит М. С. Маслов, гормон половых желез ведет основную мелодию в эндокринном концерте и сохраняет ее до старости".

Также точно в процессе полового созревания с психологической стороны многие авторы различают подготовительный период, критический период и период функционального усовершенствования, которые в сфере психологической соответствуют этим трем моментам. Мы видим, таким образом, что нельзя весь период полового созревания взять за одни скобки и рассматривать как единое целое.

Внутри самого этого периода отчетливо намечаются различные волны, подъемы и падения, из которых каждой принадлежит свое особое место в общей системе развития организма. Это деление полового созревания на отдельные стадии сказывается не только по отношению к процессу созревания в целом, но и по отношению каждой отдельной его части. Везде, какой бы момент созревания мы не взяли, мы найдем тот же самый сложный путь вызревания, проходящий через три основных поворотных пункта. Это деление на стадии следует иметь в виду для правильного понимания всего дальнейшего изложения психологии полового созревания. Это последнее требует ознакомления с важнейшими современными научными теориями, которые по этому вопросу высказаны в научной литературе. Мы ограничимся критическим рассмотрением двух теорий, занимающих господствующее место в современном учении о переходном возрасте — теории Шпрангера и Фрейда.

Шпрангер исходит в своей теории из различения эротического и сексуального в психологии полового созревания. Основным положением всей его теории является то, что следует различать эротическое и сексуальное, как две несовпадающие друг с другом стороны единого процесса созревания. Разделение это не совпадает для Шпрангера с различием психологической и физиологической стороны созревания. Физиологическую сторону он исключает вовсе из своего рассмотрения и в самой области психологии полового созревания все же находит нужным разделить оба эти момента. Несмотря на это, основное для этого автора дуалистическое различение души и тела дает себя знать и в этом различении обоих моментов.

Согласно определению Шпрангера, сексуальным он называет все то, что непосредственно связано с половым желанием, удовольствием и стремлением, все половые переживания, основу которых составляют телесные, чувственные возбуждения. Напротив, эротическими считает он те переживания, для которых характерно эстетическое отношение к объекту. Это — говорит он — есть в совершенно подавляющей части душевная форма, любовь, имеющая в основе эстетический характер.

Особенностью переходного возраста является то, что оба эти момента разделены. Процесс созревания и заключается в том, что оба эти момента объединяются, и их совпадение является основной чертой зрелого возраста. Если взять подростка, то полная эротизация его эротических переживаний привела бы и приводит на деле к жестокому конфликту, разочарованию, иногда потрясенному, полная же эротизация сексуального момента в этот период оказывается совершенно невозможной, что, по мнению Шпрангера, указывает на недостаточную еще зрелость сексуальной стороны. Шпрангер характеризует эрос как любовь к прекрасному, которая одновременно приводит к самовозвышению самого испытывающего эту любовь. Он ссылается на Платона, приводя его образное определение, гласящее, что эрос окрыляет душу.

Характерной особенностью этих переживаний является их недифференцированность. они могут относиться к людям того же пола, они могут быть направлены на людей гораздо более старшего возраста. Этот характер неспециализированного порыва, общего устремления все же имеет своими границами и своим содержанием то, что Ницше назвал витальными ценностями и что вслед за ним Бергсон, Зиммель и Шпрангер обозначают тем же термином.

Ощущение силы и красоты жизни раньше всего в объекте, на который направлено эротическое переживание, а затем и в самом себе составляет основу этого переживания, в чувствование в другого, симпатия, обожание, возникающая на этой основе дружба, все это приводит часто к тому, что называется обычно общей идеализацией, свойственной этому возрасту. В этом же возрасте, благодаря такой недифференцированности основного эротического стремления возникает кажущийся гомосексуализм, влюбленность, направленная на лиц того же самого пола, но которая по существу не является конечно, влюбленностью в сексуальном смысле этого слова. Лучшую характеристику того, что Шпрангер называет эротическим, дают слова немецкого поэта Грильпарцера, который рисует это состояние так „В эту эпоху мы любим только образ, который рисует наша фантазия; девушка, о которой мы думаем, что мы любим ее, есть только полотно, на которое краски наносит наше воображение. Я однажды слышал от кого-то (а может быть это был я сам), что он влюблен, но еще не знает в кого. Я никогда не слышал ничего, что было бы более верным и более характеризовало бы подростка“.

Вот это состояние ненаправленной, недифференцированной, нефиксированной на объекте влюбленности и имеет в виду Шпрангер, когда характеризует развитие эротического стремления в эти годы. Могло бы показаться, что оно совпадает для Шпрангера с любовью в психологическом смысле этого слова, но Шпрангер исключит нужным резко разграничить оба эти понятия. „Я не верю“, говорит он, — чтобы в эти первые годы развития могла возникнуть настоящая, большая и истинная любовь. Для этого подросток слишком еще поглощен самим собою, для этого разделение двух

его влечений; его стремления к душевному соединению и стремления к полному соединению всей духовной и телесной личности — велико еще в эту пору»

Поэтому само по себе эротическое неспособно еще в первые годы созревания вырастить настоящую большую любовь. Эротическое — дает только видимость любви, это, как мы уже говорили, влюбленность, которая не нашла еще своего объекта.

Другую линию в психологии полового созревания образует сексуальное. Но, как мы уже говорили сексуальное для Шпрангера не совпадает с физиологической стороной созревания. Он говорит все время о психологии и только о психологии, но и в психологии, в поведении и переживании он также находит нужным эту вторую линию развития проследить особо. Даже говоря о сексуальных переживаниях и реакциях он утверждает, что их нельзя вывести из физиологии, как зависимую величину; он обвиняет Фрейда в психологическом материализме на том основании, что последний пытается рассматривать половое созревание, как основной определяющий фактор этого возраста, а все психологические явления, связанные с этим возрастом, рассматривает, как надстройку, возвышающуюся над этой основой.

Шпрангер полагает, что в этом отношении Фрейд идет сходным путем в области психологии, с тем, каким шел Маркс в области истории, пытаясь найти независимое, переменное, к которому все остальное могло бы быть сведено, как зависимая функция или надстройка. Но, по его мнению, ошибка именно заключается в том, что этому положению Фрейд придает не только онтологическое, но и онтогенетическое значение, именно он утверждает, что сексуальное появляется раньше, а эротическое позже, что психологическая, душевная сторона любви возникает в онтогенезе только после того, как процесс физиологического созревания уже совершился в своих главных частях.

Таким образом, говорит Шпрангер, в этой теории психологические изменения рассматриваются только, как рефлекс сексуального и эту теорию, которую как и всю психологию Фрейда часто называют психологией глубин, Шпрангер оценивает, как просто поверхностную психологию. Его исходной точкой является дуализм в психологии полового созревания. Он говорит, что нет других научных путей познать и понять психологию подростка, как различать два генетических пути, которые являются одинаково первоначальными и независимыми друг от друга, и которые в конце концов приводят к объединению эротического и сексуального момента, завершая тем самым весь процес полового созревания.

Поэтому, Шпрангер останавливается подробно на характеристике сексуального момента в поведении и переживании подростка. Раньше всего он указывает на то, что этот момент является подлинной революцией, которую созревание вызывает в психике подростка. Нельзя преувеличить того потрясения, которое с этим связано. Подросток открывает в себе совершенно новую сторону

Приблизиться к пониманию этого открытия и тех результатов, которые оно вызывает, по мнению Шпрангера, можно только, если представить себе, если вообразить, как на нас должно было бы подействовать, если бы после многих лет спокойной жизни мы однажды нашли в себе нечто такое, что сразу представило бы нас в совершенно новом и чуждом свете.

Сексуальное, таким образом, врываясь в переживания и поведение подростка вызывает в нем подобного рода потрясение, отчуждение от самого себя и глубокие изменения всей душевной его установки. Самые формы сексуальных переживаний и поведения Шпрангер сводит к трем основным моментам. Во первых он различает сексуальные интересы, которые направлены на все то, что связано с сферой половой жизни, которые в различной степени связываются с умственными интересами и превращаются в них, но которые имеют конечно гораздо более глубокие корни в самом факте полового созревания. Эти интересы, как бы они глубоко не были укоренены в инстинкте, следует отличать от сексуальных желаний и стремлений в собственном смысле слова, которые стоят на другом полюсе этой же самой линии развития. И система переживаний, и система реакций, в которых проявляются эти последние, глубоко отличаются от той формы, в которой проявляются сексуальные интересы. Это второй момент в сексуальном развитии подростка.

Среднее место между тем и другим занимает фантазия, которая обслуживает как интересы, так и желания в этой сфере. Но как мы говорили уже, самым характерным для всего этого возраста Шпрангер считает тот факт, что сексуальное совершенно лишено эротических моментов, и во всех трех формах своего проявления (интересах, фантазии и желаниях) наглухо отделено от того общего состояния беспредметной влюбленности, которое характеризует эротическую линию в развитии подростка. Как правило, говорит Шпрангер, объект эротических и сексуальных переживаний в переходном возрасте различен. И это несовпадение объекта, на который направлено то или другое стремление, является только внешним выражением того разделения обеих генетических линий, в котором Шпрангер видит центр всей психологии полового созревания.

В самом деле, это последнее положение Шпрангера находит фактическое подтверждение в целом ряде документов, дневников и, в частности, отмечается и русскими исследователями на основе имеющихся у них материалов. Так, М. М. Рубинштейн в „Психологии, педагогике и гигиене юности“ приводит чрезвычайно яркую иллюстрацию из имеющихся в его распоряжении дневников этого факта разделения объектов эротической влюбленности и сексуальных желаний.

„Вся сущность в том, говорит этот автор, что в этой юной любви прямое половое влечение не только не находит себе места, но от него юность решительно отделяется. В моих руках имеется дневник 16-летнего юноши фельдшерской школы, представляющий документ совершенно неслыханного хвастливого разврата самого циничного

своих не только автора его, но и значительной части его соотечественников. Что в нем описывается не преувеличенная действительность, это подтверждали многие педагоги этой школы с интернатом.

И вот, среди всякого рода мерзости, которую описывает автор в своем поведении и в поведении его товарищей попадаются отдельные места, в которых он от суеты похвальной распушенности обращается к мысли о девушке, которой он увлечен, и эти мысли дышат совершенно иным духом. Они напрасны под емой, мыслью о чистоте, о будущей совместной жизни, бесследно исчезают не только площадные выражения и описания, заполняющие дневник в других местах, но автор описывает свою драку и смертельную вражду с одним из молодых людей, позволивших предположить половую связь у автора дневника с этой девушкой“

То, что в этом случае проявляется в таком резко преувеличенном виде, в случаях нормального развития по мнению Шпрангера всегда позволяет даже в неформившихся зачатках эротических и сексуальных стремлений все же ясно различить обе эти линии, которые идут одна независимо от другой.

Но второй характерной особенностью переходного возраста является то, что обе раздельные генетические линии в психологии полового созревания обнаруживают явную тенденцию к соединению. Именно в этой тенденции проявляется основная динамика всего возраста. С достижением этой точки, по мнению Шпрангера, период созревания находит свое окончание.

Целый ряд психологических моментов может обнаружить эту тенденцию. В качестве примера можно привести иногда вспыхивающую ревность в стадии эротической влюбленности, которая ясно указывает на то, что эта линия в развитии подростка сближалась, а отчасти и совпала уже с линией его сексуального развития. Но и в этом соединении не происходит отождествления одной и другой стороны. Шпрангер отказывается рассматривать психологическую сторону полового созревания, как простой рефлекс сексуальности. „Но и телесное, говорит он, в наших глазах, не является просто надшим ангелом в его земном воплощении, но мы утверждаем, что в целокупности души обе стороны — идеально-эротическая и чувственно-сексуальная являются одинаково первоначальными“ Эротика и сексуальность стремятся к соединению при нормальном развитии подростка, потому что по своей сущности они представляют собою одну и ту же вещь, но только переживаемую с двух разных сторон или под двумя различными атрибутами.

„Итак, говорит автор, эротическое не является функцией сексуального, как и сексуальное не является функцией эротического. Оба принадлежат по своему генетическому смыслу к одной и той же сфере переживаний, они оба дифференцируются из единой основы. Некоторое время они идут по различным линиям для того, чтобы соединиться в высшем пункте расцветающей жизни. Иначе нельзя себе представить их взаимной направленности друг на друга“.

Эта теория таким образом при всем своем дуалистическом характере не только вовсе склонна отрицать взаимодействие и связь обеих этих моментов. Напротив, как мы уже говорили, весь смысл периода полового созревания с этой точки зрения заключается в том, что обе эти линии пересекаются в одной точке. Шпрангер признает также все те факты, говорящие в пользу связи творческих, психо-логических процессов с моментами сенсоральными, на которых строит Фрейд свою теорию. Он согласен, что язык фактов сам будто бы говорит в пользу признания зависимости психологической жизни от сексуальной.

Великие духовные создания, как правило, возникали всегда в период эротических возбуждений, „всякое создание это молчаливое обручение, всякое произведение—несомненное посвящение“. Но всем этим фактам дуалистическая теория дает другое толкование. Она утверждает, что все они возникают именно из этой духовной стороны любви, из той беспредметной влюбленности, которая всегда была направлена в сферу идеала к вечно недостижимому, вечно женственному. „И это все, спрашивает Шпрангер, мы должны понять, как превращенное влечение, возникающее из либидо?“

Такова, в самых кратких чертах, эта первая теория. Верное зерно, заключающееся в ней, состоит в признании сложного характера психологии полового созревания и в отрицании чисто механического, автоматического обнаружения сексуального в психологической сфере. Утверждение, что существует более сложное отношение между обеими линиями развития и в генетическом и в структурном отношении, несомненно, составляет преимущество этой теории перед теорией Фрейда, но при всем том самая эта теория построена на ложной основе. Идеалистический дуализм, т. е. признание душевной и телесной стороны развития за два самостоятельных изначальных и несводимых к единству начала, как мы говорили уже в одном из первых наших очерков, является исходной точкой Шпрангера.

В данном случае он только с завидной последовательностью проводит свою основную идею, желая показать, что все решительно в развитии человека двойственно: телесное вырастает из телесного, духовное возникает из духовного, то и другое является одинаково изначальным, одинаково самостоятельным. Ни одно из них Шпрангер не соглашается принять за первичное и основное для того, чтобы другое объяснить как зависимое переменное.

Мы приводили уже в одном из первых наших очерков самое убийственное возражение, которое может быть сделано против этой теории и которое в немецкой литературе развил К. Бюлер. Напомним его.

Приводя положение Шпрангера, утверждающего, что деятельность желез внутренней секреции не может нам ничего объяснить в психологии полового созревания, К. Бюлер ставит вопрос: но что говорят нам случаи направленного развития, те случаи, когда деятельность половых желез включена у кастрированных животных, у людей с нарушенным развитием этих желез. Разве тогда не исчезает и

в психологической сфере совершенно чисто и полностью вся та система переживаний и реакций, которую Шпрингер изображает, как влательно-эротическую сторону полового созревания? Разве один этот факт не говорит с неутралимостью логического довода, словно нарочно оборудованный природный эксперимент, что в данном случае ипачеальной, определяющей причиной является действительно чисто телесный процесс созревания зачатковых желез, а вся психологическая сторона является в действительности, хотя и не автоматическим рефлексом этого процесса, а сложным, имеющим собственный генезис и собственную структуру, но все же зависимым процессом?

По этому поводу у нас есть блестящие экспериментальные данные, полученные на животных факты, которые могут лечь в основу физиологической теории полового созревания. Эти данные устанавливают с несомненностью одно основное положение, — именно зависимость всей нервно-психической стороны сексуального созревания от основного момента: созревания желез.

При изучении доминанты проф. Ухтомский установил следующее основное положение: всякая вообще доминанта, в том числе и доминанта половая, которая им была основательно изучена, скрывает за собою возбуждение целого созвездия центров. В такой целостной доминанте надо различать ее кортикальные и соматические компоненты, т. е. образующие ее части, заложенные в коре полушарий большого мозга и в теле. Но основной закон деятельности доминанты заключается в том, что однажды пережитая доминанта может восстановиться только по своим кортикальным компонентам

Но эти кортикальные компоненты являются моментом производным и зависимым, моментом, который приобретает самостоятельное значение раз он уже возник, но сам по себе возникнуть не может. Перемещение центра тяжести доминанты говорит проф. Ухтомский, к ее кортикальным компонентам и способность доминанты восстанавливаться по ее кортикальным компонентам сказывается особенно ясно на так называемых инстинктивных актах. Возбудимость полового аппарата у жеребца прекращается навсегда после кастрации, если до кастрации жеребец не испытал coitus. Половая доминанта тогда просто вычеркнута из жизни животного. Но если до кастрации coitus был испытан и кора успела связать с ним зрительно обоим телесные и соматические впечатления; половое возбуждение и попытки ухаживания будут возобновляться в мерине при приближении к кобыле. Эндокринные возбудители доминанты исчезли, но она все же может восстанавливать свои соматические компоненты чисто нервным путем, рефлекторно, по кортикальным компонентам⁴.

Аналогичные результаты были получены и при наблюдении патологических случаев у людей. И здесь соматический момент оказался первичным и решающим, а момент нервно-психический вторичным и зависимым. И, наконец, чрезвычайно яркие опыты с экспериментальным изменением деятельности половых желез, как например, при искусственной перемене пола у животных, которая всегда

сопровождалась и изменением нрава (например у курицы, превращенной в петуха), и опыты с омолаживанием разными способами доказывают то же самое положение.

Таким образом, не говоря уже об общей зависимости всех психических явлений от соответствующих нервных процессов, даже самое соотношение соматического и кортикального момента в половом созревании обозначается Шпрангером неправильно. Мы должны оговориться, для того чтобы избежать ложного понимания. Меньше всего все эти факты, на которые мы указываем, и самое физиологическое исследование, которое приобрело эти факты, говорят в пользу того, что психология полового созревания должна рассматриваться исключительно как автоматический рефлекс сексуальностей.

В свое время, рассматривая критически теорию З. Фрейда, мы постараемся показать неправильность и этой точки зрения. Отношение между корой головного мозга, органом, определяющим всю нервно-психическую жизнь, и половым аппаратом человека, оказывается неизмеримо более сложным, чем это предполагал Фрейд, в частности и сама кора головного мозга оказывает чрезвычайно сильное влияние на генитальную систему.

Мы увидим далее, что все своеобразие переходного возраста огромной степени именно и заключено в этом своеобразном взаимодействии коры головного мозга и генитальной системы. Недаром Циген указал, что все изменения этого возраста должны быть в равной мере приписаны созреванию коры головного мозга, как и созреванию половых желез. Но при всем том одно остается совершенно несомненным, обе стороны полового созревания — соматическая и психологическая, не являются, как это утверждает Шпрангер, одинаково изначальными, одинаково независимыми.

Неверным является и второе положение, что эти, одинаково независимые, изначальные и самостоятельные моменты в конечном счете приводят к полному совпадению. На самом деле и у зрелого человека наступает известное сложное взаимоотношение между обеими линиями, которое, однако, никогда не превращается в полное слияние. Таким образом, теория Шпрангера не объясняет нам самого основного, именно всей той сложной драмы, которая возникает между соматической и нервно-психической стороной полового созревания. В этом смысле, теория его напоминает объяснение примитивного человека, который на вопрос о причине того или иного природного явления отвечает: „Оно всегда было таким“.

Для объяснения сложного раздвоения, которое наблюдается в эпоху полового созревания Шпрангер ссылается на то, что это раздвоение является исконным: оно всегда было. Это объяснение таким образом ничего не объясняет. Оно скорее снимает поставленную проблему. В сущности, превращает ее в необъяснимую, так как на место совершенно законного психологического вопроса о том, из каких конкретных причин возникает раздвоение, эта теория выдвигает чисто метафизическое утверждение, которое в конечном

счете сводится к тому, что и вся природа человека является двойственной.

В этом неумении объяснить и заключается порок всякой метафизической системы, какой в сущности и является теория Шпрангера. Вместе с тем, как уже говорено выше, эта теория заключает в себе и зерно правильной мысли. Она указывает на сложные взаимоотношения, существующие между психологической и соматической сторонами в половом созревании, она пытается показать то противоречие, которое существует между эротическим и сексуальным, сложное взаимодействие, которое устанавливается между тем и другим, но она бессильна дать правильное объяснение всем этим правильно подмеченным фактам.

Радикальную попытку представить такое объяснение и свести к единству дуалистическую теорию созревания представляет теория Фрейда. Мы не станем излагать всю теорию полового развития, как она представлена Фрейдом, потому что он начинает эту историю с момента рождения ребенка. Сексуальность по его мнению появляется на свет вместе с младенцем. Далее — сексуальность, согласно этой теории, является основной движущей силой всего развития и всех проявлений и ребенка и взрослого человека. Понятно, поэтому, что изложить сколько-нибудь полно всю теорию сексуального развития по Фрейду, это значит рассказать всю историю человеческой жизни в его понимании. Мы поэтому остановимся только на одном центральном пункте этой теории, который к тому же является наиболее характерным для переходного возраста.

Итак основным положением Фрейда является утверждение сексуальное развитие человека не совершается катастрофически оно не возникает вместе с появлением вторичных половых признаков в переходном возрасте. Фрейд утверждает, что сексуальность имеет очень длинную историю и совершает очень сложный процесс превращения, прежде чем наступают годы полового созревания в собственном смысле слова. Надо сказать что со стороны фактической, наблюдение над сексуальной жизнью ранним и более позднем детском возрасте принадлежит к числу несомненных заслуг Фрейда.

Независимо от Фрейда и его теории такой серьезный исследователь как Моля, пришел к тем же самым выводам, установив, что сексуальные проявления в раннем детстве не только часто встречаются, но и не представляют собою патологического явления, как это думали прежде. Такой антипод Фрейда, как Шпрангер, также признает, исходя из открытия Моля, что сексуальные проявления в раннем детстве наблюдаются, он только отказывается приписать им то универсальное значение которое им придает Фрейд и вскрыть в них то же самое содержание, которое открывает Фрейд.

Вторым положением Фрейда является объединение под одной и той же крышей, как нормальных, так и всех извращенных форм сексуальности. Онанизм, садизм, мазохизм, гомосексуализм, вестибуляционизм и другие, нередко встречаемые в детском и переход-

ном возрасте извращения полового влечения, Фрейд рассматривает, как здоровые в основе своей и нормальные компоненты полового влечения, но только свойственные более ранним стадиям развития, а самым извращения эти склонен рассматривать, как задержку в развитии или возвращение на более раннюю стадию сексуального развития.

Самое половое влечение Фрейд сводит гомогенно к первоначально разделенным парциальным влечениям: к оральному, к самообнажению и жестокости. В качестве составных моментов эти же самые компоненты участвуют и в нормальном развитии сексуальности, но они принимают форму извращения или перевертывания в том случае, если они занимают вместо подчиненного доминирующее положение. Мы коснемся обоих этих положений только постольку, поскольку они связаны с интересующим нас моментом, т. е. с судьбой переходного возраста.

Сексуальное влечение в раннем детском возрасте, по мнению Фрейда, носит диффузный, неопределенно разлитой характер и связано с особыми участками нашего тела, которым свойственно вызывать эротическое возбуждение и доставлять наслаждение, и которые поэтому Фрейд называет эрогенными зонами. Такими эрогенными зонами является область рта и губ, играющая такую значительную роль и в позднейшей сексуальной жизни взрослого человека (поцелуй). Позже в такой же роли эрогенных зон выступает наша кожа и мышечная система, также существенно участвующие в половом влечении зрелого человека.

Характерным, таким образом, для инфантильной сексуальности является то, что она не связана с половыми органами, а локализуется в совершенно других системах. Тем не менее наслаждение, которое испытывает ребенок от возбуждения этих зон, является по мнению Фрейда типическим эротическим наслаждением, которое Фрейд называет тем же именем, что и половое наслаждение — либидо. Этот первый период в развитии ребенка Фрейд называет аутоэротическим, так как сексуальное влечение ребенка направлено на его собственное тело и не связывается ни с каким внешним объектом.

Близко к этому аутоэротическому периоду подходит нацистический период, в основе которого также лежит самовлажность направленность эротического влечения на самого себя. Второй период в развитии сексуальности Фрейд называет би-сексуальным, указывая этим на то, что сексуальные влечения в эту пору направляются уже на внешний объект, но не являются еще дифференцированными в половом отношении. Оно может быть одинаково направлено как на мальчика, так и на девочку, взрослого и ребенка, мужчину и женщину, оно еще не дифференцировалось и не вступило в связь с функцией половых желез, с функцией размножения и только в третьем периоде который падает на возраст полового созревания, происходит эта фиксация сексуального влечения в сфере генитальных органов.

Таким образом, основой для этого возраста является не вообще появление сексуального влечения, которое было и раньше, а внесение докатоитория. Если эта фиксация задерживается и сексуальное влечение проявляется в других, более ранних стадиях, мы имеем перед собой извращение или перверсию полового влечения. Но уже на самой ранней стадии развития у ребенка возникает сексуальная привязанность к матери. Его отношения к матери являются эротически окрашенными, так как кормление материнской грудью, прикосновение к матери и ее ласка очень рано связываются для ребенка с возбуждением его эрогенных зон. Однако, эта первичная сексуальная привязанность, как и вообще направленность сексуального стремления на внешней объект, наталкивается на социальные запреты, на „нельзя“, которые диктуют ребенку окружающие взрослые люди. В результате возникает вытеснение сексуального стремления в область бессознательного.

При этом возможны два случая: либо это вытеснение удается, либо его постигает неудача. Если результатом вытеснения является неудача, тогда неудачно вытесненное сексуальное влечение начинает бродить, по выражению Шпрангера, как отец Гамлета под землей, под порогом сознания, мимировать и взрывать нашу психику и приводить к суррогатному удовлетворению этого влечения в фантазии или невротическом заболевании, которые в замаскированном виде доставляют удовлетворение неудачно вытесненному половому влечению.

Если же вытеснение удастся, тогда половое влечение исчезает в качестве такового из сферы сознательной жизни и поведения человека, но связанная с ним энергия не может окончательно исчезнуть. Она скрытым от сознания образом, превращается в творческую психологическую деятельность. Этот процесс и называет Фрейд сублимацией. Мы приведем определение, которое дает Фрейд сублимации, так как этим процессом Фрейд объясняет весь механизм психологии полового созревания. „Этот процесс заключается в том, говорит Фрейд, что сексуальное влечение, направленное на достижение частичного удовлетворения или удовлетворения, связанного с процессом размножения, отклоняется от своей первоначальной цели и направляется на другую цель, которая генетически связана с прежней, но сама по себе является не сексуальной, но должна быть названа социальной; этот процесс мы называем сублимацией“.

Таким образом, механизм психологии полового созревания по Фрейду сводится к следующему. Изначальные сексуальные стремления вытесняются ребенком и подростком, так как их прямое удовлетворение наталкивается на этические запреты, выдвигаемые социальной средой. Если это вытеснение не удастся, половое стремление ищется окольными путями в форме воображения или в форме особых заболеваний, которые называются психо-неврозами. В этом случае образы фантазии или симптомы невроза непонятным для самого человека образом замещают прежнее половое влечение

и являются таким образом его суррогатным удовлетворением. Если вытеснение первоначального полового влечения удается, то оно вместе с тем исчезает из сознательного переживания и поведения человека совершенно, но связанная с ним энергия не может истощиться, и она превращается в высшие формы творческой деятельности.

Отсюда этические стремления подростка, его интерес к культуре, к искусству, к религии, к науке, к творчеству. Все вообще психологическую сторону полового созревания Фрейд объясняет теорией сублимации. Это и дает право Шпрангеру бросить ему упрек в том, что всю психологию полового созревания он рассматривает как простой рефлекс сексуальной жизни. Мы уже указывали на ту верную сторону, которая заключена в критике Шпрангера, именно упрек Фрейду в чрезмерно упрощенном и механистическом понимании сложных связей, которые существуют между психологической и сексуальной стороной созревания. Но мы говорили также, что в основном критика Шпрангера бьет мимо цели, потому что упрекая Фрейда в физиологическом материализме, он этим самым ставит под удар как раз самую сильную часть Фрейдовской теории, которая, как мы старались уже показать, разделяется всеми вообще физиологическими теориями и которая исходит из того бесспорного, многократно подтвержденного факта, что психологическая сторона полового созревания является зависимой и определяется соматическим процессом созревания.

Взамен этого Шпрангер, как мы видели, раздвоение обеих сторон созревания подростка сводит к метафизической двойственности всей природы человека, считая это раздвоение исконным и изначальным. С полным основанием Шелер, который также критикует Фрейда сверху, со стороны идеализма, указывает на то, что самая основа этой необычайной метаморфозы остается все-же глубоко непонятной. В чем заключается самый процесс сублимации, каким образом половое влечение вызывает все остальные стремления, это остается неясным.

По изложению Фрейда можно подумать, будто он допускает, что все акты психической деятельности, как они проявляются во всевозможных видах познания, художественной и профессиональной работы, возникают из вытесненного либидо. Если Фрейд действительно так думает, то здесь невозможна никакая дискуссия, потому что нам до сих пор остается абсолютно неизвестной та психологическая алхимия, посредством которой из либидо возникает мышление, стремление к добру и т. п. Так говорит Шелер.

Однако, в этом возражении заключена и слабая сторона, состоящая в том, что Шелер опять становится на метафизическую точку зрения, как и Шпрангер. Он полагает, что то, что является разделенным в настоящее время, всегда было разделено, всегда представляет собою два разных начала человеческой природы.

Он полагает далее, что всякая вещь равна себе самой. Ему кажется алхимический факт превращения нервно-психической энергии,

он не может допустить, что стремление к благу и мышление—эти высшие формы поведения могут возникать из полового влечения или быть с ним связаны. Это верно, что учение о сублимации часто понимается у Фрейда алхимию, поскольку он не объясняет механизма этого превращения, но Шелер заодно с алхимией выбрасывает также и химию, отрицая возникновение новых соединений из известных элементов, превращение и развитие влечений и возникновение новых качеств.

Гораздо более серьезным является другое возражение, которое принимает и Шпрангер и которое действительно подводит нас к самому центральному пункту критики Фрейда. Это возражение заключается в следующем: согласно теории Фрейда, силы, которые обуславливают вытеснение, в сущности являются теми же силами, которые сами возникают только в результате этого вытеснения. В самом деле: вытеснение, как мы сами видели, возникает на основе этических требований, социальных норм, без них был бы невозможен и самый процесс вытеснения. С другой стороны, самые этические нормы, самые социальные требования возникают, согласно Фрейду, из сублимации вытесненного полового влечения.

Получается таким образом порочный логический круг: вытеснение объясняется действием тех сил, возникновение которых в свою очередь объясняется вытеснением. Шелер говорит: если приписать либидо, как это делает Фрейд, значение всей вообще душевной энергии, чрезвычайно трудно понять, как из него возникают силы, которые призваны вытеснить и закупорить самое либидо. Здесь либидо действительно начинает казаться почти мифологическим существом. Оно как две капли воды похоже на фиктеанское Я, которое самому себе ставит границы.

Нам думается что несостоятельность этого положения испытывал и сам Фрейд. Мы так думаем потому, что он в последних своих произведениях наряду с сексуальными влечениями пытается ввести в свою теорию и влечения Я, из взаимодействия которых с сексуальными влечениями он пытается объяснить всю дальнейшую судьбу либидо. Этим самым Фрейд признает, что сложное превращение, которое испытывает либидо в процессе вытеснения и сублимации, едва ли может быть объяснено только действием его собственной силы. Нужно привлечь еще какие-то первичные влечения, из взаимодействия с которыми можно было бы объяснить и понять превращение сексуального влечения.

Два однако момента делают эту попытку Фрейда неудачной. На первый момент указывает уже Шпрангер. Он состоит в том, что в самой своей теории сублимации Фрейд не привлекает в сущности этих влечений Я ни в малой мере. Все таким образом обстоит в этой теории так, как если бы в психологии человека содержалось только одно сексуальное стремление и, следовательно, порочный круг, на который мы указывали выше, остается в полной силе.

Второй момент заключается в том, что самые эти влечения Я в отличие от сексуального влечения, имеющего совершенно ясный

и конкретный биологический смысл и связанного с функцией размножения. сами влечения Я напоминают у Фрейда скорее некоторую спекулятивную конструкцию, чем реальный биологический инстинкт. Во всяком случае реальная основа этих влечений ни в какой мере не является первичной, исходной, инстинктивной, а является сложным результатом социально-биологической эволюции личности, в результате которой только и может возникнуть тот феномен, который мы с полным правом могли бы назвать человеческим Я.

Но главной ошибкой этой теории является одностороннее рассмотрение влияния причинного фактора. Фрейд не учитывает того, что в сложном процессе взаимодействия мы всегда имеем не только влияние — соматических процессов на нервно-психические, но и обратное влияние коры на соматические процессы. В истинном этом процессе причина и следствие меняются своими местами. Также обстоит дело и в том случае, который нас сейчас интересует. Несомненно, первичным в психологии полового созревания является сам соматический процесс созревания желез и полового аппарата и весь сложный механизм его деятельности. Нервно-психические процессы, связанные с половым созреванием, несомненно возникают только под влиянием толчка, который исходит от этих соматических процессов. Но раз возникши, нервно-психические процессы сами оказывают величайшую организующую, направляющую, подавляющую и регулирующую роль по отношению к соматической стороне полового инстинкта.

Вспомним все то, что в одном из первых очерков было сказано про роли мозговой коры, вспомним, что это орган, создающий сложные связи между отдельными частями организма, орган перестраивающий наследственные формы поведения под влиянием воздействия социальной среды. Фрейд был бы совершенно прав, если бы психологическое развитие действительно шло только изнутри. В его понимании нервная система является только аппаратом, пассивно отражающим сексуальные импульсы и превращающим их в энергию другого вида. Никакого обратного воздействия на половой аппарат она не оказывает.

Равным образом односторонне оценивает Фрейд и влияние социальной среды на развитие сексуального инстинкта. Социальная среда выступает у него в роли только источника всевозможных ограничений, запретов, но опять никакого положительного ни побуждающего, ни отклоняющего влияния на половой инстинкт не оказывает. Что оба эти вопроса тесно связаны друг с другом, было показано уже в том месте, где говорилось о мозговой коре.

Вопрос о значении мозговой коры в развитии человека потому и является кардинальным вопросом всей психологии, что он является вопросом о влиянии социальной среды, ибо социальная среда формирует человеческое поведение через кору головного мозга. Мозговая кора создает сложный механизм переключения нервной энергии вроде того, о котором говорили мы, приводя опыты акад. Павлова в одном из первых наших очерков.

Подобно тому, как в лаборатории экспериментально вызывается изменение инстинктов, так среда, стимулируя различные реакции организма, созданная все новые и новые связи между отдельными реакциями, приводит к глубочайшим изменениям в распределении и направлении инстинктивной энергии. Таким образом, роль мозговой коры как аппарата, с одной стороны переносящего социальное влияние в организм человека, с другой стороны объединяющего и придающего целостный характер всем отдельным сторонам человеческого поведения, эта роль может пролить правильный свет и на процессы сексуального развития ребенка.

Как установила современная физиология, нервная система, говоря словами Шеррингтона, работает как единое целое. Основной функцией нервной системы является интегрирующая деятельность, объединяющая все отдельные реакции и придающая поведению в каждый данный момент единство и целостность. Этот же самый момент целостности, структурной оформленности и истинного монизма во всех проявлениях организма подчеркивает принцип доминанты.

Недаром пример деятельности этого принципа проф. Ухтомский приводит из области деятельности сексуального инстинкта. У кошки, находящейся в состоянии сексуального возбуждения, во время течки, всякое постороннее раздражение, нейтральное или обычно вызывающее совершенно другие реакции, сейчас усиливает основную половую доминанту. Стук посуды, вилок и ножей в столовой, который является обычно для кошки условным возбудителем пищевого рефлекса, сейчас возбуждает ее только сексуально. Половая доминанта означает, что все притекающие в нервную систему раздражения отклоняются от своего прямого пути и вызывают не ту реакцию, которую они вызывали в нормальном состоянии организма, а усиливают и подкрепляют основную доминанту — половую. Лягушка во время обнимательного рефлекса реагирует на укол булавки или на электрический ток не обычной защитной реакцией отдергивания лапки, а еще более усиленным обнимательным рефлексом.

Можно сказать, что всякая доминанта является наглядным примером такого переключения нервной энергии, отклонения ее от обычных путей и перехода ее на новые пути, установленные доминантой. При этом доминанта обнаруживает как бы активную избирательную деятельность по отношению к внешним раздражениям. Проф. Ухтомский по этому поводу говорит: „Когда половой аппарат находится в возбужденном состоянии под влиянием внутренней секреции, разнообразные раздражения действуют на руку, подкрепляя его возбуждение.“

Множество новых и неожиданных диффузно безразличных поводов оказываются теперь его возбудителями, но это продолжается недолго. Сфера подкрепляющих раздражителей постепенно сужается и специализируется, из массы действующих поводов будут закрепляться лишь те, которые биологически интересны, именно для

дленного индивидуального полового аппарата с его наследственностью в истории.

Таким образом, доминанта выловит из множества поводов те, которые окажутся в биологическом сродстве с ней и эти новые поводы, закрепившись, станут уже адекватными раздражителями доминанты, а став адекватными раздражителями для доминанты, новые поводы будут вызывать уже вполне избирательно только ее. Мы видим здесь, таким образом, физиологическое основание двух из тех положений, которые мы заметили выше.

Первое указывает на то, какую огромную роль для усиления и подкрепления половой доминанты играют внешние раздражители, в частности у человека — социальная среда. Второе заключается в указании на целостный доминантный характер половой реакции. Мы видим, что будучи доминантной, эта реакция привлекает на свою сторону все посторонние возбуждения, питается их энергией, подкрепляется за их счет, усиливается на их основе.

Легко понять, что если то же самое возбуждение из доминантного станет субдоминантным, т. е. подчиненным, положение сейчас же резко изменится. Подобно тому, как прежде этот центр отдался к себе посторонние раздражения, так и сейчас он сам будет отдавать свою энергию новому доминирующему центру. Ведь основное положение во всем учении о доминанте заключается в том, что доминанта не является раз навсегда закрепленным участком в работе нервной системы, а является динамическим и функционально изменяющимся созвездием центров, которое перестраивается в зависимости от общего равновесия организма и среды.

Этот общий закон доминанты оказывает еще большее значение в переходный возраст, когда повышенная эмоциональность создает особую податливость всех форм поведения для образования доминанты. Недаром, характеризуя особенности переходного возраста, А. Б. Залкинд говорит, что самой характерной его чертой является динамичность подвижность, неустойчивость доминантных процессов, а потому легкая их переносимость из одного центра в другой и потому легкая их изменимость. „Доминантная установка“, — говорит он, — „эмоция, интерес, являются решающим фактором в двигательных процессах, которые без доминанты часто оказываются заторможенными даже при полном общем здравьи“.

Мы перейдем сейчас от физиологии к психологии полового созревания и постараемся показать, как оба эти момента, отдаленная роль половой доминанты и возбуждающая роль посторонних стимулов, приводят к образованию двух важнейших форм в психологии полового созревания подростка. На одно с полным основанием указывает Шпрангер. Обсуждая вопрос относительно сексуальной нужды подростка он указывает на мнение Гофмана, что только нервный подросток знает эту потребность, потому что у него сексуальное переживание вступает в лабильную психологическую ситуацию.

К этому следует прибавить, говорит он, что едва ли вообще какое либо половое созревание протекает без нервозности, ибо что мы знаем о нервозности другое, кроме того, что она выражается в раздражительной слабости, в перевозбудимости вместе с тем в легкой истощаемости физических и психических функций, раньше всего в области фантазии и влечения. В частности, он указывает на то, что в обстановке больших городов, при современной культуре, сами внешние условия создают специфические раздражения и возбуждения для нервной системы с одной стороны, а с другой стороны специфические раздражения для полового аппарата, современная мода, которая рассчитана на сексуальное воздействие, возбуждающие картины в витринах, недоброкачественное чтение, алкоголь, наркотики, кино и т. д.

„Я хотел бы знать“, говорит этот автор, „как человек мог бы устоять против такого концентрированного нападения“ В этой атмосфере, говорит он, рождаются фигуры из Фрейда Ведекинда. На этой почве происходит то психологическое явление, имеющее огромное значение для всей психологии полового созревания на которое впервые со всей ясностью обратил внимание А. Б. Залкинд, и которое по справедливости он называет детским половым паразитизмом.

В сущности, в основе этого явления лежит тот физиологический процесс, о котором говорил проф. Ухтомский в приведенной выше цитате, процесс оттока посторонней нервной энергии, не имеющей ничего общего с сексуальным инстинктом, под влиянием того сам по себе половой инстинкт становится доминирующим в организме.

Основная поправка, но поправка радикально меняющая весь смысл дела, которую А. Б. Залкинд вносит в теорию Фрейда, заключается в том, что наблюдаемые Фрейдом формы ранней и усиленной детской сексуальности являются не первичным биологическим моментом, коренящемся в самом механизме нервной половой системы, а моментом вторичным, проистекающим из того, что в той социальной среде, в которой живут эти дети и при том воспитании, которое они получают, создаются такие условия, когда половые переживания являются доминантным процессом, а этим, при нашем современном знании физиологии нервной системы, сказано все

Раз эти переживания становятся доминантными, значит они эксплуатируют в свою пользу все посторонние возбуждения, все формы деятельности организма, они подтягивают к себе все возбуждения, проникающие в нервную систему, концентрируют их, направляют по линии наименьшего сопротивления и сами таким образом охватывают все поведение и всю личность ребенка, проницают ее насквозь и сексуализируют ее. Панаксуализм, который наблюдал Фрейд, является согласно этой теории, не правилом, но исключением, не здоровым, а болезненным явлением.

Что половой инстинкт легко может стать доминирующим и что в условиях традиционного воспитания он очень часто становится

таким, об этом никто не спорит. Спор идет только о том, должен ли он с необходимостью и неизбежностью по всякой цене и при всяких условиях воспитания прийти к той же самой роле. Непользованная детская активность обычно уродливо переключается на сексуальные пути.

„Сгущение детской сексуальности говорит А. Б. Залкинд, не первичное биологическое явление, оно есть результат неблагоприятных социальных напруг на очень незначительный первичный биологический элемент сексуальности. Такое избыточное половое содержание современного ребенка оказывается столь актуальным потому, что питается за счет вытесненной средой других более биологических и социальных влечений, паразитически всасывая их энергетический фонд. „Это, по выражению того же автора, энергия, плещущая половым инстинктом и направленная им по своим рельсам.

Этим вносится очень существенная поправка в учение о сублимации. Мы видим, что существует не только сублимация с положительным знаком, но гораздо чаще сублимация с отрицательным знаком, т. е. существует не только отклонение половой энергии на высшие цели, но и наоборот, переключение энергии, связанной с другими возбуждениями на половые пути. Этот процесс и можно было бы назвать отрицательной сублимацией или лучше отрадательным переключением; его-то и называют с полным правом детским половым паразитизмом и он представляет нам в верном свете весь процесс переключения энергии в целом.

В свете этой поправки, совершенно новый вид приобретает общее учение о сублимации. Все те фазы в развитии детской сексуальности, которые намечал Фрейд, оказываются в свете этого учения не биологически первичными а вторичными, возникающими на основе паразитизма. Применяя эту точку зрения к вопросу сексуальности раннего детства, А. Б. Залкинд приходит к выводу, что мы должны отрицать непосредственную сексуальность в ранние периоды детства, а наблюдавшаяся многими авторами ранняя эротизация целых областей детских переживаний имеет своей причиной то, что чрезмерная половая активность питается чаще всего из неиспользованной энергии других областей тела, остающихся праздности.

Вместо аутоэротического периода в развитии детской сексуальности, А. Б. Залкинд предлагает говорить об аутоэротическом периоде так как наиболее характерным для этого периода является фиксация ребенка на процессах, непосредственно связанных с его телом. Таким образом, говорит автор, период аутоэротический это не аутоэротический период, он делается аутоэротическим лишь в болезненных случаях.

Также точно и второй или бисексуальный период, намеченный Фрейдом, в свете этого понимания, сам по себе, не является периодом бисексуальным, так как для него характерно, развитие детских социальных связей, его правильно было бы называть периодом социоконтактным, но в он в свою очередь может стать бисек-

суальным в такой обстановке, в которой Фрейд наблюдал своих пациентов, в обстановке настолько неблагоприятной для здоровых действенно творческих детских общественных связей, что детская социальность преждевременно вырождалась в сексуальность*

И, наконец, третий период в связи с этим А. Б. Залкинд называет периодом социально-биологического созревания, понимая под этим периодом созревания как социальной личности подростка, так и биологических процессов, в том числе и процессов половой жизни. Этот последний период, думается нам, назван не вполне правильно, если принять во внимание расхождение трех точек созревания, о котором мы говорили в первом очерке настоящей части нашего курса. Но с одним нельзя не согласиться, именно с тем, что факты, наблюдавшиеся Фрейдом, приобретают при таком к ним подходе совершенно реальное научное объяснение.

Таким образом, положение, намечаемое проф. А. Б. Залкиндом, оказывается более сложным, чем это предполагал Фрейд, и перед половым влечением, созревающим в переходную эпоху, говорит он, открываются три различных пути. Первый путь называется путем адекватного удовлетворения, потому что оно соответствует нормальным половым раздражениям и приводит в конечном счете к общему половому рефлексу или к удовлетворению отдельных частичных влечений, входящих в состав полового. Этот путь покрывает все то что Шпрангер называет сексуальностью, сексуальные интересы, фантазия и желания, находящие свое крайнее выражение в самоудовлетворении, т. е. в эротизме направленном на самого себя, или в удовлетворении при помощи постороннего объекта.

Второй путь заключается в том, что сексуальное влечение отвлекается от своего прямого пути на чуждые пути, происходит передача энергии желания другим областям тела и наступает извращенное удовлетворение, которое называется обычно конверзией. Примером такой конверсии может служить то состояние, когда влечение, как бы закупоренное в организме, приводит к постоянному самовозбуждению организма, образуется избыточная возбудимость, повышенная утомляемость, иногда невроз.

Наконец, третьим путем является путь сублимации, который заключается в переводе влечения на более высокий творческий путь в замене прямого отреагирования косвенным психологическим путем. Как мы уже говорили, мы предлагаем различать положительную и отрицательную сублимацию, сближая последнюю с тем, что описано под именем полового паразитизма

Простейшей формой сублимации является любовь и отроческая влюбленность, о которой говорит и Шпрангер.

Она с одной стороны наиболее близко подходит и приближается самому источнику полового влечения, а с другой стороны представляет сложную психологическую надстройку над этим непосредственным влечением. С полной основательностью А. Б. Залкинд указывает на то, что самая возможность сублимации зависит в конечном счете от социальной среды, т. е. от тех добавочных путей, которые созда-

ются для поведения ребенка. В частности, известно, что в годы общественной реакции наблюдается повышение интереса к сексуальной проблеме и общее упрощение всей половой жизни в подростковом возрасте и, наоборот, годы общественного подъема, обычно сопровождаются более здоровым протеканием периода полового созревания. В частности, как говорит А. В. Залкинд, сублимационные возможности развертываются в стране побеждающего социализма необычайно широко.

Если взять один только момент раскрепощения женщины и ту совершенно новую социально-психологическую установку, которая создается в зависимости от этого для девушки-подростка — этого достаточно для того, чтобы указать на широту этих возможностей. Мы можем сейчас подвести итоги всему этому затянувшемуся спору различных теорий и различных точек зрения. Мы видели, что ни теория Шпрангера, ни теория Фрейда, несмотря на то, что каждая из них заключает некоторые элементы истины, в целом и в главных своих построениях не охватывают сколько-нибудь верно всей сложной проблемы психологии полового созревания. Первое, в чем несомненно прав Шпрангер, заключается в том, что психология подростка вовсе не вся возникает на корнях созревающего полового инстинкта. Она имеет гораздо более широкую биологическую основу под собой.

Правда эта основа вовсе не является той идеальной сферой чисто духовной любви о которой говорит Шпрангер, она так же материальна, в последнем счете так же органична, как и самый половой инстинкт, она коренится в других потребностях этого возраста, которые, как мы уже указывали во вступительном очерке, связаны с необходимостью трудиться, с необходимостью экономического приспособления, которое является первой и основной жизненной потребностью для рабочего подростка.

В связи с этой потребностью и на ее основе возникает целый ряд сложных вторичных производных временных потребностей, которые в свою очередь питают целые гнезда интересов и все это, так же, как и поведение в целом, коренится в последнем счете в инстинктах человека, но отнюдь не только половом инстинкте.

Таким образом, самое понятие сублимации лишается своего универсального характера. Мы не предполагаем больше, как это делает Фрейд, что все из сублимации, мы отказываемся от этого алхимического принципа, от этого почти „мифологического существа“ по выражению Шелера. Самый процесс сублимации представляется нам в этом свете гораздо более естественным, органическим и поэтому понятным процессом. Несомненно верно основное допущение, лежащее в его основе и заключающееся в том, что нервная энергия превращается из одного вида в другой, а не связана с отдельными функциями и участками тела неразрывно.

Подобно тому, как существует общий великий закон превращения энергии (механической в тепловую, электрической в световую и т. д.), подобно этому и в нашей нервной системе существует свой

запас переработанной энергии. Вся жизнь человека есть сплошной непрерывный процесс подобного превращения, в основе которого лежит основная особенность нервной системы, ее интегрирующая деятельность, доминантный характер ее функций, ее целостность и единство.

Достаточно вспомнить такие примеры, как удовольствие возникающее из страха, превращение отрицательных эмоций в положительные, эстетическое наслаждение, общее иррадирование какой-нибудь эмоции и т. п. для того, чтобы увидеть с совершенной очевидностью этот факт. В этом смысле сублимация не представляет какого либо исключения, скорее она представляет частный случай общего закона движения нервной энергии. Другое свое ограничение это понятие находит в том, что оно является не обязательно путем вверх к высшему, но и путем вниз, к низшему. Положительной сублимации соответствует отрицательная, как ее полярная противоположность приводящая к половому паразитизму.

Наконец, в отличие от теории Фрейда мы устанавливаем два чрезвычайно важных момента, направляющие этот процесс. Как мы уже говорили, для психоаналитической теории остается непонятным тот факт, откуда берутся самые силы, приводящие к вытеснению и сублимации, далее остаются неясными те аппараты, которые осуществляют этот процесс превращения низших видов энергии в высшие. То и другое получает свое предположительное объяснение в свете новой теории, которая позволяет установить с несомненностью, что только наличие других влечений и построенных на них интересов, не коренящихся в половом инстинкте, а проистекающих из другой потребности, основывающихся на другой точке созревания, является необходимым условием для того, чтобы сублимация могла произойти.

Сублимацию создает только необходимость, а эта необходимость, в свою очередь должна иметь точку опоры внутри полового инстинкта. Половой инстинкт, который, по выражению Шелера сам себе ставит пределы, теряет это свое волшебное свойство и становится подчиненной силой, которая отклоняется от своего прямого пути тогда, когда в поле действия вступают другие более мощные силы. И, наконец, это понимание сублимации предполагает наличие очень сложных и тонких перерабатывающих аппаратов в мозговой коре которые могли бы обеспечить самый процесс сублимации. Недостаточно того, чтобы возникла энергия полового влечения, чтобы существовали потребности, отвлекающие ее на новые пути, нужно еще чтобы был аппарат, который способен ее перерабатывать. При отсутствии этого последнего, ни о какой сублимации не может быть и речи.

Мы приходим, таким образом к выводу, что для объяснения этого сложного процесса недостаточно тех двух точек, которые мы предположили раньше — точки полового созревания и точки социального созревания, но необходимо еще допустить третье именно обще-органическое и культурное созревание, которое могло бы обеспечить

самый механизм превращения одних видов энергии в другие. Процесс, говоря, может существовать энергия полового влечения, могут существовать далее вне ее лежащие мощные потребности, связанные с социальным созреванием подростка, но отсутствие достаточно развитой коры головного мозга, достаточно развитых культурных форм поведения может привести к тому, что процесс сублимации не осуществится.

Мы видим, таким образом, что в психологии полового созревания сотрудничают все три точки, несовпадением которых мы пытались объяснить своеобразную структуру переходного возраста. Но одну силу обычно забывают, когда рассматривают психологию полового созревания, эта сила — личность самого подростка. Отсутствие этой величины в расчетах психологов дает себя знать особенно чувствительно там, где из этих психологических теорий делаются практические выводы в смысле практики полового воспитания.

Совершенно правильно Шпрангер указывает на то, что задача полового воспитания заключается в том чтобы действовать преждевременно, чтобы подготовить подростка до самого момента наступления половой зрелости. Трудность и сложность этой проблемы заключается в том, чтобы действовать не сегодня или завтра, а подготовить задолго до того, как влечение созреет и обнаружится. Обсуждая медицинский вопрос относительно вредности сексуального воздержания в юношеском возрасте Шпрангер отказывается от прямого ответа на этот вопрос. Как известно, в старое время существовало мнение, что длящееся многие годы половое воздержание после периода созревания является для мужчины во всяком случае вредным. последнее время взгляд этот не разделяется большинством авторитетных ученых. Оставляя в стороне этот вопрос мы вместе с тем не можем не согласиться, что одно положение кажется неомысленным — сдерживание влечения, когда оно ужеросло до большой силы, приводит к мучительному нервному напряжению, к неспособности ко всякой другой работе.

„Как бороться с этим, говорит Шпрангер, это вопрос сексуальной педагогики, но во всяком случае эта борьба не должна идти только время, когда половое влечение уже здесь. Сущность этой борьбы сводится не к тому или другому специальному мероприятию, а к тому, что вся телесная и психическая жизнь концентрированной энергией берется в руки“

В сущности говоря, и наша система полового воспитания — при всем ее коренном принципиальном и фактическом отличии от того, что имеет в виду Шпрангер — включает в себя оба эти положения, о преждевременной подготовке подростка и о проникновении полового воспитания во все решительные моменты обще-воспитательных мероприятий. Основные принципы, характеризующие место полового воспитания в системе советской педагогики для переходного возраста, сводятся в книге проф. Залкинда к трем основным положениям. Первое гласит, что нет особого специального полового воспитания, оторванного от обычной учебно-воспитательной работы,

Это положение совершенно ясно вытекает из самого учения о сублимации, которое основано на взаимодействии полового инстинкта со всеми остальными формами поведения и потребностей. Таким образом, работая над другими интересами, над другими сторонами деятельности мы тем самым создаем пути для сублимации полового влечения и тем самым воспитываем его.

Второе положение заключается в том, что нет ни одного процесса учебно-воспитательной работы, где бы не включался в той или иной степени элемент полового воспитания. И, наконец, третье нет ни одного возраста детства, где в той или иной степени не учитывался бы среди других объектов воспитания также и половой фактор. Вся книга проф. Залкинда и посвящена подробному рассмотрению того, как такие моменты, как педагогическая среда, обществоведение и естествознание, искусство и труд, детский коллектив и пионерское движение, физкультура и совместное воспитание полов, как все эти моменты могут явиться важнейшими точками опоры в деле полового воспитания.

Все эти моменты основаны на методике переключений полового инстинкта и перевода его энергии на высшие пути творческой деятельности. В основе, думается нам, здесь действительно разрешается данная проблема с ее практической стороны, но мы считали бы и с теоретической, и с практической стороны неполным такое положение вещей, как мы уже указывали потому, что здесь забывается или обходится самая личность подростка. Обычно вопрос ставится и практически решается так, как если бы самого подростка не существовало как если бы все половое воспитание имело дело переживаниями, влечениями, как с объектами.

Все половое воспитание обычно и строилось на законном воздействии на нервную систему подростка, создавая в ней сложную систему канализационных и отводных путей. Но оно не принимало во внимание того обстоятельства, что личность самого подростка в эту пору созревает и оформляется, что самая характерная черта этого возраста заключается в том, что эта личность впервые пытается овладеть всем своим внутренним миром и всем своим поведением.

Человек в отличие от животного овладевает своими влечениями, подчиняет своему господству силу своих инстинктов, накладывает печать своей воли на свое поведение, создает себе новые потребности, сам активно направляет свое поведение в ту или другую сторону. Было бы огромной ошибкой преувеличивать эту силу или власть личности над своим поведением, но было бы также ошибкой недоучитывать этот новый фактор, который оказывает решающее влияние на весь процесс сублимации, а значит и полового воспитания.

Ницше, имея в виду огромный запас естественной энергии, заключенной в половом инстинкте, говорит: „ненависть, гнев, половой инстинкт и т. д. можно было бы с успехом приставить к машине или приставить производить какую-либо ту или другую полезную работу, например, колоть дрова, разносить письма или ходить за плугом.

Инстинкт должен находить исход в труде*. Индусе выражает здесь ту мысль, что существуют физические эквиваленты нервной энергии, что инстинкты рассматриваемые с этой точки зрения, являются такими же природными силами, как и те, которые человек в процессе труда подчиняет своей власти.

Самая характерная черта человеческого поведения, черта проявляющаяся в переходном возрасте, заключается в том, что человек регулирует деятельность своих инстинктов на основе подчинения своей власти процессам собственного поведения. Тем самым открывается огромная возможность влияния на половую жизнь человека через его собственные усилия.)

Нам думается, что конечная цель полового воспитания заключается не только в оберегании полового инстинкта от его конверсионных извращений, от его паразитирующего развития, от его удовлетворения по линии наименьшего сопротивления, связанного с преждевременной растратой, даже не в том только, чтобы создавать пути и возможности отвлечения и сублимации этого инстинкта, но главным образом в том, чтобы создать личную этику подростка.

Шпрангер, который также обходит вопрос о роли личности самого подростка и в половом развитии, и в половом воспитании, все же совершенно правильно указывает на то, какое колоссальное значение для правильного построения этики имеет психология полового созревания. Он говорит: „Никто не предположил бы, что он сумеет технически чего-нибудь достигнуть, если он не сумеет овладеть данными природными силами, отклонить их, подчинить своим целям. Также точно нельзя ожидать, что можно будет построить ценностную структуру жизни, этику, без воли того, кто сам должен овладеть подчиненными силами, для того чтобы создать высшие“

Мысль эта заключается в том, что нет никаких путей для этики, которые не были бы проложены через психологию. Этические усилия и заключаются в овладении природными влечениями, говорящими в человеке, но здесь как и всюду, человек по выражению Спинозы, не составляет особого, лежащего за пределами природы царства, а является частью этой же самой природы. Поэтому общее положение Бекона, гласящее, что мы овладеваем природой, подчиняясь ее законам, остается верным и здесь.

В этом смысле, та свобода воли, которую необходимо пред полагает этическое решение, заключается в господстве над самим собой, основанном на правильном понимании природной необходимости. Нужно иметь известный психологический опыт для того, чтобы овладеть собою. Это длинное и трудное искусство, которому надо долго учиться, вероятно труднейшее из всех остальных искусств овладения природой. Шпрангер правильно говорит, что вне этического отношения к самому половому влечению нет и не может быть здоровой психологической атмосферы для всего процесса созревания: без участия этого, говорит он, может быть только сознание „олишком много“ и „вредно“, но не мотивы этического порядка.

Примером этой точки зрения может служить вопрос об онанизме, столь распространенном в переходном периоде. В старое время господствовало мнение, что онанизм является величайшей опасностью для всего физического и нервного здоровья подростка. В популярных брошюрах, рассказывавших о вреде онанизма, рисовались всевозможные ужасы вплоть до размягчения мозга, общих параличей, полной потери сознания и т. д. Эти книжки сделали свое вредное дело главным образом тем, что запугивали подростков и приводили часто к тяжелой психической реакции там, где для этого не было никаких объективных оснований.

Эта точка зрения сменилась на обратную, которую защищает целый ряд авторов и которая состоит в том, что онанизм признается нормальным физиологическим явлением, которое с одной стороны наблюдается и у животных, а с другой стороны не приводит само по себе ни к каким вредным последствиям.

Такие авторы, как Блох и Мечников, считают онанизм естественным физиологическим выходом из тех трудностей, которые создаются в силу противоречия между созревшим инстинктом и отсрочкой начала нормальной половой жизни. Многие психоаналитики, как Штеккель, присоединяются к этому мнению, считая онанизм совершенно необходимой стадией в развитии полового инстинкта и т. д.

Однако, более глубокое изучение этого вопроса приводит к некой новой точке зрения, синтезирующей обе предшествующие. Со стороны соматической, сам по себе онанизм может быть и не оказывается столь вредным, как это думали прежде. Однако, слишком ранний онанизм, а таким он является всегда в переходный период и слишком легкое и частое удовлетворение, к которому он приводит, является несомненно моментом, расшатывающим только созревающую и потому еще неустойчивую гормональную систему.

Преждевременная потеря детских эмоций и установок, включение в стадию зрелости без социальных творческих и биологических предпосылок, опустошение разворачивающихся любовных переживаний, разрушение всей юношеской романтики, опустошение всех социально творческих исканий и стремлений, легкое доминирование полового, которое самовозгорается и находит быстрый выход, приводит не только к общей задержке и ослабленности всего развития в целом, но и к задержке развития самого полового инстинкта.

Основное, что несет за собою онанизм в период полового созревания это ранняя растрата химических элементов еще не вполне созревшей половой железы. Если учесть что половая железа обслуживает целый ряд центральных физиологических функций (мозговую кору, обмен веществ, качественное регулирование роста всех тканей и т. д.), ясно, что преждевременная растрата этого фонда биологического созревания не может остаться без тяжелых последствий" (Залкинд).

Но самое серьезное, самое существенное последствие, связанное с онанизмом особенно длительным и частым, заключается в том,

что он накладывает особую печать на социальное поведение ребенка. Тяжелее физиологических — его психологические последствия. Если со стороны физиологической можно сказать, что вредным является ранний и чрезмерный онанизм то психологически опасность заключается во всяком решительном онанизме.

Эта опасность заключается в том что на этой основе надстраивается более сложное психологическое состояние. Оно связано с одной стороны с легким и коротким самоудовлетворением, с быстрым истощением всего психического запаса стремлений. Известное напряжение, существование препятствий, как показал акад. Павлов, являются необходимым условием для правильного функционирования инстинктов. Наоборот, быстрое удовлетворение приводит к тому, что самый рефлекс цели угасает, что в свою очередь приводит к общей опустошенности, к потере смысла жизни.

Самобийства, впервые появляющиеся, как типическое явление в переходном возрасте акад. Павлов связывает с потерей этого рефлекса цели. Шпрангер правильно говорит, что уже в самом факте онанизма заключается указание на то, что подросток во всей своей внутренней ситуации находится в неустойчивом состоянии. Он еще как правило, не имеет никакой установки на большие задачи, никакой крепкой связи или заполняющей его любви. В онанизме, говорит он, заключается действительно нечто от намеренного отбрасывания самого себя, некоторый латентный момент мировоззрения.

Психологическая ситуация онаниста является непременно своего рода двудушием, в этом и заключается психологическая опасность онанизма.

Нам думается, что латентный момент мировоззрения, заключающийся в онанизме, состоит в том что личность особым образом определяет свое отношение к своим влечениям. Но равным образом верно и обратное положение, гласящее, что только этическая установка человека по отношению к самому себе может явиться также латентным моментом мировоззрения который определил бы собою сублимацию.

Мы приблизились здесь к тому пункту раскрытие которого и составляет задачу настоящего очерка. Мы будем особо говорить и о самом характере развития этических моментов в переходном возрасте и о связи их с общим культурным и социальным развитием подростка. Мы здесь хотели бы только указать что мы приблизились к этому пункту, который освещен в этике Спинозы. Все кто говорили до сих пор о половом воспитании подростка, говорили пользуясь выражением Спинозы, о человеческом рабстве и о могуществе страстей.

С переходного возраста начинается глава, которую на том же языке философии Спинозы следует назвать главой о человеческой свободе или могуществе разума. Вопросы овладения своими влечениями, подчинения их своему господству и власти, должны занять центральное место, как в теоретическом, так и в практическом освещении всей проблемы полового созревания.

В связи с этим нам хотелось бы указать на два момента, которыми мы могли бы и заключить настоящий очерк. Первый заключается в том, что для переходного возраста, как раз и оказывается характерным подобный интерес к этическим проблемам и к овладению собой. Иллюстрацией этого является „Отрочество“ Толстого в котором рассказывается о подростке, этические искания которого направлялись по руслу религиозно нравственного совершенствования.

„Эта принципиальность жизненных установок, преувеличенная строгость в их выполнении является характерной чертой возраста, в то же время как самое направление этих исканий обусловлено, конечно, условиями социальной среды, социальной индукцией окружающего культурного мира и воспитанием. Подросток, о котором рассказывает Толстой, весь сосредоточился на отвлеченных вопросах о назначении человека, о будущей жизни, о бессмертии души“ (Коновалов).

Под влиянием всех этих интересов он в продолжении года вел уединенную, сосредоточенную в самом себе моральную жизнь. Самым характерным из этого является внешняя аскеза к которой прибегал подросток, желая приучить себя к труду, он, преодолевая страдания, держал по пять минут в вытянутых руках тяжелые лексиконы или уходил в чулан и веревкой стегал себя по нагой спине так больно, что слезы невольно выступали на глазах. Вот форма поведения неизвестная у школьника первого возраста и свидетельствующая о той тенденции к овладению своим внутренним миром, которую такие авторы, как Тумлирц, считают центральной и основной для всего переходного возраста.

Второй момент, который связан с этим, заключается в поправке которую мы естественно вносим, держась этой точки зрения, в проблему полового просвещения. Как известно, было бы наивно преувеличивать значение полового просвещения, так как отказавшись от интеллектуалистического воззрения на человеческую природу вообще и на половой инстинкт в частности мы не должны ожидать, что достаточно приказать, просветить, убедить человека для того, чтобы действительно направить на верный путь его действие.

Такие педагоги и естествоиспытатели, как Ягодовский и Райков в школьном курсе естествознания мало посвящают внимания половому вопросу. Из них первый прямо заявляет, что он потерял веру в целесообразность массового школьного полового просвещения. Пинкевич приходит к выводу, что в переходном возрасте лучше всего покинуть общие беседы по половому вопросу, ибо здесь всякий намек, всякое неудачное выражение могут вызвать самые неприятные последствия.

И только Соролтин является у нас горячим защитником той идеи что преподаватель естествознания должен выполнять задачу разъяснения до конца. Несмотря на неудачи и ошибки, которые постигли эти первые опыты, в основе лежит правильная мысль, из которой мы берем только то, что относится к переходному воз-

расту. Содержание полового просвещения в переходном возрасте этот автор сводит к следующему: разъяснение сущности сексуальности, полового оздоровления, сущности процессов сублимации, освещение вопроса о половых аномалиях, проституции, браке, вопросах материализма и младенчества.

Нам думается, что в той системе мероприятий, которая развертывается в целях полового воспитания, половое просвещение выгодно отличается от других моментов тем, что оно прямо обращается к сознанию самого подростка. Разумеется, нельзя преувеличивать роль этого сознания. Конечно, одни знания не в состоянии дать детям здоровое половое направление и не могут явиться решающим фактором в этом деле.

Равным образом самое сообщение этих сведений, благодаря тесной связи сексуальных интересов с фантазией и желаниями, может сыграть и отрицательную роль, привлекая внимание и питая раннюю детскую сексуальность. В том и заключается предлагаемая нами поправка, что мы предлагаем расширить самое понимание полового просвещения и строить его только на основе общей задачи воспитания этической установки у подростка.

Здоровым мы считаем в половом просвещении только то, что оно пытается решить проблему полового воспитания не поверх головы самого подростка, обходя его и обращаясь с ним только как с объектом, в котором должны быть произведены те или другие изменения — а непосредственно привлекая самого подростка к этому делу и через него, через его собственные решения проводя в жизнь это воспитание. Половое воспитание в огромной степени должно стать половым самовоспитанием, только тогда оно станет на прочную психологическую основу.

В дальнейших очерках мы постараемся показать какую огромную роль в поведении культурного человека начинают играть эти временные потребности, которые создает сам человек, направляя свое поведение на известные цели, и тем самым вводя новые двигатели во всю свою активность.

57

Необязательная литература к изучению и работе задания.

1. А. Б. Залкинд. Половое воспитание — «Работник Просвещения», Москва, 1928 г. Ц 1 35 к.
2. И. Д. Гельман. Половая жизнь современной молодежи. Изд. II — Гос. Изд. — 1925 г. Ц. 70 к.
3. А. Б. Залкинд. Революция и молодежь. — Изд. Свердловского университета 1925 г.
4. М. М. Рубинштейн и В. С. Игнатьев. Психология, педагогика и гигиена юности. — Изд. „Мир“, Москва 1926 г. — Ц. 2 р. 40 к. — Гл. 8 — 11 и 21 — 22.

Г Л А В А VIII.

КОНФЛИКТЫ И ОСЛОЖНЕНИЯ ПЕРЕХОДНОГО ВОЗРАСТА.

Содержание задания.

Проблема „нормальной патологии“ переходного возраста.—Понятие о конституции: соматическая и психологическая конституция, их единство.—Проблема астенической и шизотимической конституции в переходном возрасте.—Два противоположных взгляда на одержание и характер кризиса в переходном возрасте.—Биологический характер кризиса.—„Фенотипическая“ и „кондиционально-генетическая“ точка зрения в педологии переходного возраста. Юный педологический материал (изучение рабочего подростка). Структура основных жизненных потребностей рабочего и буржуазного подростка.—Конституциональное и кондициональное понимание конфликтов и осложнений переходного возраста. „Биологические ножницы“ в переходном возрасте и их объяснение

План проработки задания.

1. Составьте план и конспект настоящего задания.
2. Ознакомьтесь с конкретными результатами исследований физического развития и состояния здоровья подростков в какой-либо школе или педологическом кабинете и сопоставьте их с данными, приведенными в тексте; рассмотрите, в пользу какого из двух взглядов на конституцию подростка они говорят.
3. Понаблюдайте за одним-двумя подростками, в развитии которых вы можете подозревать наличие конфликтов и осложнений („трудный“ подросток в смысле обучения или воспитания), попытайтесь выяснить причины и характер конфликта в свете изложенных в этом очерке сведений и теорий.
4. Составьте схематические характеристики подростков, с которыми вы ведете работу, на основании собственных общих наблюдений или анкетных сведений (самохарактеристика и характеристика друг друга) и сверьте результаты с обоими приведенными в тексте взглядами на характер в переходном возрасте.

Переходный возраст богат конфликтами и осложнениями. Некоторые думают о нем, что он весь представляет собою или что иное, как один сплошной, долго затянувшийся конфликт, и что можно провести знак равенства между периодом полового созревания и отклонением от нормального типа развития и поведения. Период полового созревания, поэтому, даже называли нормальной патологией, желая этим названием подчеркнуть, с одной стороны, всеобщность и как бы нормальность этого явления, вызываемого совер-

явно естественной причиной, именно половым созреванием, а с другой стороны, необычайность этих явлений, их критический характер, и то обстоятельство, что они выходят за пределы нормального, свойственного здоровому ребенку, юноше и взрослому человеку.

С этой точки зрения, период полового созревания является как бы обязательной и всесторонней болезненной повинностью, через которую должны пройти организм и личность ребенка или в всяком случае таким состоянием, где черты нормального и болезненного смешаны до неузнаваемости, образуя странное и необычайное соединение. Этот взгляд противоречит старому традиционному взгляду, согласно которому норма и патология разделены между собою непреходимой чертой, что болезнь и здоровье являются двумя раздельными областями, между которыми не существует никакого моста и ничего общего.

Оба эти взгляда являются неправильными, но каждый по своему. Мы и постараемся в настоящем очерке осветить, в чем заключается неправильность того и другого взгляда, и наметить более отвечающее действительности научное представление о норме и патологии в пределах переходного возраста.

В последнее время учение о ненормальных явлениях и уклонениях приобрело себе прочную основу в понятии о конституции. Под конституцией разумеют обычно всю совокупность морфологических, физиологических и психологических особенностей, отличающих данного индивида и образующих его личность. Для того, чтобы выяснить понятие конституции, мы укажем кратко на то, каким путем это понятие возникло и развилось. Оно перешло в педологию из патологии, т. е. из учения о болезненных и ненормальных состояниях человеческой личности. Изучая всевозможного вида болезни, патология пришла к тому несомненному выводу, что в возникновении всякого болезненного процесса играют роль две причины: с одной стороны известное болезнетворное внешнее начало, которое является возбудителем данной болезни, как бацилла Коха является возбудителем туберкулезного процесса, а с другой стороны, известное предрасположение самого организма к тому или иному типу заболевания, коренящееся в особенностях и свойствах самого организма.

В самом деле: мы знаем, что есть целый ряд болезней, которыми заболевают люди, но не заболевают животные, есть далее болезни которыми заболевают дети, но не заболевают взрослые, и наоборот. Очень часты, наконец, случаи, когда одна и та же инфекция, одно и то же болезнетворное начало, скажем, та же бацилла Коха, проникшая в два различных организма, в одном вызывает острую тяжелую болезнь, быстро кончающуюся смертельным исходом, в другом случае либо остается вовсе без всяких последствий, либо вызывает короткий и не тяжелый процесс, быстро заживающийся. Наконец, одно и то же болезнетворное начало совершенно не одинаковым образом влияет на различные органы и ткани, поражая преимущественно то одни, то другие.

Все эти данные с полной ясностью говорят о том, что решающее влияние на возникновение болезни оказывает не только сила и характер самой инфекции, но и реакция организма на эту инфекцию, а эта реакция в свою очередь обусловлена состоянием и свойствами тканей и органов. Само собою разумеется, что одно и то же болезнетворное начало, скажем бактерия Коха, проникшая в организм, обладающий одними свойствами и особенностями (скажем, широко развитой грудной клеткой), вызовет одни последствия, в другом организме, скажем у человека с впалой узкой грудью, вызовет другие. Иначе говоря, самые органические условия, в которые попадает та или иная инфекция, то или иное вредное воздействие, оказывают решающее влияние на судьбу всего болезненного процесса.

В этом смысле многие авторы сравнивают процесс возникновения болезни с взрывом пороха, когда в него попадает искра. В самом деле, что является причиной взрыва? Можно сказать, что искра, так как без нее взрыва не было бы, но равным образом если бы эта искра попала не в порох, она не произвела бы взрыва. Таким образом, потенциальные свойства, которые в виде возможности заключены в порохе, актуализируются или активизируются тогда, когда в него попадает искра.

Под причиной, говорит Марциус, надо понимать материальный субстрат, который должен быть с самого начала для того чтобы известное явление могло произойти. Причина—основа всего процесса. Не искра причина взрыва пороха или нитроглицерина, а определенное расположение атомов в молекуле нитроглицерина или пороха. Это последнее, в смысле энергетике, обладает скрытой химической энергией, и она есть первопричина взрыва, искра же—лишь вызывающий момент. Равным образом, при заболевании брюшным тифом не Эбертовская палочка причина болезни, она лишь возбудитель, вызывающий момент. Причина же болезни—специфическая конституция человека, его восприимчивость к этой болезни, ибо ни в другой среде, ни даже в организме животных та же палочка не вызывает клинического брюшного тифа.

Наш взгляд на болезнь углубился с тех пор, как причину болезни стали искать не только во внешних возбудителях, но и в свойствах и особенностях самого организма, которые обуславливают характер его реакции на внешний возбудитель. Вместе с этим, была стерта черта, которая резко разделяла понятие болезни и здоровья. Само собою разумеется, что и до болезни те свойства организма, которые обуславливают возникновение этой болезни, существуют, находятся налицо и обуславливают реакцию организма.

Болезнь их усиливает, выявляет эти свойства и отсюда создается мнение, что в самих болезненных процессах мы должны видеть не только извращение нормальной жизнедеятельности и свойств организма, но часто только доведенные до конца, до наиболее яркого выражения те же самые особенности и свойства организма, которые менее заметно проявлялись и существовали и до момента заболе-

вания. Поэтому говорят часто, что патология есть «угнетенная норма». Отсюда открылось огромное значение изучения ненормальных явлений для понимания нормальных и обратно, необходимость знания особенностей здорового организма для правильного понимания характера самой болезни.

Мы видим, таким образом, что понятие конституции, возникшее в учении о болезни, постепенно вышло за эти узкие пределы и стало применяться ко всем здоровым людям, означая всю совокупность свойств и особенностей строения их тела, их физиологических и психологических функций. В последнее время это понятие еще больше расширилось.

Кречмер первый обратил внимание и своими исследованиями подтвердил тот факт, что существует зависимость не только между конституцией и болезнью вообще, но между строением тела и соответствующим типом душевного заболевания. Он показал, что среди душевно-больных также обнаруживается известная закономерность, и что лица, отличающиеся определенным типом строения тела обнаруживают предрасположение к заболеванию тем или иным типом психоза. Эта связь между строением тела и между душевным заболеванием, как и прежняя связь между понятием нормальной конституции и характером болезни, опять привела исследователей к тому, что самое это понятие было выведено за пределы патологии.

На этот раз заслуга опять принадлежит Кречмеру: он установил, что и здесь душевная болезнь не отделена непроходимой чертой от душевного здоровья, что они соединены целым рядом переходных форм, и что даже в состоянии полной нормы мы наблюдаем те же основные типы темперамента и характера, которые в своем крайнем патологическом выражении мы узнаем в психозах.

Таким образом, понятие психологической конституции было распространено также на переходные и ненормальные состояния и охватило собою весь круг нормальных и патологических нервно-психических особенностей и свойств организма.

Мы можем сейчас не останавливаться подробно на одной из самых сложных проблем конституции, именно, на вопросе о том, что надо понимать под конституцией: совокупность ли свойств, обусловленных наследственными задатками, или же совокупность свойств, характеризующих организм и возникших в процессе взаимодействия наследственных задатков внешними влияниями среды. В сущности говоря, этот вопрос в большой мере зависит от того, что мы условимся понимать под этим термином. Многие авторы сохраняют оба понимания, говоря в одном случае о генотипической конституции, тогда когда речь идет о совокупности свойств, обусловленных наследственными задатками, и о фенотипической конституции, тогда когда речь идет о совокупности свойств, обусловленных и наследственными задатками и приобретенными особенностями.

Нам остается только сделать еще один шаг и проследить последнее расширение этого понятия для того, чтобы перейти непо-

средственно к интересующему нас вопросу. Этот шаг заключается в познании динамической или возрастной конституции, которая характеризует совокупность свойств организма так, как они проявляются на каждой возрастной ступени. С этой точки зрения, многие авторы, как Блонский, говорят о возрастных конституциях, которые в отличие от конституций взрослого человека являются динамическими, изменчивыми. В самом деле: на каждой данной возрастной ступени строение тела ребенка, его физиологические и психологические функции отличаются целым рядом особенностей, которые принято называть возрастными симптомо-комплексами.

Как мы видели выше, каждому возрасту до известной степени соответствует своя патология. Это значит, что особенности данного возраста являются конституциональными особенностями и также определяюще влияют на реакцию организма в нормальном и болезненном состоянии, как и сложившаяся устойчивая конституция взрослого человека. Единственной особенностью, единственным отличием этой конституции является то, что, как уже сказано, она изменчива. Вместе с общим процессом роста и развития ребенка, вместе с изменением его желез внутренней секреции, она существенно меняет свой тип, иногда переходя в противоположный.

Строго говоря, и этот момент изменчивости не является исключительной особенностью возрастной конституции, потому что конституция взрослого человека, если понимать ее широко, как фенотипическую конституцию, по существу дела, является не постоянной, а изменчивой величиной, но самые эти изменения совершаются в гораздо более узких пределах, более или менее устойчивого типа, в то время как изменчивость детской конституции переходит за пределы всего того, что мы можем наблюдать у взрослого. И вот эти количественные различия переходящие в качественные, в сущности, и является основой, на которой возможно, с одной стороны, связать возрастную конституцию общим понятием конституции, а, с другой стороны, отграничить ее как особый вид или форму конституции.

Понятно, таким образом, какое огромное значение приобретает вопрос о конституции каждого отдельного возраста. В сущности говоря, характеризуя конституцию какого нибудь возраста или человека, мы тем самым пытаемся дать общее определение всех его свойств и особенностей, выразить самое ядро данного возраста, дать общую формулу, общий закон, которому подчинены все реально частные проявления жизни человека в данную пору. Понятно поэтому, что вопрос о конституции в переходном возрасте приобретает исключительное значение. В зависимости от того или иного ответа на этот вопрос решается все наше отношение к периоду полового созревания и к отдельным его моментам и, следовательно, весь характер нашего педагогического подхода к подростку.

Существует установившийся взгляд, подкрепленный целым рядом исследований, характеризует конституцию переходного воз-

раста, как астеническую конституцию. Остановимся кратко на этом понятии. Существует много различных классификаций и определений типов конституции. Многие авторы различают так называемые нормы и аномалии конституции, но в сущности все многообразие различных классификаций конституции сводится почти всегда к различению двух крайних и одного среднего типа строения человеческого тела, хотя многие системы называют четыре и больше типов конституции. Наиболее распространенная сейчас классификация Кречмера различает три основных типа: пикническую, астеническую и атлетическую конституцию. Пикнический тип строения тела характеризуется широким развитием полостей головы, груди и живота. Это обычно люди с короткими конечностями, с хрупким строением костяка, с слабой мускулатурой и обильным жировым покровом.

Противоположными чертами характеризуется астенический тип строения тела. Это обычно люди, для которых характерно преобладание роста вверх над ростом вширь; эти люди имеют обычно цилиндрическое туловище с узкой длинной грудной клеткой и узкими плечами, руки и шея производят впечатление длинных, кости, мускулатура и кожа тонкие, худые, лицо обычно продолговатое. И, наконец, атлетический тип строения тела характеризуется широким развитием скелета и мускулов: широкие плечи широко развитая мускулатура и гармоническое развитие всего тела характеризует атлетов.

Так вот, ко второму из этих типов, именно астеническому, причисляют обычно подростка указывая на то, что между возрастным симптомо-комплексом этого периода и особенностями астенической конституции существует несомненное родство. По подсчету проф. Маллова астеническая конституция прогрессивно нарастает от более раннего к более позднему возрасту и наиболее частой аномалией детей школьного возраста является именно астеническая конституция. „По моим данным“, — говорит этот автор, — „астения отмечена у 9,3% всех детей если же разбить детей по возрастам, то оказывается, что в грудном возрасте она определяется в 1%, в дошкольном в 10%, а в школьном возрасте в 31,6%“.

Само собой разумеется, что такое возрастание этой аномалии конституции в 30 раз по сравнению с грудным возрастом и в 3 раза по сравнению с дошкольным, не может не иметь оснований в особенностях самого возраста, не может не говорить нам чего-то об о нормальных свойствах организма в этот переходный период.

„Как известно, говорит Блонский, патологическое есть в подобных случаях утрированно нормальное, и столь часто встречающаяся в предпубертальном детстве и в стадии полового созревания патологически астеническая конституция есть только утрированная, если можно так выразиться, физиологической астеничности длинного возраста“.

Что же представляет собой астеническая конституция? По своему существу, говорит проф. Маслоу, астения есть конституциональная

слабость, распространяющаяся в большей или меньшей степени на все органы и ткани, проявляющаяся своеобразным *habitus* ом, своеобразным функционированием органов и обменом веществ. Многие авторы до сих пор отрицают самостоятельное существование этой конституции. Некоторые авторы как проф. Киссель считают, что астения есть выражение туберкулезной интоксикации, другие сводят астению к явлениям дисгармонии роста, указывая на то, что она есть состояние приобретенное, так как она проявляется главным образом в школьные годы.

Однако большинство клиницистов, в том числе и проф. Маслов, принимая оба эти возражения и соглашаясь с тем, что астения чаще является приобретенным состоянием и, в частности, непосредственным выражением туберкулеза, полагают, что все же в большинстве случаев астения есть, несомненно, конституциональное состояние. Другие исследователи склонны считать эту конституцию нормальным состоянием, учитывая необычайную частоту ее распространения. То, что астения выявляется в школьные годы, проф. Маслов объясняет тем, что пока организму предъявлялись минимальные требования, она оставалась в зачаточной или скрытой форме школьная же жизнь и период полового созревания требуют более напряжения от организма и астения выявляется.

Итак, астения есть общая конституциональная слабость, которая в большей или меньшей степени охватывает все решительно стороны организма и, сближая патологическую аномалию конституции с нормальными особенностями возраста, мы тем самым утверждаем, что основной чертой, характеризующей конституцию подростка, является общая ослабленность, дисгармония, в известной степени болезненность этого возраста. Так, Блонский полагает, опираясь на мнение проф. Воробьева, что большинство подростков от 15—16 лет уже перенесло туберкулез, что ультра-астенический подросток получается в результате борьбы растущего детского организма с туберкулезной средой.

Если бы мы хотели выразить наиболее полно особенности строения тела подростка, мы могли бы сказать, что оно характеризуется как полная противоположность строению тела грудного ребенка. Если для этого последнего характерна коротконовость, большеголовость, длиннотуловищность и нейтральность в смысле половой дифференциации, то все эти четыре признака сменяются на обратные у подростка. Подростка характеризует относительная длиннотуловищность, малоголовость, сокращение относительных размеров туловища и наличие ясной половой дифференцировки, проявляющейся в созревании вторичных половых признаков и в изменении строения тела у мальчиков и у девочек по определенному половому типу.

Мы знаем уже, что эта смена конституции на противоположную происходит главным образом, в результате глубоких изменений, совершающихся в системе желез внутренней секреции. Мы знаем далее, что щитовидная железа и эпифиз, играющие такую видную роль

в раннем детстве, отмирают в эпоху полового созревания и главенство приобретает щитовидная железа, гипофиз и зачаточные железы. В связи с этим и происходит такое резкое изменение типа конституции.

Этим и объясняется то, что среди анатомических и физиологических особенностей переходного возраста отмечаются многие такие, которые действительно являются характерными для астении. Усиленный рост организма, созревание половой системы сопровождается, как указывали обычно, малокровием и ослаблением центральной нервной системы, отставанием в развитии грудной клетки, дисгармонией в росте и развитии сердца и кровеносных сосудов. Обычно указывается на то, что сосуды отстают в своем росте от роста сердца, в результате сильно возросшее сердце прогоняет кровь через сосуды, оставшиеся более узкими, отчего и возникает повышенное кровяное давление, которое многие считают из одной причины биологических особенностей периода полового созревания.

Однако, это мнение о нормальной астеничности переходного возраста вызывает в последнее время все большие и большие сомнения. Дело началось с пересмотра отдельных симптомов и заканчивается на наших глазах пересмотром всей картины переходного возраста или, во всяком случае, учения о возрастной конституции данного периода, И. А. Арямов с полным основанием указывает на интересную в этом отношении работу Бидля, который говорит: „Мы напрасно стали бы искать полную картину полового созревания, в которой отдельные проявления были бы обоснованы в их причинном взаимодействии и, таким образом, удовлетворили бы нашу потребность в познании“ Так, в частности Бидль показал, что обычное мнение о дисгармонии в развитии сердца и сосудов является ошибочным, так как оно основано на измерениях кровеносных сосудов, произведенных на трупах, и не учитывает по смертного сжатия.

Те же исследования проведенные на живых подростках при помощи рентгеновских лучей, не обнаруживают подобного отставания в росте сосудов по сравнению с ростом сердца. Серьезное значение имеют в этом отношении и собственные исследования И. А. Арямова, которые показали, на основании измерения роста, веса, грудной клетки, строения верхнего и нижнего отрезков тела, развития мускулатуры, степеней отложения жира, что нормальная астеническая конституция встречается в переходном возрасте в 24%, в то время, как пикническая в 17% и атлетическая в 29%.

Сравнивая эти данные с данными относительно распределения этих же трех типов конституции среди студенчества (1918—22 г.г.) этот исследователь не мог обнаружить большой разницы в распределении конституции в одном и другом возрасте. Среди юношества же три типа конституции были распределены следующим образом: 22% астеников, 22% пикников и 24% атлетов. Это показывает, что астеническая конституция распространена в переходном возрасте примерно столь же часто, как и в последующих возрастах.

и отнюдь не является господствующей или определяющей чертой массового подростка. Повторное исследование 1927 года показало следующие цифры: 29,5% астеников, 15,7% пикников, 27,5% атлетиков.

Если эти данные конституционального исследования подтвердились бы и в дальнейшем, мы имели бы право понять в новом виде мнение о родстве астенического типа и возрастной конституции подростка и могли бы разрешить то основное противоречие, которое заключено в этом утверждении. В самом деле, мы уже говорили вначале настоящей части о том, что период полового созревания характеризуется всесторонним, бурным, мощным поднятием жизнедеятельности организма, повышением всех сторон личности подростка, и что переходный возраст является скорее возрастом подъема, чем упадка.

Очевидно, что все эти явления, свидетельствующие о мощном подъеме жизнедеятельности в переходный период никак не мирятся с представлением о подростке как астеника, т. е. с представлением об общей ослабленности, как основной и характерной черте этого возраста. Не слабость, но сила, не упадок, а подъем являются основной главенствующей чертой, характеризующей анатомические и физиологические изменения, происходящие в этом возрасте. Самые черты слабости, самые конфликты возникают на основе бурного подъема, который вызывает нарушение сложившегося в детский период равновесия.

Да и было бы биологически высшей степени трудно каким образом процесс полового созревания относящийся, как мы уже говорили, к тому моменту, когда организм является достаточно сильным, созревшим и развитым, т. е. подготовленным к функции продолжения рода, каким образом этот процесс может быть связан с общим ослаблением организма или падать на астенический период в развитии человека. Но учение об астенической конституции не ограничивается одной только анатомофизиологической стороной личности, оно имеет свое естественное продолжение в учении о психологической конституции или темпераменте и характере о конституциональных особенностях поведения в переходный период.

Как мы уже говорили, Кречмер установил родство известных конституциональных типов и известных типов душевного заболевания, в частности он показал, что лица с астенической и атлетической конституцией заболевают преимущественно шизофреническим психозом, а лица с пикнической конституцией заболевают преимущественно циркулярным или маниакально-депрессивным психозом. Сущность первого заболевания заключается в расщеплении личности, в распаде сознания, в противоречии между внутренней и внешней жизнью, в неумении приспособить свое поведение к реальности. Сущность второго заболевания заключается в смене патологической депрессии (подавленности) и патологического возбуждения (маниакальное состояние). Благодаря этой смене и самое заболевание получило название циркулярного, т. е. кругового психоза.

Мы говорили уже, что Кречмер не ограничивается установлением этого, а переходит далее к сближению понятия нормального темперамента и болезни. Наряду с душевно больными шизофрениками Кречмер различает нормальных людей, темперамент которых он называет шизотимическим. Циркулярному психоту среди нормальных людей соответствует циклотимический темперамент.

Поясним это в нескольких словах: подобно тому, как у больного мы наблюдаем смену угнетенного и возбужденного состояний, точно так же и темперамент нормального человека может характеризоваться преимущественно подобной сменой возбуждения и подавленности, но не принимающей патологических размеров. Такого человека Кречмер называет циклотимиком.

Далее, подобно тому, как поведение шизофреника характеризуется распадом личности, несоответствием настроения и поведения, уходом от реальности и замыканием в себе, все эти черты в ослабленной форме характеризуют темперамент нормального шизотимика. Вот как сам Кречмер рисует эти различия, он говорит: „Циклоидные люди — прямые несложные натуры, чувства которых в естественной и непритворной форме вслышавают на поверхность и в общем каждому вполне понятны. Шизоидные люди имеют поверхность и глубину. За безмолвным фасадом, который слабо отражает угасающее настроение, мы не можем судить, что скрывается внутри. Бывают шизоидные люди, отсылительно которых после десятилетней совместной жизни нельзя сказать, что мы их знаем“.

Блейлер называет эту особенность темперамента аутизмом, т. е. замкнутостью в самом себе, уходом в себя. Кречмер считает самым характерным для этого темперамента колебания между полюсами раздражительности и тупости подобно тому как циклотимические темпераменты колеблются между полюсами веселости и печали. П. П. Блонский полагает, что ребенок раннего возраста, с его быстрыми переходами от смеха к слезам и обратно может быть по своей психологической конституции сближен с циклотимиками, т. е. с людьми, темперамент которых колеблется между полюсами веселости и печали. Наоборот, подросток должен быть сближен по своей болезненной впечатлительности и вместе замкнутости с шизотимическими темпераментами. В подтверждение он приводит слова Кречмера, который говорит: „Шизофрения падает преимущественно на период полового развития. В период полового развития шизоидные черты характера находятся в полном расцвете“.

Таким образом аутизм, замыкание в себе, уход в себя, необщительность, чрезмерно обостренная впечатлительность, повышено-аффективная установка — все это является чертами, характеризующими этот темперамент.

Мы видим, таким образом, что учение о психологической конституции подростка находит в поведении подростка те же болезненные черты, которые астенция обозначает в сфере анатомофизиологических особенностей. Сказать, как это делает рассматриваемое

учение, что конституция подростка характеризуется астенически-интэнзивным типом, значит сказать, что в нормально протекающем периоде полового созревания обнаруживаются те черты, которые в заостренном, доведенном до конца крайнем выражении соответствуют патологической картине туберкулеза в области анатомо-физиологических свойств организма и шизофрении в области психологической. Ослабленность и распад — вот что характеризует переходный период с этой точки зрения.

В последнее время это учение об особенностях темперамента или психологической конституции в переходном возрасте вызывает столь же законные сомнения, как и вопрос об астеничности подростка. Те же исследования проф. Арямова показали, что среди 2000 рабочих подростков обнаружено только 30% возбудимых и 70% уравновешенных и спокойных.

Почти такое же распределение намечается и в отношении общительности и замкнутости: 62% общительных и 38% замкнутых, при чем, пожалуй, самым важным из всего этого является то наблюдение, что самая пропорция в сочетании и комбинировании этих черт не соответствует шизоидной пропорции. Так, например, замкнутость и уравновешенность — с одной стороны и общительность и возбудимость — с другой встречаются часто рядом друг с другом в то время, как формула шизоидной конституции характеризуется сочетанием замкнутости с возбудимостью. Мы ниже в особой главе рассмотрим подробно результаты этих исследований.

Здесь укажем только, что эти исследования обнаружили реализм, практичность, здоровое критическое отношение к действительности там, где старые данные говорили о чрезмерном фантазировании, уходе от реальной жизни, утрачивании интереса к внешнему и т. д. Достаточно сказать, и к этому мы тоже вернемся еще ниже, что все эти данные, как говорит проф. Арямов, заставляют скорее опасаться за некоторую чрезмерность практичности и отсутствие склонности к мечтаниям, уводящим от насущных нужд, от повседневной жизни. „Получается впечатление, что нашей школе, обслуживающей советского подростка, необходимо обратить серьезное внимание на усиление моментов, развивающих творческую фантазию своих питомцев чтобы из них получились не только хорошие исполнители, работники, но и исследователи, творцы“

В особых главах, посвященных анализу интересов подростка, культурного его развития, общей структуры его личности мы будем еще неоднократно иметь случай вернуться к этому вопросу. Здесь нас интересует только тот итог, тот суммарный вывод, который позволяет нам правильно подойти к общей оценке переходного возраста и его особенностей.

Мы видим, таким образом, что ни в области соматической конституции, ни в области психологической конституции как будто не подтверждается тот факт что особенности переходного возраста сами дают повод для того, чтобы весь возраст рассматривать в свете „нормальной патологии“.

Сходное положение создалось и в настоящей патологии, т. е. в учении об заболеваниях, соответствующих переходному возрасту. И здесь, как говорит Гомбургер исследователям представлялось почти совершенно невозможным провести резкую границу между нормальными процессами созревания и его уклоном в ненормальное. Явления, сопровождающие половое созревание у подростка, не только по степени, но и по самому своему характеру часто принимались за процессы, стоящие на крайней линии нормы. Причину этого со всей справедливостью автор видит в том, что, как он выражается, ни один род душевных болезней не представляет таких трудностей в смысле проникновения в их внутреннюю жизнь, как большая часть людей во время нормальных процессов полового созревания.

Таким образом создавалась двойная трудность. С одной стороны, проникнуть во внутренний мир подростка оказывалось труднее чем разобраться в какой-нибудь сложной душевной болезни. С другой стороны, само поведение подростка давало повод считать, что всякая резкая граница между нормальным и ненормальным стерта и явления полового созревания непосредственно сливаются и смешиваются с явлениями патологическими.

Этому соответствовало общее мнение, господствовавшее в психиатрической и педагогической литературе и заключающееся в том, что эту эпоху рассматривали у обоих полов как время особенно опасное в смысле душевного здоровья. Как говорит Гомбургер, это считали легко приятным потому, что серьезные преобразования всего организма благоприятствуют превращению самых чувствительных функций нервной системы и психической жизни. Однако, со всей справедливостью он констатирует, что дело, во всяком случае, не обстоит так просто, как это рисовалось иными исследователями, ибо, если бы действительно процессы полового созревания заключали сами в себе опасность для душевного здоровья, то психические нарушения этой эпохи должны были бы быть гораздо многочисленнее, чем это на самом деле наблюдается.

С другой стороны, в высшей степени является невероятным тот факт, что нормальные процессы созревания, как таковые, могут быть связаны с повреждениями нервной системы и психики. Поэтому, этот автор рекомендует величайшую критическую сдержанность по отношению к этому обще-распространенному мнению.

Ту же самую мысль о биологической несообразности идеи о том, что период полового созревания является периодом нормальной патологии, высказывает А. Б. Залкинд, приводя два в высшей степени основательных мотива.

Уже самое признание постепенности эволюции организма, принятие того положения, что все органы и системы развиваются не внезапно, что функциональные их предпосылки постепенно вырабатываются задолго до окончательного их анатомического оформления, делают странной столь болезненную реакцию детского организма на появление в нем готового полового элемента, так называемой, зрелой половой секреции.

Новейшие наблюдения над развитием сексуальной жизни, как показано в предыдущей главе, приводят нас с несомненностью к тому выводу, что половая система не составляет исключения из того общего правила, что организм всей предшествующей своей эволюцией подготовлен к половому созреванию, что половое созревание не возникает из ничего, не падает с неба, что химические и прочие предвестники этой секреции входят в состав организма задолго до оформления полового кризиса. Было бы, конечно, величайшей ошибкой отрицать критический переломный характер полового созревания, это несомненно момент революционный, а не эволюционный в развитии организма, однако, и самый перелом следует понимать как перелом, подготовленный длительным процессом постепенного развития.

Второе соображение, говорящее против признания переходного периода возрастом нормальной патологии, заключается в том, что половое созревание является устоявшейся биологической единицей, которая воспроизводится у каждого данного подростка после того, как сотни тысяч поколений проделали ту же самую эволюцию. „Естественен ли этот бурный взрыв, спрашивает проф. Залкинд, эта грубо обостренная крупность организма в переходный период, эта сумасшедшая реакция его на появление зрелой половой секреции“

Было бы, однако также ошибкой впасть в обратную крайность и закрыть глаза на те конфликты и осложнения, которые являются неизбежными спутниками периода полового созревания. Об этом говорит нам и психопатология. Мы знаем, что определенные душевные заболевания, которые встречаются в другие периоды крайне редко, становятся особенно частыми именно в этот период и в вскоре после него. Мы знаем далее, что этот период является критическим для всего душевного развития и особенно для выявления аномальных задатков у того или иного ребенка. Это, конечно, не случайно, что эпоха развития шизофрении падает именно на этот возраст, не случайны и другие осложнения нервно-психической жизни, совпадающие с периодом полового созревания. Но одно остается несомненным: сам по себе возраст в своей конституциональной обусловленности остается нормальным, здоровым не патогенным.

Мы приходим, таким образом, к общему выводу относительно конфликтов и осложнений переходного возраста. Пока мы можем сформулировать этот вывод в число негативной форме. Мы видели, что ряд современных исследований, как в области конституции, так и в области характера, приводят нас к одному и тому же; прежнее мнение относительно того, что общая ослабленность физического развития и известная рацеппленность психического облика, которые почитались основными особенностями переходного возраста и источниками, откуда брали начало все конфликты и осложнения в этот период, это мнение не вполне подтверждается фактами. Вывод этот, как мы видели, совпадает вполне с данными детской психопатологии.

Здесь перед нами встает ряд новых вопросов без ответа, на которые самый вывод, получаемый нами, лишается своей огромной научной ценности, так как остается совершенно неисчислимым и непоправимым, чем же объяснить в таком случае богатство конфликтов и осложнений переходного возраста, если мы отказываемся от старого объяснения, сводящего эти конфликты к конституциональной ослабленности и расщепленности. Нам предстоит выиснуть сейчас в самых кратких чертах несколько вопросов.

Первый заключается в том, чем объяснить радикальное расхождение в выводах, к которым приходит исследователь одного и другого направления. Первое и самое легкое объяснение заключается в том, что в сущности целый ряд фактических оснований, послуживших для рассмотренных выше выводов, менее всего отрицается представителями нового направления в учении о переходном возрасте. Быва ли серьезный исследователь решился бы утверждать, что этот возраст является возрастом сплошного благополучия, или скажем, что он вообще может быть отнесен к числу устойчивых возрастов, что он может выдержать в этом отношении сравнение с первым школьным возрастом, который часто называется затишьем перед бурей.

Нет также ни одного исследователя, который пожелал бы отрицать критический характер этого периода, а признание критического характера заставляет признать и богатство конфликтов и осложнений, которыми всегда сопровождается всякий кризис. Все расхождение между старым и новым мнением заключается не в том, что одно признает, а другое отрицает критический характер переходного возраста, расхождение в мнениях сводится к тому, как мы оцениваем самый этот кризис. Для одних это кризис расщепления и ослабленности, для других это кризис подъема жизнедеятельности и формирования личности. Суть кризиса в обоих случаях является диаметрально противоположной.

Мы уже говорили, что с точки зрения биологической является мало вероятным мнение, согласно которому переходный возраст сам по себе означает кризис слабости и распада. Было бы также совершенно непонятно, почему этот возраст является подготовительной ступенью к юности, которая, по общему признанию, является эпохой расцвета всех сил человека, было бы непонятно, почему эпоха полового созревания падает как раз на моменты слабости и незащищенности организма, было бы непонятно далее, каким образом этот мост, по которому человек переходит от детства к зрелому состоянию, является таким хрупким и шатким, непонятен был бы и целый ряд отдельных фактов, почему этот возраст является возрастом быстрого роста, прибавки веса, развертывания скелета, нарастания мускулатуры, наконец, почему это самый жизнеспособный возраст. Ведь все почти согласны в том, что возраст от 10 до 15 лет самый жизнеспособный возраст и что, говоря словами П. П. Блонского, „в этот период человек наиболее далек от смерти“.

Ведь если принять эту точку зрения, нам пришлось бы согласиться и с тем, что подросток является не переходным типом между

ребенком и взрослым, а скорее представляет своеобразные черты унаследованной и составленной ребенка. И, действительно, сторонники этой точки зрения с неизбежной логикой приходят к выводу, что эта эпоха является эпохой состаривания организма. П. П. Блонский указывает на тот факт, с которым нам придется здесь иметь дело: перед самой эпохой полового созревания в развитии ребенка наблюдается один эволюционный зигзаг, который представляет немалые трудности для объяснения и который со стороны антропологической можно сейчас решить только гипотетически. Зигзаг этот заключается в том, что приблизительно в самом конце предпубертального детства, следовательно, перед самым началом полового созревания ребенок обнаруживает наибольшую близость по типу строения своего тела с взрослым человеком.

Если мы выберем за критерий близости ребенка и взрослого так называемый морфологический показатель.¹⁾ то мы увидим, что этот показатель перед самым наступлением полового созревания оказывается наиболее близким к показателю взрослого человека. Эпоха полового созревания означает отклонение этого показателя от нормы взрослого и в юности показатель опять выравнивается. Создается впечатление, что развитие, подойдя вплотную к эпохе полового созревания, как бы наиболее приближается к типу взрослого человека, затем оно резко отклоняется вниз, чтобы после снова достичь этой самой точки, к которой оно раньше уже приблизилось почти вплотную. Отсюда П. П. Блонский делает следующий вывод: приблизительно в конце детства ребенок по своему показателю и по всем величинам, зависящим от этого показателя, сравнивается с взрослым.

В это время по росту, весу, пропорциям он является как бы антропологическим аналогом так называемых детских рас. Так называются некоторые племена примитивных народов в центральной Африке (племя Акка), в Австралии и Азии. Эти племена, названные детскими расами, очевидно, не имеют вовсе того периода развития, который мы называем юностью, и переходят из детства прямо в стадию половой зрелости. Юность в антропологическом смысле этого слова им неизвестна. На основе этого можно сделать предположение, подтверждающееся и другими данными, что „юность не является вечным явлением, но составляет очень позднее с биологической точки зрения, почти на глазах истории происшедшее приобретение человечества“

Сущность этой эпохи заключается в том, что „происходит омоложение уже начинающего стариться в годы подростничества организма человека, говорит П. П. Блонский. Как это ни парадоксально звучит, с морфологической точки зрения юноша — омолодившийся подросток. Как ни правильно само по себе лежащее в основе этого допущение, что эволюция ребенка совершается зигзагами, а не движется по прямой линии вверх, и непосредственно включает в

¹⁾ Морфологический показатель вычисляется из отношения торса (рост сидя) к длине тела (рост стоя).

себя момент инволюции, т. е. обратного развития, как ни вероятно далее предположение, что юность является поздним приобретением человечества, почти неизвестным примитивному человеку. Все же вывод, который делается из этих двух соображений, кажется не только парадоксальным, но и просто невероятным. Именно с биологической точки зрения, повторюем невероятно то, что во время полового созревания, как известно завершающая процесс развития, увенчивающая его и являющаяся его кульминационной точкой, у человека падает на длительный период состаривания организма, невероятно, что переходный возраст есть эпоха состаривания, а, раз так, то невероятно, будто эта эпоха является эпохой асцени и инволюции.

Мы думаем, что ошибочность этого взгляда заключается не в том, что он основывается свои выводы на неверных фактах. Факты, как мы сказали уже, подтверждаются ежедневными наблюдениями и не вызывают никаких сомнений. Спор может идти об объяснении, которое дается этим фактам. Вопреки очевидной биологической функции этого возраста, теоретики, приходящие к такому пониманию, основываются главным образом на фенотипической точке зрения, т. е. на сближении явлений по внешнему сходству их признаков. Заметивши в конфликтах и осложнениях переходного возраста явления сходные с ослабленностью и распадом, подметивши далее сходство этих явлений с явлениями состаривания организма, исследователи эти авторы на основе фенотипического, т. е. внешнего сходства, сблизили и сочли родственными оба эти явления.

Но весь прогресс современной педологии, как в свое время весь научный прогресс естествознания, тесным образом связан с изменением фенотипической точки зрения на генетически кондициональную. Когда то ботаники и зоологи относили к одному виду растения и животных по их внешним признакам, а так как самые различные растения и животные, живущие в одинаковой среде и сходных условиях, вырабатывают целый ряд сходных приспособлений, то естественно, что обманываясь этим внешним сходством, ученые относили к одному классу два явления, глубоко несходные между собою.

Так, согласно этому взгляду, кит относится к классу рыб, потому что и по строению своего тела, и по всему внешнему облику он ближе напоминает водных животных, рыб, чем земных. По внешнему виду, фенотипически кит, конечно, родственнее акулам и щукам, чем оленям и зайцам.

Дарвин, впервые открывший происхождение видов, сделал возможным применение генетической точки зрения в биологии т. е. отнесение к одному классу таких явлений, которые по своему происхождению и следовательно, по своей истинной природе, а не по внешним признакам, относятся к одной и той же группе. Нечто подобное, как правильно указывает К. Левин, происходит сейчас и в психологии. И здесь мы видим повсюду переход от изучения основанного на толковании внешних признаков, к генетической точке зрения, т. е. к попытке выяснения истинной генетической природы того или иного факта.

Попробуем заметить подобное генетическое понимание конфликтов и осложнений, происходящих в переходном возрасте. Возвращаясь к тому первому вопросу, который мы поставили перед собой, мы должны сказать: расхождение в мнениях относительно природы и характера конфликтов и осложнений в переходную эпоху обуславливается двумя основными моментами. Во-первых, переходом от феногигиенической к генетической точке зрения, и следовательно, изменением самих принципов объяснения, а во-вторых различием в самом изучаемом объекте.

Дело в том, что подавляющее большинство наблюдений и фактических данных касательно переходного возраста, которые легли в основу традиционной теории этого возраста, были все получены на подростке высших классов общества; подросток рабочий изучался лишь в очень незначительной степени, а крестьянский не изучался вовсе. Как мы указали уже, даже такие яркие представители западной педологии, как Шпрангер, пришли к осознанию невозможности построения общего учения о подростке вообще и стали сознательно ограничивать свою задачу исследованием буржуазного подростка какой-нибудь одной определенной страны. Только индуктивным путем, путем накопления данных об отдельных типах подростка, можем мы прийти, говорят эти авторы, к общему абстрактному учению о развитии подростка вообще.

Итак, первая причина заключается в различии точек зрения, вторая в различии наблюдаемого объекта. Не то, чтобы рабочий подросток не обнаруживал вовсе тех особенностей, которые были наблюдаемы на подростке буржуазном, или обнаруживал некоторые черты, абсолютно чуждые буржуазному подростку. Дело скорее заключается в изменении пропорций, в изменении самой структуры облика, который получился в результате этих исследований. Часто те же самые черты, но иначе выраженные, иначе распределенные, смешанные в других пропорциях, приводят к тому, что весь облик целом приобретает как бы новое лицо.

Таким образом, на место одного первого вопроса, перед нами встанут два новых. Первый сводится теперь к следующему: как объяснить то обстоятельство, что у различных социальных типов подростка общее распределение черт в возрастном симптомо-комплексе настолько широко разнится, что приводит при последовательном проведении этой идеи к двум полярно противоположным теориям переходного возраста, из которых одна видит сущность его в ослабленности и распаде, другая — в под'еме и созревании.

Вторая задача будет заключаться в том, чтобы объяснить, как в свете этой новой теории можно, хотя бы предположительно, представить себе те действительные патологические изменения, те осложнения и конфликты, которые наблюдаются в переходном возрасте, как примирить это обилие конфликтов с общим характером возраста, выражающимся в под'еме жизнедеятельности, как мы говорили уже не раз. Ответ на оба эти вопроса и дается, в сущности, заключением всего нашего очерка. Раньше всего о первом.

Идея о том, что переходный возраст не является „по вечным законам природы“ кризисом ослабленности организма со всеми присущими ему симптомами, а оказывается таковым только в силу определенных исторических и социальных законов, эту идею впервые высказала у нас проф. Залкина. Исследования в этой области дали фактические подтверждения этой идеи и привели нас к заключению, что самый тип развития в переходном возрасте глубоко различается у буржуазного и рабочего подростка. К тем же выводам, только с другой стороны, как мы видели, подошли и некоторые буржуазные педологи.

В мысли А. Б. Залкинда заключается уже намек и на объяснение этого явления. Он говорит, что в чрезмерной силе и грубости переходного кризиса виновны в основе отнюдь не биологические моменты. Главная вина, говорит он, лежит на той колоссальной дисгармонии между современным человеческим организмом и социальной средой, которая создает неслыханные перемещения, переключения энергетического фонда человека, предъявляя требования и раздражения не по возрасту, создавая ряд уродливых наростов. К ответственной зрелой стадии своего бытия человек приходит уже дезорганизованный, ослабленный, расщепленный. Есть от чего проявиться чрезмерной хрупкости, бурному взрыву, болезненному кризису. В иных условиях среды переходная стадия лишь скрепила бы организм, завершая, систематизируя в нем то, что подготавливалось до этой стадии. При более спокойной среде чувствительность переходного возраста сводится к минимуму, пример — животные*.

Самую остроту кризиса и хрупкость организма А. Б. Залкинд видит в уродливых напластованиях, которые вгнездили в подрастающий организм дефекты современной социальной среды. Эти дефекты приводят, как показывал автор в другой книге, к половому паразитизму, который состоит в раннем перерождении детской энергии и направлении ее по линии наименьшего сопротивления.

В этом отношении, самый важный результат всех этих исследований состоит в обнаружении того, что сгущение детской сексуальности есть не первичное биологическое явление, а „результат неблагоприятных социальных нагнетений на первично сам по себе незначительный элемент сексуальности. Так избыточное половое содержание современного ребенка оказывается столь актуальным потому, что питается за счет оттесненных средой других обще-биологических и социальных влечений, паразитически всасывая их энергетический фонд. Вот откуда получается это сверхсложное богатство ранней половой жизни, это несоответствие полового материала и возраста, и оно то и влечет в дальнейшем к тем многообразным нервно-психическим дезорганизациям, которые так часто встречаются в переходном периоде у детей*.

В предшествующей главе мы видели, что сексуальный инстинкт находится в сложном отношении со всеми другими, он может паразитировать, отовешивать энергию у других влечений, заслонять их дабы оттеснить их и жить за их счет, но он может и сам

явиться питающей почвой для творческой деятельности, сублимируя и переносимая половую энергию в высшие формы деятельности.

Мы видим, таким образом, что процесс паразитизма является обратным процессу сублимации. Запомним это, так как это пригодится нам при объяснении интересующего нас вопроса, к которому мы сейчас можем уже приступить вплотную. Нам думается, что в этих объяснениях существенно смешаны два момента, точное разграничение которых сильно помогло бы истинному выяснению причин интересующего нас явления и помогло бы разрешить этот вопрос на основе того общего подхода к переходному периоду, который нами намечен в одном из прежних очерков.

В самом деле с одной стороны, примером биологически благополучно протекающего периода полового созревания являются животные, это совершенно верно. У животных период полового созревания является не критическим, не переходным, а завершающим, заканчивающим весь процесс детского развития. Сходное положение мы имеем и у так называемых детских рас, о которых мы говорили выше. И в примитивном обществе, сколько мы можем судить по имеющимся в нашем распоряжении материалам, переходный период не является периодом конфликта или кризиса, он становится таковым только в социальной среде, только в связи с культурным развитием человечества.

В этом смысле нам кажется совершенно справедливым общее положение, выдвинутое Корре. Критичность переходного возраста нарастает прямо пропорционально росту и поднятию культуры человеческого общества, культуры социальной среды. Чтобы объяснить это, нам следует возвратиться несколько назад и вспомнить, что все особенности переходного возраста мы пытались объяснить из расхождения или несоответствия трех точек созревания. Мы говорили, что самое большее своеобразие полового созревания у человека заключается в том, что момент половой зрелости, социально-культурного созревания и окончания общеорганического развития и роста не совпадают.

Эта единая точка созревания распалась на три отдельных, образуя своеобразный треугольник, который схематически изображает структуру переходного возраста и основу его критичности. Но теперь мы можем спросить: как возникло это несоответствие? Нам думается, все предшествующее достаточно ясно говорит за то, что оно возникло исторически; у животных дело обстоит иначе, там две точки созревания, полового и общеорганического, непосредственно совпадают, есть основания полагать, что у человечества также некогда период полового созревания завершал процессы развития и роста, но далее человечество создало себе юность, оно вынесло свой период развития за точку полового созревания, и отсюда началось расхождение.

Вспомним далее, что это завоевание юности, это продление периода развития, это вынесение детства за черту полового созревания было вызвано причинами исторического и социального

характера, как правильно говорит П. П. Блонский, резко улучшенным развитием человечества в результате роста производительных сил. Таким образом биологические рамки детства были раздвинуты и человеческая биология была грубо переплакана и переиначена историей. — отсюда и начался кризис. Помнится, что, по мысли Корре, этот кризис будет прямо пропорционален росту культуры.

Мы можем теперь, пользуясь этой схемой, кратко пояснить, как в свете этой теории надо представить себе расхождение в типах развития у буржуазного и рабочего подростка. Этот второй момент — различие социальной среды, нельзя объединять с первым моментом, с сопоставлением среды биологической и социальной. Ведь из прежнего положения вытекает только тот факт, что по сравнению с биологической средой социальная вызывает более критическое протекание переходного возраста. Но вопрос этим не ограничивается.

Остается сказать далее, почему социальная среда намечает два столь полярно противоположных типа этого кризиса, которые мы наблюдаем у рабочего и буржуазного подростка. Объяснение этого нам кажется содержится в принятой нами схеме треугольного завершения процессов развития.

Что существенно отличает рабочего и буржуазного подростка друг от друга, это раньше всего их классово-противоположное положение в обществе: один принадлежит к эксплуатируемому, другой к эксплуатирующему классу. Это значит, что перед каждым из них стоят совершенно различные жизненные задачи в смысле приспособления. Перед одним, часто задолго до наступления поры полового созревания и уже никак не позже, встает необходимость социально-экономического приспособления.

Он должен трудиться, чтобы жить. Это становится для него основной жизненной потребностью, вернее сказать, целым гнездом жизненных потребностей, которые выдвигаются на первое место. Необходимость обеспечить свое жизненное существование, необходимость работать — чтобы есть, становится доминирующей потребностью, впервые созревающей именно в переходный период. Если мы обозначим условно вершины треугольника развития ПОС, то вершиной этого треугольника будет точка С, соответствующая моменту социально-культурного созревания. Вот почему рабочий подросток проходит часто сокращенный путь этого культурного созревания, вот почему его юность оказывается часто невыявленной, скомканной, бледной, как указывает Шпрангер, или как правильно указывает П. П. Блонский, часто он вовсе лишен юности, этого высшего периода культурного развития. Это позднее приобретение человечества, очень сильно варьирующее, неустойчивое и изменчивое, является, очевидно в известном смысле классовым достоинством. „Будущей истории человечества — говорит проф. Блонский — предстоит еще закрепить для себя юность, сейчас это далеко не общее достоинство, по крайней мере, как длительное явление. Обездоленные рабочие массы этим достоинством мало-мальски прочно еще не обладают“

Теперь представим себе соответствующее положение дела у буржуазного подростка. Здесь наш схематический треугольник будет опираться на другое основание; потребности обеспечить свое существование не будут занимать доминирующего положения. Этот подросток принадлежит к обеспеченным классам, ему обеспечено, следовательно, благополучное развитие в продолжении отрочества и юности, сама эта линия развития направляется преимущественно по одностороннему культурному руслу, а сама по себе потребность обеспечить жизнь, приспособиться к общечеловеческому труду занимает совершенно подчиненное место, возникая часто из вторичных мотивов морального, эстетического или психологического характера. Во всяком случае это не является жизненной потребностью.

Другая вершина нашего треугольника O, символизирующая вершину общеорганического созревания, переместится при этом справа налево, но в общем останется также в подчиненном положении, потому что по многим основаниям которые нами будут изложены ниже, эти потребности, связанные с общеорганическим созреванием, существенно перемещаются в различных структурах у рабочего и буржуазного подростка, но все же это величина биологически наиболее устойчивая и наименее варьирующая, как общие процессы роста и созревания тела.

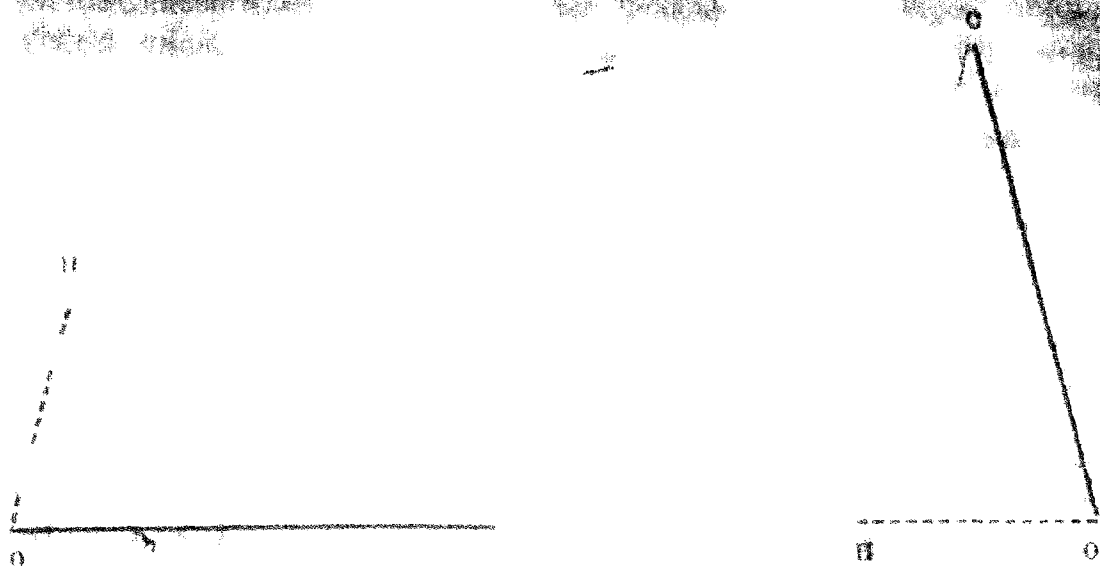
Но вершиной в данном случае будет точка полового созревания П. Эти новые биологически мощные побуждения и импульсы их естественной склонностью к доминированию займут самый верх структуры, а благодаря расхождению этих трех точек они будут обнаруживать тенденцию подниматься еще выше и выше.

Мы можем, таким образом, сказать, что расхождение трех точек созревания, о котором говорили мы все время, как об основной особенности полового созревания, имеет разную доминанту у рабочего и буржуазного подростка, как это показывают наши схематические треугольники, а отсюда и разную структуру, и разную динамику. Проследить различие этой динамики развития составит задачу нашего особого очерка посвященного рабочему подростку.

Сейчас мы, возвращаясь к тому, что было сказано в предшествующем очерке, хотели бы только определить, в самом основном, это различие, сказавши, что одна структура облегчает при прочих равных условиях путь сублимации, другая — паразитизма, сексуальной энергии. В самом деле, в одном случае подросток поставлен перед жизненной необходимостью обеспечить свое существование, и в зависимости от этого в подчиненном положении находятся все остальные потребности и влечения. Здесь самой силой необходимости человек толкается на путь сублимации. Величайшей ошибкой фрейдистской теории сублимации является приписывание чисто духовного характера этому процессу.

Когда читаешь книги З. Фрейда, создается впечатление, будто грубая половая энергия первобытного полузверя-получеловека направлялась на сложную культурно-социальную и техническую дея-

тальность под влиянием смутного влечения этого человека вверх. Нет ничего более неверного, чем подобное предположение. Только суровая необходимость, только неотвратимое приращение, только необходимость приспособления к новым формам жизни толкают некогда человека, толкают и сейчас подростка на эту сложнейший и труднейший путь. Отклонение бессудного инстинкта и переключение его на высшие пути только тогда становится делом, когда им движет необходимость. Во всех остальных случаях такая сублимация является только иллюзией, которая в действительности говоря, скрывает обратное явление — сублимацию с отрицательным знаком или паразитизм.

Если самой структурой своих потребностей, самым своим жизненным положением рабочий подросток, как показывает наш треугольник, толкается на путь сублимации, буржуазный подросток также своей жизненной позицией, также самой структурой своего возраста толкается на обратный путь, на путь паразитизма.

Чтобы избежать недоразумения, которое может возникнуть в связи с этим, мы заранее сделаем оговорку относительно того, что рабочий подросток имеет, конечно, гораздо меньшие возможности сублимации и гораздо меньший простор для культурного творчества, чем буржуазный, и поэтому внешние условия сублимации оказываются гораздо более благоприятными у последнего.

Однако, как это мы постараемся указать в особом очерке, дело заключается в том, что эти вторичные благоприятные и неблагоприятные условия не могут изменить основного факта, именно того, что классово-производственная позиция подростка переключает его возрастную биологию, обращая вершину в основание и основание в вершину. В данном случае мы говорим о необходимости развития, другое, конечно, нам придется сказать о возможности этого развития. Мы хотим сказать только, что рабочий подросток с необходимостью толкается на путь сублимации, как буржуазный подросток с необходимостью толкается на путь паразитизма, и

этим же в малой степени мы не отрицаем того факта, что самая возможность сублимации безмерно богаче и шире у обеспеченных классов.

Мы можем, таким образом, формулировать ответ на поставленный нами вопрос и сказать, что различие в данном случае оказывается чрезвычайно резким потому, что самая доминанта возраста у одного и другого социального типа подростка оказывается различной. Вспомним ясный и простой пример, которым мы пользовались в предыдущем очерке. Мы помним, что в зависимости от того чему принадлежала доминанта, по разному направлялись и все остальные возбуждения и раздражения, попадающие в нервную систему. Половая доминанта в опытах проф. Ухтомского привлекает на свою сторону, переключает на половые пути всякое постороннее раздражение: это есть физиологическая основа того, что мы называем паразитизмом.

Аналогичное явление представляет и половой психопат, для которого всякое возбуждение сейчас же превращается в формы сексуального возбуждения. Пример обратного развития представляет путь, которым прошло все человечество от подавления сексуальной энергии под влиянием новых потребностей, вставших перед ним. Этот путь в более чистом виде прорабатывает и рабочий подросток, для которого основная жизненная необходимость человека — труд продолжает оставаться и основной личной жизненной необходимостью, двигающей всем процессом его развития в переходном возрасте.

Нам остается ответить еще на второй вопрос, именно, как следует в свете разбираемой нами теории объяснить те конфликты и осложнения, которыми так богат переходный возраст. После всего сказанного мы можем ограничиться немногим. Мы видели, что переходный возраст не конституционально-патогенный. Мы, следовательно, должны искать других источников для этих конфликтов и осложнений. Мы их видим в том, что переходный возраст создает благоприятные условия для возникновения всевозможного рода патологических явлений.

Сам по себе это возраст мощного под'ема, но вместе с тем возраст нарушенного и неустойчивого равновесия, возраст развития, которое разветвилось на три отдельные русла и именно под'ем, лежащий в основе этого возраста, делает его особенно критичным. В самом деле, сам по себе под'ем труден и ответственно. То же самое явление, которое на путника, идущего по ровной дороге не окажет заметного действия, может оказаться труднейшим препятствием, иногда опрокидывающим, для путника идущего в гору.

Вот почему целый ряд заболеваний оказываются особо опасными в этот период. Никогда туберкулез так не страшен как сейчас, когда все силы организма уходят на рост организма. Обобщая это, мы могли бы сказать что переходный возраст не конституционально, а кондиционально патогенен. В этом и заключается основа нашего взгляда. Мы хотим сказать, что на основе этого воз-

роста порождает из себя конфликты, но самый подъем этого возраста создает благоприятные условия для того, чтобы некое внешнее затруднение превратилось в патологическое.

Ни один возраст так не далек от смерти и не является в такой степени жизнеспособным как этот, но ни один детский возраст, как это показывали и исследования в нашей стране, не является так богатым болезненными расстройствами, как этот, в данном ни один не оказывается столь ранним т. е. столь подверженным вредным влияниям и резко на них отзывающимся, как именно этот.

Так, по данным проф. Арямова очень интересно отношение между болезненными расстройствами в переходном возрасте и между пребыванием подростка в школе фабрично-заводского ученичества. В первой группе этой школы мы находим 62% здоровых подростков, во второй группе — 44% и в третьей группе только 40%. Главнейшие формы болезненных расстройств выражаются в виде начальных стадий туберкулеза — 14,2%, малокровия — 19,6%, расхождения паховых колец — 11,6%, повышенной нервной возбудимости — 37,4% (в том числе 6,2% ясно выраженной неврастении), значительный процент расстройств зрения — 11,6% и очень высокий процент носовых расстройств — 45,7% (7,3% из них приходится на аденоиды). При этом у одного и того же подростка нередко встречается по несколько заболеваний. Приведенные нами данные показывают главнейшие формы болезненных расстройств, присущих этому возрасту. Мы видим, что такие заболевания как туберкулез, малокровие, неврастения, расстройство зрения, т. е. моменты, непосредственно связанные с работой, увеличиваются в этом возрасте и, в частности, такое расстройство, как повышенная нервная возбудимость прямо прогрессирует параллельно продвижению подростка в школе и в первой группе мы встречаем ее в 16%, во второй группе в 32,5% и в третьей группе в 51%.

Все исследования этого автора и его сотрудников показывали, что только 40 — 45% подростков обладают удовлетворительным здоровьем. Таковы же результаты, полученные в центральной профилактической амбулатории Наркомздрава, таковы же данные по Москве при обследовании подростков на производстве врачами Мосздрава.

Но самым примечательным в этом является то обстоятельство, что в то же самое время, те же самые исследования, которые констатируют, что только меньшая половина подростков является здоровой и что заболеваний растут параллельно из года в год, вместе с прохождением курса школы, эти же самые исследования показывают, что в отношении роста, веса, грудной клетки, общего физического облика и вообще всех конституциональных особенностей в среднем наши подростки очень близки к нормам Штрауца.

Отмеченное выше парадоксальное взаимоотношение степени физического развития и состояния здоровья подростка (при удовлетворительном общем физическом развитии весьма большой процент болезненных расстройств) обратило на себя внимание русских исследователей и порою в причине таких биологических вознищ

по выражению Н. А. Аржинова очень интересует педологов и, конечно, вполне этого заслуживает.

Нам представляется, что в свете изложенного нами взгляда эти явления получают свое полное объяснение. Мы и говорили, что данный возраст не конституционально, а кондиционально патогеничен. Это значит в основе своей он не представляет ничего патологического. Это и подтверждают данные, говорящие о благоприятном физическом развитии подростка, в среднем приближающегося к нормам, установленным Штрацем.

Но этот возраст, являющийся путем вверх, создает в высшей степени благоприятные условия для патологического воздействия внешних факторов, и это подтверждают данные, говорящие о растущем количестве болезненных расстройств у подростков. Мы считаем необходимым указать, что даже те авторы, которые видят основу патологических изменений в этом возрасте в конституциональных особенностях подростка, даже они указывают, что характер заболеваемости в этом возрасте глубоко отличается от заболеваний в предшествующем возрасте.

Если эпоха раннего детства характеризуется, главным образом, как эпоха инфекционных заболеваний и свидетельствует о неспособности ребенка к общим условиям физической среды, в которой он растет (воздух, пища); если эпоха первого школьного возраста характеризуется главной массой, так называемых, школьных заболеваний (искривление позвоночника, близорукость и характеризуется нажитыми болезнями, возникающими в результате ошибок воспитания (парта, учебник, сидячее обучение), то эпоха переходного возраста характеризуется заболеваниями, связанными с работой.

„В условиях современного общества — говорит проф. Блонский — массовый подросток работник, но к работе надо приспособиться, подростничество — эпоха травм. Травматические повреждения максимальны именно в годы подростничества“ И совершенно в согласии с этим он продолжает: если подростничество — эпоха приспособления к работе — травматических повреждений, то юность — эпоха приспособления к половой зрелой жизни; приспособление половой жизни дает себя знать максимумом венерических и женских заболеваний“.

Мы, таким образом, видим, что все заболевания этого возраста носят травматический характер, что означает, что происходит раннее организма в самый ответственный период его развития внешними неблагоприятными моментами.

Мы не могли бы лучше выразить самую сущность кондициональной теории осложнений переходного возраста, чем определив их, как травматические. В очень широкой мере такой же характер носят и психологические конфликты, столь богатые в этом возрасте. Частая трудновоспитуемость, частые реактивные психические и нервные расстройства частые психические травмы — все это говорит о том же: не в конституциональном, а в кондициональном отношении переходный возраст оказывается патогеничным.

Однако, травматические повреждения и нарушения представляют одну только сторону конфликта переходного возраста. Для этого ряда конституциональных моментов он также является чрезвычайно чувствительным реактивом, обнаруживающим особенности организма, до того скрытые и не проявляющиеся вовсе. Можно было бы обобщая эти моменты сказать, что переходный возраст представляет совокупность условий, в высшей степени благоприятствующих как внешним травматическим воздействиям, так и обострению и проявлению внутренних конституциональных задатков и предрасположений, которые до того находились в латентном состоянии. Половое созревание переводит их из потенциального в актуальное состояние.

Мы привели уже выше мнение Гомбургера о несостоятельности традиционного взгляда на переходный возраст, как на возраст, который сам по себе в силу своих биологических особенностей, обрекает подростка на опасный путь по самой границе, отделяющей нормальную психическую жизнь от болезни. Этот автор развивает два соображения, думается нам, совершенно основательные, для опровержения этого взгляда.

Во-первых, целый ряд особенностей, многие аномалии в структуре личности, многие отклонения от нормального типа просто не замечаются раньше в детстве и приобретают вместе со всеми сторонами организма усиленное выражение в этот период общего подъема всей жизнедеятельности. Переходный возраст таким образом, играет по отношению к этим особенностям роль рупора, резонатора, усилителя. На фоне общего укрупнения всех черт и эти становятся выразительнее и более бросаются в глаза.

Второе соображение важнее. Оно говорит том, что и на деле многие аномалии, отклонения от нормы, черты недостаточности, неблагоприятные задатки усиливаются в этот период, когда общие требования к приспособлению организма безмерно повышаются. Недостатки механизма, которые не давали особо чувствительно о себе знать на ровной дороге, служат часто причиной катастрофы, когда паровоз берет крутой подъем.

Но все это очень далеко от признания самого возраста, его конституции патогеничной; этот возраст оказывается критическим для того, кто в собственной своей конституции несет патогенные моменты. Ведь тот же Гомбургер наряду с обострением и усилением всевозможного вида осложнений в эту эпоху, показал, что целый ряд психопатических вариантов личности (т. е. пограничных между болезнью и нормой аномальных состояний в детском возрасте) должен рассматриваться, как ряд обусловленный задержкой созревания, затянувшимся детским состоянием (инфантилизмом).

Недоразвитие и всевозможного рода задержки и нарушения развития особо остро дают себя знать в критическую эпоху созревания. Таким образом, не наступление, но задержка полового созревания является в данном случае причиной осложнения. Подобные

отложения между периодами полового созревания и вступлением в сознательную жизнь. Эти явления кажутся нам в свете развитых явных форм, наиболее характерными для биологического понимания этого возраста, чем обратные, наиболее часто наблюдавшиеся и наиболее прямо поместные в общее сознание.

Мы вовсе не склонны, следовательно, считать переходный возраст безразличным или нейтральным в смысле определения судьбы патологических процессов. Напротив, мы считаем особо глубокими и сложными отношения между здоровым и болезненным в этом возрасте. Мы считаем лишь необходимым стереть печать роковой болезненности со всего возраста в целом, показать его здоровую сердцевину. Но если мы должны стереть с возраста печать болезни, мы не можем стереть с болезни печать возраста, которую он накладывает на всякий конфликт, придавая ему специфическое возрастное выражение. Мы считаем особо важным поэтому для понимания каждого возраста изучение его патологии.

Мы знаем, например, что даже при таких грубо органических заболеваниях, как энцефалит, переходный возраст дает постэнцефалитическое состояние, противоположное тому, которое наблюдается у взрослых. В то время, что у взрослых наблюдается апатия, потеря эмоциональных реакций, как основная, доминирующая черта, у подростка наблюдается противоположное изменение характера, выражающееся в бурных эмоциональных возбуждениях. Независимо от того, примем ли мы вместе с Гомбургером, что у подростка эти явления достигают своего апогея, или вместе с Гуревичем, что эти изменения у подростков менее ярки, чем у детей, и занимают среднее место между апатией взрослых и бурной эмоциональностью детей, — все равно мы не можем не узнать характернейшую печать переходного возраста в этой парадоксальной реакции. И в ней мы склонны видеть уродливо искаженное свидетельство эмоционального богатства этой критической эпохи.

„Как видим, говорит А. Б. Залкинд, в этом возрасте одновременно содержатся и наибольшие возможности, и особенно грозные опасности: именно благодаря огромному богатству возраста, возраст этот насыщен такими острыми противоречиями. Трагизм современного подростничества это не фатальный трагизм самого возраста, а вина уродливых влияний среды, дающей возрастной энергетике болезненное, паразитическое применение“ В этих словах мы видим ключ ко всей проблеме конфликтов и осложнений в переходном возрасте.

Необходимая литература для углубленной проработки задания.

1. А. Б. Залкинд. Вопросы советской педагогики. — Гил, Ленинград, 1926 г. Ц. 1 р. 20 к.

2. П. П. Блонский. — Педология. — Москва, 1925 г. — „Работник Просвещения“ Цена 2 р.

3. И. А. Арямов — о сотрудниках. — Рабочий подросток. Материалы для педологической характеристики. — М. „Тридекабрь“, 1928 г. Ц. 2 р.

4. И. А. Арямов. — Основные вопросы педологии подростка. — Статьи в сборнике Труды 2 Моск. Гос. Унив. т. I, стр. 114—125. — „Рабочий Пролет“, 1929 г. — Ц. 2 руб. 30 к.

5. И. А. Арямов. — Особенности поведения современного подростка. Статьи в журнале „Педология“, № 1. Стр. 159—161. — Газ. 1928 г. Ц. 3 р.

Темы для контрольных работ и задания № 7 и 8.

Ответьте в письменной форме на следующие вопросы и мотивируйте ваши ответы.

1. Что такое конституция, каковы главные типы строения тела и характера, что такое возрастная конституция.

2. В чем заключается теория психологии полового созревания Шпангера и Фрейда. Осветите критически одну и другую теорию.

3. Как надо понимать сексуальный паразитизм и сублимацию полового влечения в переходном возрасте, и каков наиболее вероятный физиологический механизм, лежащий в основе обоих процессов.

4. Перечислите важнейшие психологические положения, лежащие в основе советской системы полового воспитания, и укажите значение педологической среды, труда, естествознания, коллектива, физкультуры и спорта, как факторов полового воспитания.

5. В чем заключается конституциональное и кондициональное понимание конфликтов и осложнений переходного возраста, и в чем различие одного и другого понимания.

6. Как объясняются „биологические ножницы“ переходного периода с точки зрения второй из этих теорий.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
Задание пятое	69
Общий очерк переходного возраста.	
Анатомо-физиологические особенности подростка.	
Задание шестое	98
Половое созревание.	
Задание седьмое	116
Психологии полового созревания	
Задание восьмое	145
Конфликты и осложнения переходного возраста	

Цена один рубль.

801-85

НА ПРАВАХ РУКОПИСИ

10475-7

НО 676

Проф. Л. С. ВЫГОТСКИЙ. ЧО 076

44
77

ПЕДОЛОГИЯ ПОДРОСТКА

Задания №№ 1-8

